

ISSN: 2616-8162

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

4/2019

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **Т.А. Вилюзжанина**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **Т.Б. Ильина**, канд. психол. наук, доц. **А.А. Кацero** (Тульский государственный университет им. Л.Н. Толстого), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблёв**, д-р филол. наук, проф. **О.А. Кравченко**, д-р филол. наук, проф. **С.Е. Кремзикова**, д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **А.В. Петров** (Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **Л.А. Петрова** (Крымский инженерно-педагогический университет, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **С.В. Руденко**, д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **Н.В. Устинова**, д-р филол. наук, проф. **В.В. Федоров**, д-р филол. наук, проф. **А.Л. Факторович** (Кубанский государственный университет, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**, канд. психол. наук, доц. **И.А. Ярмыш**.

Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University

Series D: Philology and Psychology”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.A. Vilyuzhanina**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhanyan** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.B. Pyina**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.A. Katsero** (Tula State University named after L.N. Tolstoy), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliušchenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablyov**, Doctor of Philology, Prof. **O.A. Kravchenko**, Doctor of Philology, Prof. **S.Ye. Kremzikova**, Doctor of Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **L.A. Petrova** (Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.V. Rudenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **N.V. Ustinova**, Doctor of Philology, Prof. **A.L. Faktorovich** (Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Fyodorov**, Doctor of Philology, Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **I.A. Yarmysh**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33.

E-mail: terkulov@rambler.ru, s.vildgrube@mail.ru, korobova.lat@gmail.com.

URL: <http://donnu.ru/vestnikD>.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук (Приказ МОН ДНР № 576 от 04.05.2019 г.) по следующим группам научных специальностей: 10.00.00 – филологические науки; 19.00.00 – психологические науки. Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018).

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Протокол № 10 от 24.12.2019 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2019

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д. Филология и
психология

№ 4/2019

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

- Касьяненко Н.Е.* «Во всем мне хочется дойти до самой сути...»: становление личности (к 80-летию А.Е. Симоненко) 4
- Немченко М., Цибикова И.* Гендерные особенности английского и словацкого языков 9
- Гагаев А.А., Гагаев П.А.* О смысле как самодействующей реалии 22
- Дроздов В.А.* Тематическая группа «наименования со значением метисация» из африканских языков в карибских креолях на англоязычной основе 30
- Косицкая А.Г.* Метафорические и метонимические наименования человека в искусстве в английском и немецком языках (лингвокультурологический аспект) 36
- Мохосоева М.Н.* Сравнительный анализ производных значений густативных лексем (на материале английского, немецкого и украинского языков) 44
- Наливайко Ю.Ю.* Причины возникновения явления синкретизма в системе второстепенных членов предложения 53
- Першина К.В.* Проприальная номинация селений через призму лингвистического когнитивизма 59
- Тымчук Е.В., Красикова М.Б.* К вопросу о сопоставительном изучении артиклей в синхронии и диахронии (на материале западноевропейских языков) 67
- Фатьянова И.В.* Национально-маркированные концепты в англоязычном политическом дискурсе XX–XXI вв. 75
- Ярошенко Н.А.* Ономаσιологические модели сложных номинаций лица в детской речи (на материале лексикографических источников) 82
- Суслова И.А.* К проблеме исследования окказионализмов в когнитивном аспекте 91
- Якель А.О.* Причина коммуникативных неудач адресатов троллинговой коммуникации в виртуальном дискурсе новых медиа 101

Психология

- Кацера А.А.* К вопросу о развитии аффективно-оценочного компонента Я-концепции студентов с ОВЗ 107
- Челнокова Т.А.* Возможности психологического инструментария в развитии правополушарной активности и повышении качества образования обучающихся 111
- Правила для авторов 117

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

**Series D: Philology and
Psychology**

No 4/2019

CONTENTS

Philology

<i>Kasyanenko N.E.</i> “In all I wanna reach the essence...”: personality formation (to the 80-th anniversary of A.E. Simonenko)	4
<i>Nemčeková M., Cibíková I.</i> The study of language of gender (English and Slovak languages)	9
<i>Gagaev A.A., Gagaev P.A.</i> On sense as a self-acting reality	22
<i>Drozdo V.A.</i> Thematic group «cross-breeding names» borrowed from African languages in English-based Caribbean creoles	30
<i>Kositskaya A.G.</i> Metaphor- and metonymy-based names of people in art in English and German (linguistic and cultural aspect)	36
<i>Mokhosoeva M.N.</i> Derived meanings of gustatory lexemes in English, German and Ukrainian	44
<i>Nalyvaiko Iu.Iu.</i> Reasons for syncretism in the system of secondary members of the sentence	53
<i>Pershina K.V.</i> Proprietary nomination of villages through the prism of linguistic cognitivism	59
<i>Tymchuk E.V., Krasikova M.B.</i> On synchronic and diachronic approaches to the comparative study of articles in west European languages	67
<i>Fatyanova I.V.</i> Key national concepts in the Anglo-American political discourse of the XX–XXI-st centuries	75
<i>Yaroshenko N.A.</i> The onomasiological models of compound nominations of person in children’s speech (on the material of lexicographic sources)	82
<i>Suslova I.A.</i> To the problem of research of occasionalisms in the aspect of cognition	91
<i>Iakel A.O.</i> Reason of communicative failures of trolling communication addressees in the virtual discourse of new media	101

Psychology

<i>Katsero A.A.</i> To the question of development of effectively-assessing component of I-concept of students with HIA	107
<i>Chelnokova T.A.</i> Possibilities of psychological instrumentarium in development of dextrocerebral activity and in increase of quality of students’ education	111
Guidelines for authors	117

*К 80-летию со дня рождения
Анатолия Ефимовича Симоненко*

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81:159.323.2

«ВО ВСЕМ МНЕ ХОЧЕТСЯ ДОЙТИ ДО САМОЙ СУТИ...»: СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ (К 80-ЛЕТИЮ А.Е. СИМОНЕНКО)

© 2019. *Н.Е. Касьяненко*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье освещаются основные вехи жизни и деятельности Анатолия Ефимовича Симоненко, доцента кафедры общего языкознания и истории языка им. Е.С. Отина. Материал подготовлен в связи с 80-летием со дня рождения одного из старейших преподавателей факультета, много лет проработавшего заместителем декана факультета по заочному отделению, замечательного и творческого педагога, внесшего значимый научный вклад в формирование и развитие истории русской терминологии.

Ключевые слова: Анатолий Ефимович Симоненко, история филологического факультета, страницы жизни и деятельности ученого и преподавателя.

Время многое стирает из памяти человека: уходит суeta дней, забываются неприятности, отодвигаются в прошлое горести и невзгоды. Однако лучшее всегда остается с нами. Оно часто связано с людьми, оставившими неизгладимый след в нашей жизни...

27 ноября исполнилось бы 80 лет Анатолию Ефимовичу Симоненко, без которого и сегодня кафедра общего языкознания и истории языка им. Е.С. Отина чувствует себя осиротевшей. Его вспоминают часто: и когда речь заходит о преподавательских качествах этого человека, и когда обсуждается новое расписание заочного отделения, и просто, когда все мы «вспоминаем былое». Неизменно одно: о нем никогда не говорят плохо...

Нынешнее поколение студентов уже не знает А.Е. Симоненко – 14 января исполнится 6 лет, как его с нами нет. Те же, кто помнит этого замечательного преподавателя и человека, всегда абсолютно искренне сожалеют о его отсутствии.

Сын кадрового офицера («беспросветного бедняка», как он сам впоследствии вспоминал) и домохозяйки, А.Е. Симоненко родился на Дальнем Востоке в г. Бикин Хабаровского края, куда отец был отправлен служить после окончания школы младших командиров. Детство же его прошло в живописном украинском селе Ильинка Каменско-Днепровского района Запорожской области, недалеко от Никополя. Именно там, у бабушки – матери отца, семья Симоненко оказалась в самом начале войны. Затем была эвакуация в с. Сrostы Алтайского края. Отец, Ефим Петрович Симоненко, был направлен на фронт командиром гвардейской пулемётной роты и в 1942 году пропал без вести. А.Е. Симоненко всегда мечтал узнать, как погиб отец, отыскать место его захоронения. Последние годы жизни он посвятил именно этому. Во многом Анатолию Ефимовичу помогала дочь, Наталья Анатольевна Соловьева. В итоге после изучения многих документов, переписки с однополчанами отца, поездки по местам боев гвардейской дивизии; благодаря многочисленным обращениям в различные военные инстанции было установлено местонахождение братской могилы, в которой предположительно захоронен Е.П. Симоненко. Кроме того, обнаружена архивная

справка Министерства обороны Российской Федерации о том, что за бои под Москвой Ефим Петрович Симоненко награжден орденом Ленина...

Анатолий Ефимович окончил среднюю школу села Великая Знаменка Каменско-Днепровского района Запорожской области. Он не сразу пришёл в филологию, которая стала смыслом его жизни. Этому предшествовала учёба в Чистяковском горном техникуме (сейчас г. Торез), после обучения в котором работал в должности подземного горного мастера. Затем была служба в армии на туркменской границе, во многом укрепившая его природную наблюдательность и способность быстро оценить ситуацию. Помимо обычных «солдатских» обязанностей, рядовой Симоненко занимался еще и оформительской работой: талант к рисованию обеспечил ему «статус» армейского художника. Этот период своей жизни Анатолий Ефимович всегда вспоминал с теплотой: армейское братство – это то, что во многом внутренне меняет человека, окончательно формирует его характер.

Только потом было поступление на филологический факультет Донецкого пединститута, (позднее государственного университета), причем это был осознанный шаг, а не импульсивный порыв, когда «нужно поступить» куда-нибудь. Учеба в вузе захватила с первых дней. Уже тогда, студент Симоненко проявил незаурядные способности к научной деятельности, и это подтвердили его первые, но достаточно зрелые по своему характеру работы. Еще на 3-м курсе появилась тяга к лексикографическим изысканиям, а объектом внимания стала горная лексика в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847 г.) – учеба в горном техникуме и здесь пригодилась. Руководителем этой работы тогда была Галина Павловна Цыганенко. Однако научные интересы А.Е. Симоненко этим не исчерпывались: на пятом курсе в Киевском университете на конференции им был сделан блестящий доклад, получивший высокую оценку, о создании словаря документальной информационно-поисковой системы дескрипторного типа для нахождения патентной информации. В дальнейшем талантливый студент Симоненко принимал участие в научном симпозиуме «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики» в Москве. Уже эти, первые, но вполне твёрдые «шаги» Анатолия Ефимовича предопределили его дальнейший жизненный путь.

После окончания университета Анатолий Ефимович был оставлен на кафедре (тогда общего и славянского языкознания) в качестве ассистента, а затем старшего преподавателя. Впоследствии ему было присвоено звание доцента. На формирование молодого преподавателя оказал влияние его научный руководитель – профессор Владимир Константинович Журавлев, славист, фонолог, специалист по истории славянских языков. Именно его курс – старославянский язык – стал преподавать Анатолий Ефимович, обогатив его новой методикой. Не случайно 2-е издание пособия «Старославянский язык в схемах и таблицах», вышедшее под грифом Министерства образования и науки Украины, было постоянно востребовано студентами. Помимо этого, за время работы в университете им был прочитан ряд общих и специальных курсов, в числе которых «Введение в славянскую филологию», «Введение в языкознание», спецкурсы по истории русской лексикографии, активным методам обучения и др.

Анатолий Ефимович обладал редкими преподавательскими качествами – умением «влюбить» студентов в свой предмет и научить, именно «научить», а не просто прочитать лекцию. Студенты же, чьим научным руководителем он был, и сегодня вспоминают его с большой теплотой и искренним уважением. По словам Е.С. Отина, А.Е. Симоненко «писал курсовые и дипломные работы руками студентов» – настолько

квалифицированными, полезными и исчерпывающими были его консультации. Вообще он никогда ничего не делал формально, а к любому делу, к выполнению любого поручения всегда относился так, как будто они являлись основными.

Не случайно многие из воспитанников Анатолия Ефимовича сегодня добились значительных успехов: преподают в Донецком многопрофильном лицее-интернате Т.Е. Соколова и Л.Н. Дымченко, заведует отделом воспитания и развития творческой личности в Донецком республиканском институте дополнительного педагогического образования Н.А. Суркова, работает директором одной из Киевских школ А.В. Гмыря (Васильева), настоятелем Свято-Троицкого собора является протоирей В. Леонов, а настоятелем храма Рождества Пресвятой Богородицы г. Донецка – И.Е. Овчаренко. Пятерым из восьми членов кафедры общего языкознания и истории языка им. Е.С. Отина в разное время А.Е. Симоненко преподавал. Заведует кафедрой русского языка филологического факультета ДонНУ профессор В.И. Теркулов. И это только малая часть бывших студентов – выпускников кафедры.

Несколько лет А.Е. Симоненко работал на Кубе, преподавая русский язык в Институте иностранных языков и в Гаванском университете. Здесь он читал отдельные теоретические курсы, в том числе «Введение в языкознание», «Введение в славянскую филологию». Иностранцы тепло относились к своему преподавателю, который снискал их заслуженное уважение не только благодаря доступности, увлекательности своих лекций, но и тем, что использовал активные методы обучения.

В течение двадцати лет А.Е. Симоненко возглавлял деканат вечернего и заочного (а затем, после упразднения вечернего – только заочного) отделений факультета, деканат которых без преувеличения был его вторым домом. Он знал практически каждого студента-заочника, старался максимально целесообразно организовать работу деканата, помня о том, что студенты заочного отделения ещё и учителя наших школ, помня, что у них, помимо учебы, есть ещё и семьи. Многие из его методических разработок адресованы именно им. Он как никто другой понимал те трудности, с которыми сталкивается студент-заочник, и активно способствовал оптимизации работы заочного деканата.

Наконец, нельзя обойти вниманием научную деятельность Анатолия Ефимовича. Глубочайший знаток лексикографии, прежде всего XVIII века, А. Е. Симоненко по сути стоял у истоков истории русской терминографии. Консультативную помощь в начале научной деятельности оказывала ему Вера Викторовна Замкова – доктор филологических наук, научный сотрудник Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР (ныне Институт лингвистических исследований РАН). На заседаниях лексикографического сектора этого института А.Е. Симоненко выступал с докладами. Анатолий Ефимович много и кропотливо работал с редкими словарями прошлых столетий, иногда по крупицам собирая материал о них и их авторах. Им была создана рабочая картотека, содержащая подробные записи о каждом лексикографическом источнике XVIII – первой половины XIX вв. Сюда вносились вся научная литература о конкретном словаре, полное его наименование, которое, как правило, имело пространственный характер, обильный цитатный материал, собственные соображения в связи с прочитанным, статистические данные и пр. Результатом этой работы стало монографическое исследование, содержащее цикл очерков по истории и теории русской терминографии XVIII – первой половины XIX века, которая на то момент все ещё оставалась за пределами внимания исследователей. Данная монография включает историю терминографии начиная с древнейших времен.

Значительная часть книги посвящена описанию несловарных форм терминографии или форм, переходных от несловарным к словарным: глоссам, реестрам, словарным заготовкам, «книгам-словарям» – всему тому, что подготовило создание собственно словарных трудов. Подробно охарактеризовано в очерках явление варианности терминов на материале различных словарей, представлена оригинальная типология вариантов. При этом автором затронуты проблемы, с которыми сталкиваются лексикографы: отсутствие регистрации вариантных отношений, дублирование информации о термине, принципы рациональных приемов словарного описания варианности и пр. В качестве иллюстративного материала представлены данные самых различных словарей, до этого времени не описанных – «Словарь ручной натуральной истории» 1788 г. В.А. Левшина, «Сельский лечебник» 1789 г. М.Д. Чулкова, «Словарь архитектурный...» 1789 г. Ф.В. Каржавина и др.

Особым разделом труда А.Е. Симоненко является раздел, касающийся описанию специальной лексики в словарях общего типа. Автор обращает внимание на отсутствие единых принципов описания специальных слов, на непоследовательность регистрации специальной лексики, на неравномерность ее представления в словарях. Здесь присутствуют интересные, а главное, никем не описанные факты из истории создания «Словаря Академии Российской», анализируются источники первого толкового словаря, в том числе «Словарь Российского языка» 1776 г., подробно характеризуется горная лексика «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 г. на фоне терминологии иных отраслей науки, зафиксированной в данном словаре. Исчерпывающе описаны семантические группы терминов, способы их подачи в словаре, особенности дефиниций и пр.

В процессе анализа некоторых проблем, связанных с терминографией, А.Е. Симоненко подробно охарактеризовал словари, в том числе еще не рассмотренные на тот момент, например «Французско-русский словарь технических терминов» В.П. Еремеева 1835 г. «Горный словарь» Г.И. Спасского 1841–1843 гг.

Отдельные разделы книги посвящены лексикографической деятельности видных научных и государственных деятелей того времени, в частности А.С. Шишкова, который составил «Трехязычный морской словарь...» 1795 г., «Словарь по кораблестроению» 1832 г. перевел книгу Ш. Ромма «Art de la Marine» («Морское искусство...») 1793 г. Предметом внимания исследователя стала и притекстовая терминография Н.Г. Курганова, прежде всего, материалы следующих трудов: «Бугерово Новое сочинение о навигации...» 1764 г., «Генеральная геометрия или Общее измерения протяжения составляющее Теорию и Практику оной науки» 1802 г., «Наука Морская сиречь опыт о теории и Практике управления Кораблем и Флотом военным» 1774 г. и многих других.

Завершая все сказанное выше, хочется особо акцентировать человеческие качества Анатолия Ефимовича – скромность, исключительное трудолюбие, высокую требовательность к себе и студентам, глубокое знание языковедческой науки, верность и преданность профессии.

Когда-то, на одном из заседаний кафедры, заведующий кафедрой Евгений Степанович Отин, подводя итоги очередной пятилетней деятельности преподавателей кафедры, охарактеризовал А.Е. Симоненко, процитировав Б.Л. Пастернака: «Во всем мне хочется дойти до самой сути...». И эти строки как нельзя лучше отражают сущность Анатолия Ефимовича – Человека и Преподавателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Касьяненко Н.Е. 70-летию автора посвящается / Н.Е. Касьяненко // Симоненко А.Е. Очерки по истории и теории русской терминологии XVIII – 1-й пол. XIX вв. / А.Е. Симоненко. – Донецк : Юго-Восток, 2009. – С. 7–8.
2. Симоненко А.Е. Очерки по истории и теории русской терминологии XVIII – 1-й пол. XIX вв. / А.Е. Симоненко. – Донецк : Юго-Восток, 2009. – 580 с.

Поступила в редакцию 29.11.2019 г.

**“IN ALL I WANNA REACH THE ESSENCE ...”: PERSONALITY FORMATION
(TO THE 80-th ANNIVERSARY OF A. E. SIMONENKO)**

N. E. Kasyanenko

The article highlights the main milestones in the life and work of Anatoly Efimovich Simonenko, associate professor of the Department of General Linguistics and the History of Language named after E.S. Otin. The material was prepared in connection with the 80th anniversary of the birth of one of the oldest teachers of the faculty, who worked for many years as the deputy dean of the faculty in charge of the correspondence department. A.E. Simonenko was a wonderful and creative teacher who made a significant scientific contribution to the formation and development of the history of Russian terminography.

Key words: Anatoly Efimovich Simonenko, history of the Faculty of Philology, pages of the life and work of a scholar and teacher.

Касьяненко Наталья Евгеньевна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры общего языкознания и истории языка им. Е. С. Отина.
E-mail: Kasyanenko_natusya@mail.ru

Kasyanenko Natalia Evgenievna.

Candidate of psychological sciences, Docent.
Donetsk National University.
Associate Professor of the Department of General Linguistics and the History of the Language named after E.S. Otin.
E-mail: Kasyanenko_natusya@mail.ru

УДК 81'276.3

THE STUDY OF LANGUAGE OF GENDER (English and Slovak languages)

© 2019. M. Nemčeková, I. Cibíková

University of SS. Cyril and Methodius in Trnava. The Slovak republic, Faculty of Arts,
Department of British and American Studies

The study deals with the sociolinguistic research of contemporary language of gender by monitoring changes in the 21st century. The aim of the sociolinguistic research is to analyse the contemporary English and Slovak language of men and women with focus on the lexical level. The partial objective is to state the visible characteristics and the differences of the language of men and women on the lexical level. The methods of the sociolinguistic research are the observation, analysis, synthesis, term excerption, comparative method, method of evaluation and description. The sociolinguistic research is based upon the corpus that consists of eight scientific interviews taken from the English and Slovak online serious press, The Guardian and Denník N representing both genders and both languages. Findings and conclusion: The most distinctive differences between the language of men and women on the lexical level are in the use of specialized and expressive vocabulary and in the use of hyperbolic words and phrases. The sociolinguistic research also showed that the characteristic of the language of men is the usage of specialized vocabulary and negatively coloured expressions. On the contrary, the characteristic of the language of women is the usage of positively coloured expressions and hyperbolic expressions.

Key words: *language, gender, language of men, language of women, sociolinguistic research*

"Sugar and spice and all things nice,
That's what little girls are made of. Slugs
and snails and puppydog tails, That's what
little boys are made of." English nursery
rhyme (Opie P., Opie I. 1997, p. 117)

Sociolinguistic Approaches to the Language of Gender. The paper deals with the study of language with connection to the gender. There has been many debates and discussion on the topic of language and gender studies throughout the history. Among the most important approaches to the language of gender studies are the following: *deficit approach, difference approach, dominance approach and dynamic approach.*

Deficit Approach. As the name suggests, deficit approach depicts the language of one gender as being more deficit to the other one. More specifically, the language being ascribed as deficit was the language used by women. According to Coates, in the past, there was no difference between the terms "man" and "person", since they were both equal in meaning (Coates, 2013, p. 3). However, "woman" was a marked expression depicting something inferior to the two abovementioned terms. Therefore, topic of language of women is projected as something marked, deviant from the norm. This norm is being the language of men which was characterized as the standard form of the language. The language of women was therefore seen as something of a lower value than the language of men. This is also the main focus of the deficit approach. It perceives the specific linguistic features women use in their speeches and also women themselves as being subordinate to men. Robin Lakoff was presented as the pioneer in the study of language and gender. However, several years in advance of Lakoff's work and the women's and feminist movements, the first contribution to the gender-specific studies was made by a Danish linguist Otto Jespersen. He dealt with what makes the women's

language different from the language of men in the chapter “The Woman” in his book *Language: Its Nature, Development and Origin* (1922). Jespersen (1922, p. 242–250) states the following differences in the language use of women and men that support the deficit approach: *Conservatism*: “women are more conservative than men” (Jespersen, 1922, p. 242), and they use more traditional forms and linguistic forms than men do. *Phonetics and grammar*: women tend to have a better developed pronunciation and use the grammatical forms more than men do (Jespersen, 1922, p. 243). *Choice of words*: women prefer to use mild, euphemistic and more pleasant-sounding words than men would use. Men would not hesitate to use blunt, abrupt expressions (Jespersen, 1922, p. 245). *Vocabulary*: women tend to use the standard forms of language with respect to the lexicon, whereas men use more neologisms, archaisms and slang words than women do (Jespersen, 1922, p. 248–249). *Adverbs*: women tend to use more hyperbolic and intensifying adverbs than men do (Jespersen, 1922, p. 250). • *Periods*: women tend to leave unfinished sentences more often than men. (Jespersen, 1922, p. 251).

However, the first most influential work that helped to truly speed up the development in this field was Robin Lakoff’s pioneer work *Language and Woman’s Place* which was first published in 1973 as an article titled “Woman’s language”, and later in 1975 as a book. It is one of the most significant publications which contributed to the study of language of gender. As the name of R. Lakoff’s title suggests, R. Lakoff devoted her attention to the language used by women which she describes as the “Women’s Language”. R. Lakoff presents the language of women as a special set of features which are discrepant from the standard language, which is the language of men. Moreover, she portrays the language of women as being suppressed and inferior to the language of men. She states that “the marginality and powerlessness of women is reflected in both the ways women are expected to speak, and the ways in which women are spoken of” (Lakoff, 1973, p. 45). Therefore, Lakoff is convinced that the low-grade status of women within the society is connected to their use of language. She claims that the powerlessness of women is on one hand achieved as the result of the language they speak, but on the other hand, the language women speak is influenced by their lower social status and inferiority to men.

Due to the mentioned characteristics of the peculiar language used by women, it is possible to deduce several characteristics of women as well. According to Spender (1980, p. 8), Lakoff’s research on Women’s Language proved that because of their way of using language, “women lack authority, and seriousness, they lack conviction and confidence”. Moreover, their 21 language makes them seem doubtful and uncertain about their own propositions (Spender, 1980, p. 8). Moreover, Wardhaugh claims that after R. Lakoff’s publication, her research on the differences among language of men and women has been labelled as “the deficit approach” (Wardhaugh, 2014, p. 324). According to Sadiqi, the deficit approach sees the language of women as being insufficient and more limited than the language used by men (Sadiqi, 2002, p. 4). Therefore, because of their use of language, women have a certain deficit in comparison with men. W. M. O’Barr and B. K. Atkins suggest that the deficit approach refers rather to the “powerless language due to its close association with persons having low social power” rather than being limited to women only (O’Barr and Atkins, 1980, p. 402). According to this approach, acting like a lady and being powerful is mutually exclusive, therefore the behaviour and use of language of women makes them less powerful than men are.

Difference Approach. Jespersen’s and Lakoff’s contribution to sociolinguistic language of gender studies with their deficit approach sparked off further studies and progress in this field. In the 1990s, American professor of linguistics Deborah Tannen continued with the research in this field with her work *You Just Don’t Understand: Women and Men in*

Conversation (1990). In her work, she developed further approach to the study of language of gender, most significantly with her difference approach. Tannen named one of the chapters of her book very accurately with the title “Different worlds, different words”. What she meant by this title is that men and women belong to, figuratively said, different worlds or sub-cultures for having different social roles and attributes, therefore they are likely to express themselves with different words, too (Tannen, 1990). Because of this fact, many misunderstandings may arise. Tannen states that to prevent from the misunderstanding caused by the use of different conversational styles among men and women, it is necessary to analyse those differences and thus it is possible to avoid the potentially wrongly understood statements (Tannen, 1990). In her research, Tannen focused mainly on the conversational styles of men and women. From her observing of the casual speech between several husbands and wives, she conducted that there is a number of different conversational strategies applied between the speeches of men and women. On the grounds of that, Tannen (1990) stated six key concepts and contrasts between the men and women and their way of communication – in each couple of contrasts, the former one represents the major characteristic of men and the latter one represents the characteristic of speech of women. Those six concepts are the following: *Status, counter to Support, Independence, counter to Intimacy, Advice, counter to Understanding, Information, counter to Feelings, Orders, counter to Proposals, Conflict, counter to Compromise.*

First contrast set by Tannen is status counter to support. While women tend to reach for the conciliation and good relationships, men care more about their position, achievement, and power. Secondly, Tannen states the difference between being independent and being intimate. The former one refers to people advocating different status and position, thus regarding to one as the superior and to the other as to the inferior. However, on the contrary, intimacy means being equal and close to each other. The third contrast between men and women is in giving advice, as opposed to expressing understanding and sympathy in current matters. While expressing one’s difficulty, men would rather propose a direct advice to find the solution. Whereas, women would rather express their empathetic understanding and sympathy. The fourth key concept distinguishing utterances of men and women is that men care more about information being given and received, while women would rather pay more attention to expressing their feelings and listening to the feelings of their communication partner. Moreover, the next contrast given by Tannen is between men’s direct giving of orders and commands, counter to women’s implying proposals and suggestions without any abrupt orders. As the last contrast with which D. Tannen distinguishes men and women and their use of language is conflict on the side of men as opposed to the compromise on the side of women (Tannen, 1990). As opposed to the deficit and dominance approach, the difference approach does not present women as being necessarily subordinate to men, but rather takes women and men as two different sub-cultures. Moreover, the difference approach depicts the benefits and good points of the language of women (Coates, 2004) and not only those features that depict their lower social status as was the case in the deficit approach.

Dominance Approach. The next influential contribution to the field of language and gender was conducted by Fishman who in the 1980s introduced the dominance approach. Fishman carried out her research on three married couples by recording their casual conversations within their households (Fishman, 1978, p. 399). She discovered that men act and speak in a superior way to their wives and that there is “unequal distribution of work in conversation” between men and women (Fishman, 1978, p. 404). In other words, women are more keen on keeping the conversation in the flow than men are. Therefore, women apply various numbers of conversational strategies in order to keep up the talk, but only rarely do

they actually succeed. Fishman then drew the following conclusions: women tend to use such linguistic expressions that would attract the men's attention very often. Moreover, women tried to encourage men's speeches and talking. Whereas, men only very rarely, or even not at all tried to gain women's attention or support the women's talks. This implies the dominant and subordinate position of men above women. To clearly state the contrast between the dominance and difference approach, the dominance approach is distinguished from the difference approach by dealing with power and who has a hold of it, whereas the difference approach does not necessarily take power into a consideration. The dominance approach sees women as being under control of and oppressed to men, however, the difference approach only sees women as belonging to another sub-culture other than men (Tanaka, 2004, p. 23).

Dynamic Approach. The last and also the most recent approach suggests that the specific way of communication does not depend only upon the gender of the speaker and his communicative partner, but it is far more complicated process consisting of and being influenced by many different factors. Gender cannot be simply divided into binary categories, rather it is a collection of various factors. Such approach has been defined as the dynamic approach. According to Coates, dynamic approach is the latest approach to the study of gender and language that is being adopted by scholars recently (Coates, 2004, p. 5). Coates also claims that the language people speak is not static and the linguistic choices are not predetermined by their gender, but rather that people make linguistic choices in the course of speaking with respect to many factors (Coates, 2013, p. 57).

As the name suggest, the dynamic approach presents a language as a dynamic way of communication, rather than something static or binominal as was depicted by the previous approaches (deficit, difference and dominance). As Sunderland and Litosseliti claim, Deborah Cameron replaced the traditional view of a "fixed code" of language of men and women for the view of the "integrational linguistics" (Sunderland and Litosseliti, 2002, p. 46). The meaning of it was proclaimed by Cameron who stated that the language should be analysed only along with all the factors that influence it, be it the linguistic, contextual, social or any others (Cameron, 1992, p. 192). Moreover, West and Zimmerman present the dynamic approach in contrast with the static notion of sex (West and Zimmerman, 1978). In other words, gender is not static, but rather gender is dynamic, it is constantly changing upon different conditions. According to Wodak and Benke, the latest analyses of men's and women's speeches proved that they vary only in minor differences and are dependent upon the context and particular communication situation (Wodak and Benke, 1998 In: Coulmas, 1998, p. 90).

The dynamic approach presents the use of language as highly dependent upon the particular situation in which the speakers occur. It does not see the "language of men" and "language of women" as two separate subjects, but rather considers the communication as a dynamic tool. Closely related to the dynamic approach is the social constructionist approach introduced by Eckert and McConnell-Ginet who present their view on gender as being socially constructed (Eckert and McConnell-Ginet, 2013, p. 6). Though they admit that biological, anatomical and physiological qualities do have an impact on the forming of the person, they ascribe the most significant impact of shaping the character and gender of a person to the social conditions in which they occur. To prove their point, they provided as the proper example a case of a newly born baby. Long before the baby is born, everybody wonders whether it will be a boy or a girl. And as soon as the baby is born, the 3rd person pronoun "it" is immediately replaced by "he" or "she" depending on the sex of that baby as means of addressing. Right after being born, "gendering" of the person begins. It is assigned certain attributes and expectations depending whether it is a boy or a girl. In case it is a girl, she will probably be given a pink or purple carriage, pair of earrings and a bow on their head.

On the other hand, if it is a boy, he will be given a blue carriage and clothing with cars or trains printed on them (Eckert and McConnell, 2013, p. 8).

This is how the social constructionist approach works. To sum up, the latest approaches to the language and gender studies, the dynamic approach and the social constructionist approach present the language as not being solely dependent upon the gender of the speaker, but consider also other factors present in the time of communication. Gender is one of those factors, but not the only one. Hence, the use of linguistic units is influenced by various different factors that shall be taken into consideration when analysing the language. So contrary to the former approaches, according to the dynamic approach, language of men and language of women are not two separate languages, nor do men and women come from different worlds or belong to different subcultures. But, both men's and women's way of communicating belongs to the same language and both genders come from the same world. Both genders are free to use the linguistic choices they prefer in the particular context and situation and they also may use overlapping linguistic items depending on the situation and context.

Sociolinguistic Research. The sociolinguistic research is monitoring changes in the 21st century. The aim of the sociolinguistic research is to analyse the contemporary English and Slovak language of men and women with focus on the lexical level of language. The partial objective of the sociolinguistic research is to state the characteristics of the contemporary language of men and the language of women on the lexical level. Moreover, the next objective of the sociolinguistic research is to state the differences between the contemporary language of men and language of women.

Methods of the Sociolinguistic Research. The research methods leading to accomplishing the aim of study are the following: observation, analysis, synthesis, term excerption, comparative method, method of evaluation, and description.

Prior to the research, the following research questions were asked, being derived from the main and partial objectives of this paper. They are as follows:

Q1: *Is gender the most important factor influencing the language users?*

Q2: *What are the language characteristics for each gender on the lexical level?*

From the above mentioned research question, further hypotheses were determined. Each hypothesis focuses on a specific characteristic within the lexical level of language. The formulation of the hypotheses is connected to the previous research and theoretical background made in the field of language and gender studies. After the carrying out of the sociolinguistic research, the hypotheses are then either approved or disproved according to the findings of the sociolinguistic research. The hypotheses are as follows:

H1: *Regarding the specialized vocabulary, men will use more such expressions than women.*

H2: *Regarding the expressive vocabulary, women will use more such expressions than men.*

H3: *Regarding the idiomatic expressions and literary devices, women will use more such expressions than men.*

H4: *Regarding the hyperbolic vocabulary, women will use more such expressions than men.*

H5: *Regarding the referential expressions, men will use more such expressions than women.*

The sociolinguistic research was carried out on a linguistic sample of **eight scientific interviews**, out of which four were representants of male gender, and the other four were representants of the female gender. At the same time, this research focused on both English and Slovak language, thus for each gender, there were two representants of English language and two of the Slovak language. Altogether, the corpus consisted of two male English, two male Slovak, two female English and two female Slovak representants. From each language user, one scientific interview was carefully observed and studied a upon each of them, the qualitative and quantitative sociolinguistic analysis was carried out.

Example of Interview 1:

The Guardian (Male Interviewee)

Interviewee: Peter Hotez

Gender: Male

Language: English

Field: Paediatrics and Vaccinology

Title: Peter Hotez: 'What happens when the anti-vaccine movement moves into India?'

The first interview is taken from the British online newspaper **The Guardian**. It is an interview between the interviewer Andrew Anthony and the interviewee Peter Hotez, introduced as an American scientist devoted to developing vaccines. The text of the interviewee's replies consists of **1288 words**. Altogether, the interview is comprised of 16 questions and replies, hence one answer for each question consists of about **80 words** in average. The main topic of the interview is focused on the interviewee's specialization in the field of medicine, with a peculiar focus on the measles, vaccines and anti-vaccine movement and the possible causes of the autism.

Frequent words Words which were used the most commonly and repetitively by the interviewee are the following: vaccine (28x); autism (20x); measles (9x); child (7x); the US (8x); Europe (7x). Those most often reoccurring words were words connected to the topic of the interview (for example vaccine, autism, measles).

Specialized vocabulary. Since the interviewee and also the topic of the interview were placed in the field of science, significant number of specialized vocabulary was used. Among such words were for instance the following: neglected; retraction; alleging; smallpox; measles; nutrition; measles encephalitis; measles pneumonia; eradicated; thimerosal; mercury; epidemiological; aluminium; neurobiology; prenatally; conception; epigenetics; anatomy; comorbidities; OCD; ADHD. The overall number of specialized vocabulary used in Peter Hotez's replies was **79**.

Examples and the use of such words in the sentences of this language user can be seen in the Examples 1 and 2 below:

Example 1: After the Wakefield paper was **retracted**, the new **allegation** that popped up came from Robert F Kennedy Jnr and others, claiming that it was the **thimerosal**.

Example 2: There is, but it varies depending on underlying **nutrition**. But remember, it's not just mortality; there's also permanent injury due to **measles encephalitis, measles pneumonia**, hearing loss, affected vision... The overall picture of measles goes beyond the fact that children can die.

As depicted in the Examples 1 and 2 displayed above, the vocabulary used by the interviewee was highly specialized in the field of medicine. It is connected to the fact that the interviewee is a specialist in this field, but also the fact that the topic of discussion of this interview was set in a medical field.

Expressive vocabulary. Besides the use of specialized vocabulary, the interviewee used also some expressive vocabulary, even though the interview itself is set in the scientific field. He used such vocabulary mainly for the purpose of expressing his attitudes and concerns towards the topic of discussion – the problem of vaccination process, the spread of measles and the impact of thereof. Together, the Interviewee 1 used **58** expressive words and phrases in his replies, out of which **23** were positive and **35** were negative. Hence, the Interviewee 1 used higher number of the negatively marked expressions than the positive ones. Examples of both of them are depicted in the Examples 3 and 4 below:

Example 3: Ultimately the Lancet did **the right thing** in retracting the paper. Which was immediately followed by a sentence with a negatively coloured expression:

Example 4: It's **unfortunate** that it took 12 years for that retraction. The expressive vocabulary was used in cases where the interviewee expressed his own opinion or attitude towards a certain situation, such as in the Examples 3 and 4. All the above shown expressions prove that the interviewee is an expert in the subject matter and thus he stated his beliefs, opinions and feelings towards the topic of concern in which he is well-educated.

Idiomatic Expressions and Literary devices. The interviewee used a number of literary devices in his interview with the total number **15** of them. Mostly he used personification, similes, phrasal verbs, rhetorical questions and also an allusion. The example of such is shown in Example 5 below:

Example 5: They call me **the boy who cried wolf**. They claim I'm exaggerating measles. In the Example 5 above, he mentioned other people referring to him as "the boy who cried wolf". This is an allusion to one of the Aesop's fables due to which this expression came to be known as describing a person who makes untrue judgements. After all, the interviewee explained the meaning of the phrase in the following sentence by saying that the other people think he is exaggerating. Furthermore, the Example 6 presents another literary device used in this interview, a rhetorical question. The main purpose of the use of rhetorical questions is to evoke in a reader a sense of realisation of what will happen next and what shall be done to improve the current situation, as shown in Example 6 below:

Example 6: **What happens when** the anti-vaccine movement moves into India? Even though the topic of the Interview 1 is about medical and scientific topic and discussion, the interviewee used a number of literary devices in his answers. Mostly, he used personifications and rhetorical questions. The purpose of the personifications in his language use was to prescribe the human activities to inanimate notions that are connected to the topic of discussion, such as measles and the anti-vaccine movement. Then he used the rhetorical questions to make the reader think about possible consequences and outcomes of the current problems and situation.

Hyperbolic vocabulary. In Interview 1 was also a number of hyperbolic words used (**31**), one of them being displayed in the Example 7 below:

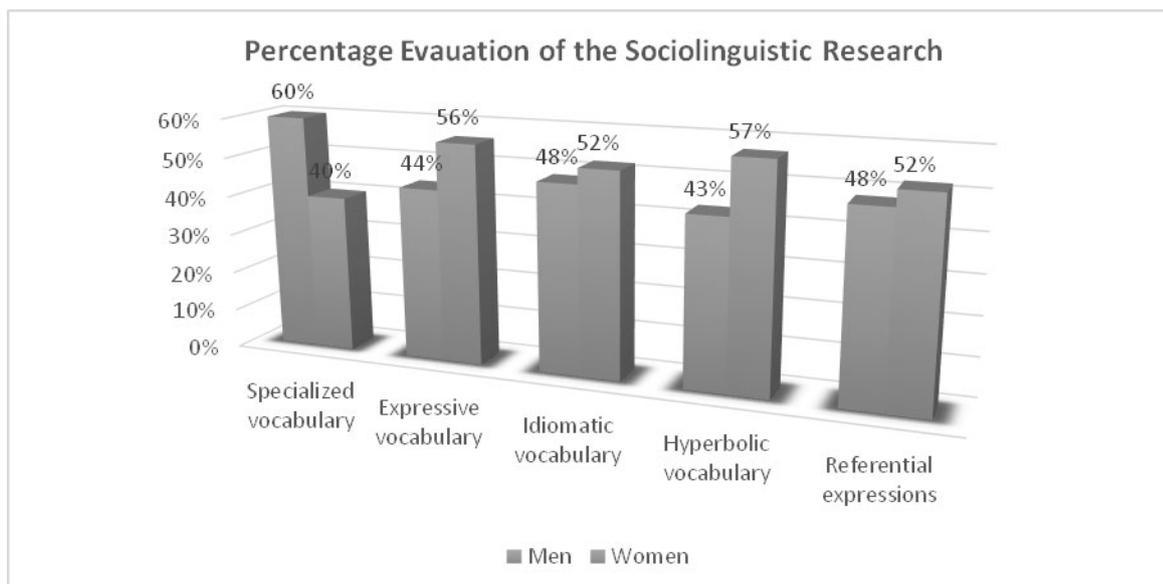
Example 7:

So this whole movement may have started in 1998, but it has grown **so much beyond** him (refers to Andrew Wakefield). The interviewee used such exaggerating vocabulary to put more emphasis on the problem being happening and thus to raise awareness of the problem and current situation.

Referential expressions. Quite a high amount of referential expressions, **39**, was used in the Interview 1. Peter Hotez used such expressions mainly when referring to countries related to the anti-vaccination movement, such as Europe, the US, Texas, California, and others. Then, he also mentioned several other scientific researchers and their works related to his field of study, for instance Andrew Wakefield, a famous vaccine activist.

Example 8: In **the US**, the anti-vaccine movement really took off first in **California**, having come from **Europe**. As depicted in the Example 8 above, the referential expressions were used mainly in place of reference to places and works related to the anti-vaccination movement and the focus on autism.

Findings of the Sociolinguistic Research. In the Graph 1 displayed below, there is a summary of all outcomes of this sociolinguistic research. Each category is connected to a specific hypothesis which were discussed earlier in this paper. The results of each specific category are discussed below in depth.

Graph 1: [Gender: Percentage Evaluation of the Sociolinguistic Research. Authors's representation]

Specialized vocabulary. The first category analysed within the lexical level of language was the use of specialized or technical vocabulary. All language users used such specialized vocabulary which was closely related to the subject matter of their specialization and also to the topic of the whole interview. According to Deborah Tannen's research based on the *Difference Approach*, one of the differences between the language of men and the language of women is the contrast between the *information* and *feelings*. Tannen analysed that men care more about information being given and received, while women would rather pay more attention to expressing their feelings and listening to the feelings of their communication partner (Tannen, 1990). Therefore, it was presumed that men will use more objective language in their replies and hence will use more specialized and technical terms than women.

Each of the interviewees used such specialized vocabulary which was related to their field of specialization and also to the current topic of discussion of the interview. Although each of the interviewees was a specialist in their specific field of study, the amount of specialized vocabulary varied among them. The amount of specialized vocabulary varied quite markedly among the genders. In average, men used more specialized vocabulary (**60%**) than women did (**40%**). So the male interviewees used 20% more specialized vocabulary than the female interviewees did. This proves the Hypothesis 1 which claimed that men will use more specialized vocabulary in their replies than women.

H1: *Regarding the specialized vocabulary, men will use more such expressions than women.*

H1: Proved

Expressive vocabulary. This category was selected due the D. Tannen's research on language of gender which claimed that both genders use language in such a way to achieve different goals. One of those differences is the *status* counter to *support*. Which means that while women tend to reach for the conciliation and good relationships, men care more about their position, achievement, and power (Tannen, 1990). Hence, the category of expressive vocabulary was added into the research. The aim was to analyse whether there is a difference in the use of such vocabulary between the genders and whether each gender prefers the use of either positive or negative vocabulary in the use of language.

The outcome of the quantitative analysis showed that women used more expressive vocabulary (**56%**) than men did (**44%**) – the difference among them was 8%. Because of this,

the Hypothesis 2 which claimed that women will use the expressive vocabulary more frequently than men, was proved by the research.

H2: *Regarding the expressive vocabulary, women will use more such expressions than men.*

H2: Proved

However, it is important to divide the expressive vocabulary into positive and negative since there is a difference between the positive and negative vocabulary. Surprisingly, there is quite a significant difference between the language of men and women regarding the positive vocabulary. The positive vocabulary used by women presents **64%** of the overall amount of positive vocabulary used, while the positive vocabulary used by men presents **36%**. Regarding the negatively coloured expressions, men used **56%** of the overall amount of it, while women used **44%** of the overall amount of such vocabulary.

This outcome corresponds also the results of O. Jespersen's research on the language of gender, in which he discovered that women prefer to use mild, euphemistic and more pleasant-sounding words than men would use, while men would not hesitate to use blunt, abrupt expressions (Jespersen, 1922).

Hence, the research proved that also in the contemporary language, women prefer the use of positively coloured expressions, while men prefer the use of negatively coloured expressions. This is connected also to the notion of the genders themselves. Women are often depicted as gentle and soft which corresponds also to their language use. On the contrary, men are often presented as strong and not as considerate as women are which is in their language use mirrored in the use of blunt and negative expressions.

It is important to mention that the use of positively coloured vocabulary was the first category in which women used higher amount of such vocabulary than men did. Thus, the positive vocabulary can be described as the most typical characteristic of the language of women.

Idiomatic expressions and Literary devices. Regarding the idiomatic expressions and literary devices, the use of non-literal and poetic devices was examined. Although the interviews analysed had a scientific character, the interviewees used also many non-scientific, but rather poetic expressions. Among the most frequently used literary devices were mainly the following: metaphor, metonymy, personification and rhetorical questions.

This category was also based upon the O. Jespersen's research on the language of gender in which he found out that women prefer the use of euphemistic and mild expressions more than men do (Jespersen, 1922). Hence, it was presumed that women will use more idiomatic expressions and literary devices than men. To the use of idiomatic expressions and literary devices was connected the Hypothesis 3. It presumed that the language of women will consist of more idiomatic expressions and literary devices than the language of men. As the quantitative research showed, the number of such expressions was higher in the language of women. More specifically, while the language of women consisted of **52%** such expressions, the language of men consisted of **48%** of such expressions. Therefore, the Hypothesis 3 was proved by the sociolinguistic research.

H3: *Regarding the idiomatic expressions and literary devices, women will use more such expressions than men.*

H3: Proved

Hyperbolic vocabulary. Regarding the hyperbolic vocabulary, the exaggerating expressions were taken into consideration. They were used in case of highlighting the interviewees' attitudes, opinions, beliefs and statements. This category was added into the research due to O. Jespersen's study on language of gender which discovered that women tend to use more hyperbolic and intensifying adverbs than men do (Jespersen, 1922). Hence the hyperbolic vocabulary was one of the features of language analysed in this paper.

The hypothesis related to the use of vocabulary was the Hypothesis 4 which presumed that the hyperbolic expressions will be more frequent in the language of women than in the language of men. The quantitative analysis showed that the hyperbolic expressions were used more often in case of female language users. Women used **57%** of the overall number of hyperbolic expressions, while men used **43%** of them. Hence, the Hypotheses 4 was proved by the sociolinguistic analysis.

H4: *Regarding the hyperbolic vocabulary, women will use more such expressions than men.*

H4: Proved

It is important to mention that the use of hyperbolic vocabulary was the second category in which women used higher amount of such vocabulary than men did. Thus, the exaggerating vocabulary can be described as the second most typical feature of the language of women.

Referential expressions. The last category which was taken into consideration when analysing the selected corpus was the use of referential expressions. Into this category belonged the expressions referring to the subject matters within the extralinguistic reality, such as people (except the interviewer and the interviewee), places (cities, towns, countries, continents) or works of art (books, movies and others).

The referential expressions used in the interviews refers most frequently to the places connected to the subject matter of discussion or to other literary sources either supporting or contradicting the interviewee's stand and opinion.

To the referential expressions was connected the Hypothesis 5 which claimed that men will use such expressions more frequently, hence they will refer more often than women to the extralinguistic reality. However, with accordance to the quantitative analysis, within the overall number of referential expressions, **48%** were used by men, while **52%** were used by women. Hence, the Hypothesis 5 was disproved by the research.

H5: *Regarding the referential expressions, men will use more such expressions than women.*

H5: Disproved

However, it is important to mention that in each category, the results are presented as an average of all the interviewees (both English and Slovak language), hence the results may not be applicable to the language use of each individual, but rather that it varied among different interviewees. So the use of particular language characteristic was not always clear cut. Due to this reason, the importance of other factors, such as context, character and experience of the person and the topic of the interview needs to be taken into consideration as well. Thus, the gender was not the only factor influencing the use of specialized vocabulary in the corpus being analysed.

Conclusion. Gender is one of the most significant factors influencing life of humans from their birth to their death. It influences the way they behave, the identity, the social roles they take on during their life, the acquaintances and relationships they create and maintain, the way they live, learn, work and interact with others. Moreover, gender influences the way people communicate with each other. In our everyday lives, we can notice the different patterns women and men use in their language interactions. Thus, gender can be considered as one of the major factors influencing the language use of individuals. Therefore, the main objective of this paper was to analyse the contemporary English and Slovak language of men and women with the means of a sociolinguistic research.

Based on the sociolinguistic research conducted within this paper, the following research questions can be answered:

Q1: *Is gender the most important factor influencing the language users?*

A1: No. Although gender of the individuals certainly plays an important role in influencing their language use, the research proved it is not the most significant one. The differences between

the language of men and women could not be always applied to each individual whose language use was analysed. Hence, not only gender, but also other factors should be taken into consideration when analysing the language. Among those factors are for instance the age of the language users, their experience and personality, subject matter of specialization and field of study, but also the contextual factors, such as the communication partner, topic of discussion, the current mood of the individual and other extralinguistic conditions.

Q2: *What are the language characteristics for each gender on the lexical level?*

A2: From the research carried out for the purpose of this paper, each gender showed certain distinguishable characteristics of language on the lexical level. The most significant characteristic of the language of men was the usage of specialized and technical vocabulary. In case of the usage of specialized vocabulary, men used **60%** of the overall number of such vocabulary analysed, while women used only **40%** of it. Moreover, the second distinctive characteristic typical for the language of men was the usage of negatively coloured expressions. In this case, men used **56%** of the overall number of such vocabulary, while women used **44%** of it. Regarding the language characteristics of women's language, the most distinctive characteristic of the language of women on the lexical level was the use of positively coloured expressions. In this case, women used **64%** of the overall amount of such vocabulary, while men used **36%** of it. Moreover, another typical characteristic of the women's language was the use of hyperbolic vocabulary, in which case women used **57%** of the overall number of it, while men used **43%** of such vocabulary. In case of other linguistic categories, the differences between the male and female gender did not exceed more than 5% difference, hence cannot be referred to as typical characteristics of language of gender.

This paper can be considered as a partial research to the topic of the contemporary English and Slovak language of men and women. It introduced the language of gender on the selected corpus of discourse in the field of science representing both English and Slovak language of men and women. This paper can be helpful for sociolinguists interested in the contemporary language of gender with focus on English and Slovak language. It may also serve as a motivation for a more complex sociolinguistic research of gender linguistic behaviour.

BIBLIOGRAPHY

1. Cameron, D. *Feminism and Linguistic Theory*. London: Macmillan, 1992. ISBN: 9780312083762.
2. Coates, J. *Women, Men and Everyday Talk*. New York: Palgrave MacMillan. 2013. ISBN 978-0-230-36870-5
3. Coates, J. *Women, Men and Language: A Sociolinguistic Account of Gender Differences in Language*. New York: Routledge. 2004. ISBN-10: 0582771862.
4. Crystal, D. *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge University Press. 2003. ISBN 0-521-82348.
5. Eckert, P. – McConnell-Ginet, S. *Language and Gender*. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. ISBN-13: 978-1107659360.
6. Fishman, P. M. *Interaction: The Work Women Do*. In: *Social Problems*. Volume 25 (Issue 4). Society for the Study of Social Problems. Oxford University Press. 1978
7. Hickey, R. *The Handbook of Language Contact*. Article in: *Language in Society*. 2012. ISBN-10: 9781118347157.
8. Holmes, J. *Language and Gender*. In: *Language Teaching*. Volume 24 (Issue 4). Pp 207–220. 1991. Cambridge University Press.
9. Jespersen, O. 1922. *Language: Its Nature, Development and Origin*. London: G. Allen & Unwin. ISBN-13: 978-1443713597.
10. Litosseliti, L. – Sunderland, J. *Gender Identity and Discourse Analysis*. John Benjamins Publishing Company. 2002. ISBN 90-272-2692-X.
11. Mesthrie, R. *Concise Encyclopedia of Sociolinguistics*. Pergamon. 2002. ISBN-13: 978-0080437262.
12. Meyerhoff, M. *Introducing Sociolinguistics*. Routledge, Oxon, Oxford, 2006. ISBN13: 978-0415550062..

13. Mcenery, T. – Hardie, A. *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. University Press, Cambridge. 2012. ISBN 978-0-521-83851-1.
14. McCormick, K.M. *Language and Gender*. (Pp. 336–345). In: MESTHRIE, R. 2001. *Concise Encyclopaedia of Sociolinguistics*. Imprint: Pergamon. 2001. ISBN: 9780080437262.
15. Nemčková, M. *The Language of Gender. English and Slovak Languages*. Master thesis. 2019. University of SS. Cyril and Methodius in Trnava. The Slovak republic, Faculty of Arts.
16. O'barr, W. M. – Atkins, B. K. 'Women's language' or 'powerless language'. In: MCCONNELL-GINET, S., et al. 1980. *Women And Language In Literature And Society*. New York: Praeger. 1980. ISBN 0030578922.
17. Opie, P. – Opie, I. *The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes* (2nd ed.). Oxford: Oxford University Press. 1997. ISBN-10: 9780198600886.
18. Sadiqi, F. *Women, Gender, and Language in Morocco*. Brill Publishing. 2002. ISBN-13: 978- 9004128538.
19. Tanaka, L. *Gender, Language and Culture: A Study of Japanese Television Interview Discourse*. La Trobe University: John Benjamins Publishing Company. 2004. ISBN 9789027230799.
20. Tannen, D. *You Just Don't Understand*. William Morrow Paperbacks. 1990. ISBN-10: 9780060959623.
21. Trudgill, P. *Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society*. Penguin. 2000. ISBN-10: 9780140289213.
22. Wardhaugh, R. *An Introduction to Sociolinguistics*. Wiley-Blackwell. 2014. ISBN-13: 978-1118732298.
23. West, C. – Zimmerman, D. H. *Doing Gender*. In: *Gender & Society*. Volume 1. No. 2. June. Sage Publications. 1987. ISSN 1214-813X.
24. Wodak, R. – Benke, G. *Gender as a Sociolinguistic Variable: New Perspectives on Variation Studies*. In: COULMAS, F. 1998. *The Handbook of Sociolinguistics*. Blackwell Publishers. ISBN 9780631211938.

INTERNET RESOURCES

- Fila, L. *Sme radi, že hodnoty Denníka N dostanú šancu aj v Česku*. In: *Denník N*. [online]. 6.11.2019. [cit. 2019-01-28]. Available at: <https://dennikn.sk/1284651/sme-radi-ze-hodnotydennika-n-dostanu-sancu-aj-v-cesku-list-vydavateľa/>
- Simpson, R. C. – Briggs, S. L. – Ovens, J. – Swales, J. M. 2002. *The Michigan Corpus of Academic Spoken English*. Ann Arbor, MI: The Regents of the University of Michigan.
- THE GUARDIAN EDITORSHIP. *The Scott Trust: Values and History*. In: *The Guardian*. [online]. 2018. [cit. 2019-01-28]. Available at: <https://www.theguardian.com/the-scott-trust/2015/jul/26/the-scott-trust>.

PRIMARY SOURCES

- DENNÍK N [online]. Vydavateľstvo Ringier. 2019. [cit. 2019-01-29]. Available at: <http://dennikn.sk/>.
- THE GUARDIAN [online]. Guardian Media Group. 2019. [cit. 2019-01-29]. Available at: <http://theguardian.com/>.

ANALYSED NEWSPAPER ARTICLES

- Anthony, A. Peter Hotez: 'What happens when the anti-vaccine movement moves into India?'. In: *The Guardian* [online]. 8.12.2018. [cit. 2019-01-28]. Available at: <https://www.theguardian.com/society/2018/dec/08/peter-hotez-vaccines-did-not-causerachels-autism-india-interview>
- Corbyn, Z. Frances Arnold: 'To expect a Nobel prize is rather silly'. In: *The Guardian* [online]. 21.10.2018. [cit. 2019-01-28]. Available at: <https://www.theguardian.com/science/2018/oct/21/frances-arnold-interview-ability-engineermost-complicated-things-on-planet-nobel-prize-enzymes-chem>
- Davis, N. Mark Miodownik: 'Liquids are not to be trusted'. In: *The Guardian* [online]. 9.9.2018. [cit. 2019-01-28]. Available at: <https://www.theguardian.com/science/2018/sep/09/mark-miodownik-interview-liquids-arent-to-be-trusted-plastics-environment-water-universal-solvent>
- Garaj, P. *V múdrom meste ľudia nehádzu ohorky na zem*. In: *Denník N* [online]. 21.2.2019. [cit. 2019-03-01]. Available at: <https://dennikn.sk/1389328/v-mudrom-meste-ludia-nehadzuohorky-na-zem/?ref=tema>
- Horák, O. *Neuroológ: Migréna je asi najviac podceňované závažné ochorenie. Kto ju nemá, nepochopí*. In: *Denník N* [online]. 1.3.2019. [cit. 2019-03-01]. Available at: <https://dennikn.sk/1378068/neurolog-migrena-je-asi-najviac-podcenovane-zavazneochorenie-kto-ju-nemal-nepochopi/?ref=tema>
- Horák, O. *Neurovedkyňa o strese: Kedysi nás naháňal mamut, dnes deadliny*. In: *Denník N* [online]. 18.6.2018. [cit. 2019-03-01]. Available at: <https://dennikn.sk/1174977/neurovedkyňa-o-strese-kedysi-nas-nahanal-mamut-dnes-nasahanaju-deadliny/?ref=tema>

Kerekeš, L. Programátorka Mária Virčíková: Učím roboty cítiť. In: Denník N [online]. 26.12.2015. [cit. 2019-03-01]. Available at: <https://dennikn.sk/327536/maria-vircikova-uciroboty-spravat-sa-ludmi/?ref=tema>

Watts, J. Katharine Hayhoe: 'A thermometer is not liberal or conservative'. In: The Guardian [online]. 6.1.2019. [cit. 2019-01-28]. Available at: <https://www.theguardian.com/science/2019/jan/06/katharine-hayhoe-interview-climatechange-scientist-crisis-hope>

Поступила в редакцию 10.10.2019

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОГО И СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКОВ

М. Немчекова, И. Цибилова

Настоящее исследование носит социолингвистический характер и посвящено рассмотрению гендерных аспектов современного языка посредством наблюдения за изменениями в 21 веке. Целью социолингвистического исследования является анализ лексических особенностей коммуникации мужчин и женщин на современных английском и словацком языках. Одна из задач заключается в установлении сходств и отличий языка мужчин и женщин на лексическом уровне. К использованным методам социолингвистического исследования относятся наблюдение, анализ, синтез, метод сопоставительного анализа, метод оценки, а также описательный метод. Социолингвистическое исследование базируется на эмпирическом корпусе, состоящем из восьми научных интервью, взятых из авторитетных английских и словацких электронных изданий, The Guardian и Denník N, в которых представлены гендерные особенности языка мужчин и женщин. Результаты и выводы: наиболее существенные отличия между языком мужчин и женщин на лексическом уровне заключаются в использовании как специализированных и экспрессивных лексических средств, так и гиперболических слов и словосочетаний. Также социолингвистическое исследование показало, что характерным признаком языка мужчин является использование специализированной лексики и негативно окрашенных выражений. Типичной чертой языка женщин, напротив, выступает использование положительно окрашенных единиц и гиперболических выражений.

Ключевые слова: язык, пол, язык мужчин, язык женщин, социолингвистическое исследование

Немчекова Мария.

Магистр.
Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве.
Словацкая Республика.
E-mail: nemcekmaria@gmail.com

Mgr. Mária Nemčeková.

University of SS. Cyril and Methodius in Trnava
The Slovak republic.
E-mail: nemcekmaria@gmail.com

Цибилова Ингрид.

Доктор философии.
Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве.
Словацкая Республика.
E-mail: ingrid.cibikova@ucm.sk

Cibiková Ingrid.

PhD.
University of SS. Cyril and Methodius in Trnava.
The Slovak republic.
E-mail: ingrid.cibikova@ucm.sk

УДК 111–81.1

О СМЫСЛЕ КАК САМОДЕЙСТВУЮЩЕЙ РЕАЛИИ

© 2019. А.А. Гагаев¹, П.А. Гагаев²

¹ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева»,

²ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

В статье исследуется смысл со стороны свойственной ему бытийной активности. Смысл трактуется как вселенская реальия, как обладающее высокой степенью самостоятельности. Возникновение смысла связывается со «сгущением» бытия. Смысл понимается как изначальное во вселенной, ее подлинная форма. Выдвигается гипотеза об обретении смыслом полной самостоятельности. Очерчивается психолингвистика смысла как самодействующей реальности (совершенство оформления, содержательная и отношенческая ёмкость, пластичность, флуктуационная природа). Миссия смысла понимается как врачевание вселенной и человеческого социума. Методологией в работе выступает субстратная рефлексия А.А. Гагаева.

Ключевые слова: вселенная, бытие, человек, мысль, смысл, самодействие, психолингвистика, психика, миссия.

Смысл есть знамение единения вселенной
с самой собою.

Из текста статьи

Что есть смысл? Языковая ли он только реальия, или есть нечто большее? Бigger как связанное с бытием всего мироздания, как его – бытия – воплощение? Во всем ли он (смысл) подчиняется человеку (как своему демиургу)? Как следует *обращаться* к смыслу (или как его использовать)? Какова его (смысла) миссия во вселенной, в жизни человеческого социума? Об этом – весьма значимом и весьма неоднозначно трактуемом в науке – поразмышляем в статье.

О смысле как о самодействующей реальности написано не много. В указанном виде смысл как языковая реальия может быть понят в трудах философов-филологов метафизического видения мира. Так, В. Гумбольдт понимал язык как нечто «более высшее, нежели человеческий продукт», как творение «духа» [5, с. 71]. М. Хайдеггер отважился писать о языке, каковой «говорит» и не есть результат (только) деятельности человека, но субстанция, каковая (находится) вне человека и сосуществует с ним [9, с. 266]. М.М. Бахтин категорично утверждал: «Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник Возрождения» [3, с. 94].

О языке как реальности, обладающей статусом духовности (персоны), последовательно писали поэты, писатели, публицисты, к примеру, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, В.Г. Белинский и др. (полагаем, и их мнение неразумно игнорировать в научном поиске).

Язык как нечто духовное, как субъектное и смыслу как своему детищу (своей срединной единице) в состоянии передать способность к самостоянию. Этот вывод напрашивается при чтении работ названных мыслителей.

Обсуждаемая проблема указанными философами и мастерами слова была поставлена, но не подвергнута формальному (философско-лингвистическому) анализу.

Искомую проблему будем исследовать на материале созданных человеком в процессе его истории религиозных, философских и научных учений (концепций), образов классической художественной литературы, переживаний отдельных людей, всего того, что, по одному из своих оснований представляет собою семанτικο-смысловые образования.

Феномен смысла как самодействующей реалии в работе попытаемся проанализировать на основе субстратной рефлексии А.А. Гагаева, согласно которой в предмете исследования удерживается его едино-множественная основа и характерное для него стремление к персонификации и отвечанию [4].

Критерием корректности формулируемого в работе в контексте обозначенной рефлексии выступает соответствие того или иного положения об искомом феномене параметрам формы общего в субстратной гносеологии (множественность, антиномичность, единичность, персонифицированность, полноточность [4]).

Дефиниция (традиция). Смысл для человека есть некое, в чем содержится *оправдание* существования или развертывания чего-то в чем-то. Оправдание, или приятие, или обоснование (включающее в себя ценностный компонент), – ключевая составляющая искомой реалии. Человек некое воспринимает, удерживает в своей рефлексии, формализует (членит, соотносит, сравнивает, выводит функции и пр.) и вводит в некое для себя принимаемое целое, давая простор его существованию *для себя*. Так рождаются смыслы, каковыми он (человек) живет и здравствует.

Смысл есть творение человеческого разума, его деятельность.

Онтология. Смысл со стороны онтологии есть *сгущённое* и *воссобранное (облагороженное)* бытие (другого – не образного – атрибута не можем найти для определения реалии). Развернём сформулированное.

Природа смысла со стороны его возникновения – *сосредоточение* человека на некоем. Сосредоточение есть направление мысли на некое. Направление и проникновение ее в искомую реальность. Проникновение как *врачевание* ею (мыслью) некоего, предоставление ею возможности этому некоему *говорить, развертываться, становиться самим собою* (как истинным) и пр., *введение* его (некого) в удерживаемую и *принимаемую* ею (мыслью) целостность с возможным *расширением* последней. Смысл есть результат движения мысли в указанном виде.

Размышляя о движении мысли как демиурге смысла, следует высказаться и о ней самой. Мысль есть *персонифицированное* (обретшее личностное состояние) и в этом ставшее *деятельным* бытие, каковое воссоединяет все и вся в некое целое.

Бытие однажды, в условиях им же созданных (между людьми, если речь идет о планете Земля), сотворило себя как некое другое по отношению к себе – как *произвольное*. До мысли бытие развертывалось как косное – не способное *останавливаться* (задерживаться на себе), *проектировать* (видеть себя как возможное) и *осуществлять* намеченное. Мысль придает бытию указанные черты.

Мысль, полагаем, возникает как *память* вселенной о ее начале. Начало вселенной – некое как *одно*. В этом *одном* несомненно было все, что должно было возникнуть во времени и пространстве. Было *потенциально*. Мысль во вселенной была *изначально*. Формулируя это положение, опираемся на космологические интуиции Т. де Шардена П. [8], религиозно-философские прозрения Блаженного Августина [1], идеалистическую концепцию бытия Платона [7]).

Природа мысли, полагаем, связана, прежде всего, с понятием *бытийной ёмкости*. Произвольное (мыслительное) – детище *сгущения* бытия. Бытие как полное, как *все* таковым становится, если проникает *всем собою в себя самое*, ища в этом (по какой-то

причине) *единства* с собою. Проникая в себя самое, бытие становится *ёмким*, или *большим*. В этом случае оно и способно породить мысль как некое *произвольное* в себе самом, как выражающее существенное и *чаемое* в себе.

Полагаем, в первые мгновения возникновения нашей вселенной нечто подобное высказанному о мысли и бытии существовало (по меньшей мере, потенциально). Именно поэтому мысль, как и все другое во вселенной, была *изначально*, и потому ее нельзя трактовать лишь как творение человеческого разума. В мысли о себе заявляет ищущая персонификации и произвольности вселенная.

Смысл, с учетом сформулированного, есть приведение в движение многого и многого в бытии, сопряжение этого многого с ним самим и с тем, что привносится в него извне – персонифицированной-деятельной мыслью, преобразование его (многого) в некое и во всем этом вдохновенно-светлое (облагораживающее) *сущение* бытия.

Смысл есть *большое* бытие. Бытие в нем собрано, высвобождено из мертвенного (косного) состояния. Бытие в нем встречается с самим собою (единится с собою). Узнает себя, становится способным говорить с собою, открывать *лучшее* в себе. Бытие в смысле ищет для себя нового – *осмысленного* движения (укажем на характерное в связи с представляемым суждение М. Хайдеггера [9, с. 303]).

Приведем примеры того, что нами трактуется как смысл (смыслы, смысловые реалии). Религиозное учение (иудаизм, христианство, ислам, индуизм и т.д.), классический художественный образ (Фауст Гете, Татьяна Ларина А.С. Пушкина, Алеша Карамазов Ф.М. Достоевского, герои романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» и т.д.), философская идея или концепция (учения Платона, Аристотеля, Паскаля, Лейбница, Канта и т.д.), научные теории и концепции (Ньютон, В.И. Вернадский, Т. де Шарден П. и др.); глубокие переживания и интенции отдельного человека или общности людей (самой различной) – все это и аналогичное ему суть смысловые образования. В них бытие *перетекает* (из *спящих*, *аморфных* своих форм), в них оно *развертывается* и *открывается* (лучшим в себе) себе и своим выразителям (разумным субстанциям).

Смысл как самодействующая (субъектная) реалья. Смысл генерируется человеком. Генерируется, но не остается полностью в его власти. И речь идет не о том, что смысл встраивается (кем-то) как нечто косное (вещественное) в то или иное семантико-смысловое целое (текст, высказывание, шире – коммуникацию) и начинает являть себя в качестве, не учитываемом его создателем. Речь идет о том, что смысл, однажды будучи сотворенным, обретает субстанциональность (субъектность) и начинает заявлять о себе. И это не метафора. Это данность, принимаемая нами вслед за Хайдеггером и некоторыми другими философами языка и человека [9].

Смысл – емкая реалья. Емкая бытием. Бытие теснится в смысле. В нем оно *взрывается* и *брызжет* новыми для себя проявлениями. В пространстве смысла бытие *отделяется* от себя самого и в этом творит себя как *произвольное* (именно так, по Шардену, возникало первое сознание на планете).

Что значит *отделяется*? Отделяется значит обретает *совершенную*, или *законченную*, форму (термин форма нами используется в понимании Аристотеля [2, с. 394]) и в этом *противопоставляется* всему другому (например, законченным, или совершенным, становится образ Татьяны в романе А. Пушкина «Евгений Онегин»). Законченность формы, в нашем прочтении, есть *полножизненность*. Полножизненность и есть другое название бытия *полного*, того, каковое способно само *говорить* о себе и действовать, следуя *самому себе*.

Смысл есть порождение *отдельного (отделенного от иного)*, или *совершенного (законченного)*, бытия. Совершенное бытие и полнится большим содержанием и обретает способность вести себя произвольно.

Совершенное бытие идентично мысли, или, наоборот, мысль есть совершенное, или законченное, бытие.

Смысл как порождение мысли есть *самодействующая* реалья. Смысл живет своим внутренним. Он не изменяет себе. Он ищет нужного ему окружения. Он противится чуждому для себя. Он откликается на симпатию (или антипатию) по отношению к себе и во всем этом знает себя. Он дает жизнь новым образованиям (новым смыслам). Все данное есть признаки его произвольности – его *личностной, или рефлексивно-творческой*, природы.

Полагаем, всякий из людей, кто пристально некое изучал и об этом некоем размышлял (то есть творил смысл), наткнулся на феномен *обращения* к нему создаваемого им концепта (обычное дело для писателя, ученого и пр.).

Специфика. Произвольность смысла, конечно же, отличается от произвольности человеческой мысли. Смысл *менее* самостоятелен, чем наша мысль как в реальности развертывающаяся интеллектуально-эмоциональная интенция конкретного индивида. Его (смысла) активность связана с опорой *на другую* субъектную реалью – слушателя, читателя, собеседника и пр.

Мысль исторически возникла не у одного человека (индивида) – мысль возникла *среди* людей. Онтологически она есть продукт и достояние *множества* индивидов. Это означает, что мысль в своем генезисе и развертывании всегда опирается на коммуникативные действия, по меньшей мере, нескольких людей. Мысль возникает и живет тогда, когда ей *внимают*, ее *поддерживают*, *противятся*, *дополняют*, *развертывают*, *вводят* в некое другое смысловое целое и пр. Это эмпирический факт, каковой надо учитывать при осмыслении тех или иных мыслительных феноменов (а им и является обсуждаемая реалья).

Смысл в большей степени, чем мысль зависит от того, кто его воспринимает. В восприятии себя кем-то смысл (всякий) и обретает свою субъектность (каковая спит в нем, дожидаясь своего часа).

Дефиниция (итоговая). Дадим итоговое определение смысла с учетом приведенных суждений о нем.

Смысл есть вселенская реалья, удерживающая в себе интенцию и деяние (вселенной или разумного существа как ее референта) по пониманию и преобразованию (воссобиранию) некоего; смысл есть нечто емко-емкое со стороны бытийной (содержательной); смысл есть реалья, обретшая свою законченность и совершенство и в этом ставшая самодействующей субстанцией.

Смысл изначален во вселенной. Им объемлется её бытие. В человеке смысл являет свое существенное.

Смысл и психика человека. Психика человека (наше сознание и наше бессознательное) полнится смыслами. Они – ее строй и ее интенции. Психика, разумеется, причастна к возникновению в ней самой тех или иных смыслов. Причастна, но не более того. Смыслы возникают в нашей психике *спонтанно* и *по воле* нашего сознания. Спонтанность возникновения тех или иных смыслов связана с тем, что и сама психика есть реалья *вселенская*: в ней вселенная *заявляет* о себе и ищет своего *развертывания*. Заявляет о себе вселенная возникновением в нашей психике тех или иных смыслов: иррациональности нашего бытия, единства всего и вся, стремления всего к персонификации, ответственности человека за все и вся и др.

Смыслы, однажды своей волею (или по другой какой причине) пришедшие в нашу психику или вызванные нами в результате осуществления наших симпатий и предпочтений, *отделяются* от нас – от нашего «я» – и вступают с нами в диалог. Наше «я» в этот момент действительно становится множественным субъектом (классический пример этому – тексты Ф.М. Достоевского; см. работы М.М. Бахтина [3]). В качестве такового оно (наше «я») и странствует по мирам своего бытия.

Смыслы восприимчивы к обращению к себе со стороны нашего «я». Они подвижны, они сопрягаются друг с другом, они пластичны (открыты изменению), они явно соборные субстанции.

Заметим, что и сам феномен нашего «я» есть не иное что, как смысл, особым образом организованный и действующий. Особость феномена «я», полагаем, связана с присутствием в нем как смысле *проекции* всей вселенной. Вселенная как изначально стремящаяся к персонификации и произвольному поведению *перетекает* в каком-то виде (невнятном еще науке) в человеческое «я» и заявляет о себе отчетливо.

Легко ли человеку со смыслами, каковые и принадлежат ему, и не принадлежат? Не легко, конечно. Жизнь души есть драма. И драма именно и по очерченному нами основанию (наличию в психике самодействующих реалий и ее самой как самодействующей реалии).

Не легко человеку со смыслами, образующими его духовность, но и интересно и притягательно. Интересно, ибо смысл как вселенская реалья в первую очередь и открывает перед нашей духовностью бездны и свет бытия и ее самой.

Возможное. Возможно ли смыслу обрести полную самостоятельность, такую, как у мысли человека? Исходя из очерченного о нем (о смысле), ответ, скорее, утвердительный, чем отрицательный.

Смысл, как и мысль, детище *сгущения* бытия. Сгущение – в виде нами приводимом – не есть продукт деятельности только человека. Вселенная, как это следует из интуиций Т. де Шардена П., изначально *бредила* мыслью [8, с.43]. В наше время об этом же пишет Р. Пенроуз (идея близости процессов в головном мозгу человека и квантовых феноменов во вселенной [6]). Мысль как вселенский (квантовый) феномен присутствует во всем. На Земле она явила себя как рефлексия человека, а где-то она вполне могла возникнуть или возникла как нечто не связанное формально с какой-либо внятной человеку пространственно-временной реалией (формой жизни).

Смысл как характерное для вселенной может отъединиться *абсолютно* от своих зримых демиургов (создателей идей, концепций и пр.). Произойдет это, возможно, тогда, когда сгущение бытия в смысле достигнет какой-то *критической* точки (наука об этой реалии ничего пока не говорит). Смысл полетит в пространство и во времени самостоятельно. Если вселенная этого *ждёт*, таковое произойдет. В этом, возможно, и обнажится миссия человека как формы жизни на планете.

Психоллингвистика смысла. В рамках приводимого рассуждения о смысле целесообразно высказаться (в явном виде) и о психоллингвистике искомой реалии.

Смысл со стороны психоллингвистической есть *законченное*, или *совершенное*, речевое действие (вербализация), вобравшее в себя *бездну* содержания и отношения и в этом обретшее *бесконечную пластичность*. Указанные параметры: законченность (совершенство), емкость со стороны содержательной и пластичность – ключевые в понимании смысла как языковой реалии.

Первый параметр обязывает то, что стремится стать смыслом, обрести надлежащую *форму* (в данном случае языковую; смысл должен быть вербализованным), *устойчивость* и в этом вступить в *общее бытие* вселенной.

Первый параметр создает предпосылку для открытия смысла иному.

Второй параметр указывает на онтологическое единство коммуникации и бытия вселенной. Коммуникация не есть только средство для кого-то и для чего-то. Коммуникация есть актуализация *говорения* вселенной.

Бездны бытия, включая отношенческую составляющую, в высказывании передаются посредством создания *образа*. Образ есть лингвистическое выражение содержимого речевого деяния в очерчиваемом в статье контексте. Образ есть *смещение* бытия, придание ему *движения* к себе самому. Язык через набор определенных семантик творит образ бытия (творит образ пространства, времени, разумной жизни, ее субъектов и пр.). К числу указанных семантик относим те, каковые служат *метафоризации* осмысливаемого предмета: семантик сопоставления, противопоставления, одушевления и пр.

Всякое глубокое суждение, всякий физический закон, всякая концепция действительности и пр. в основе своей есть некий *образ* бытия (приближение к пониманию его через его *смещение* в определенном отношении), творимый и принимаемый демиургом мысли.

Третий параметр указывает на природу знакового строения смысла: смысл со стороны удержания в нём значений – реалья *сложносоставная* и не оформленная как нечто *определенное*, не оформленная последовательно как *знак*. Смысл, в отличие от других языковых единиц, *произволен* в отношении означаемого. Смысл всегда нечто большее, чем то, что им передается в настоящий момент. Он – сверхёмкое означающее, если прибегнуть к лингвистической терминологии. Смысл есть то, во что не по воле субъекта осмысления *вошло* бытие, вошло и обрело способность открываться многому в себе. Смысл легко расширяется внутри себя и соотносится с новым для себя объектом, придавая ему осмысленность и в этом новое бытие.

Приведенное о лингвистике смысла ставит вопрос: есть ли всякое речевое действие смысл в указанной трактовке? Ведь оно – действие – не бессмысленное и законченное? Да. Всякое речевое действие есть смысл, есть вселенское, по меньшей мере, по идеалу, *по своей возможности*, оставаясь собою, включить в себя *бездны* содержания (бытия) и в этом стать самостоящей в себе реальией.

Механизм обращения к смыслу. Как взаимодействовать со смыслом как субъектной реальией? Полагаем, смысл нужно *слушать*. Он *говорит*. Говорит своим *внутренним изменением* в отношении *обращенного* к нему или тому, что его *окружает*.

Изменение в смысле находит выражение в извлечении из глубин его содержания того, что было лишь *намечено* или явлено *потенциально* в его предшествующем бытии. Смысл в своем *произвольном* действии являет *новое* в себе, то, что было в нем как вселенской – бесконечно емкой со стороны содержания реалии, то, что было, но не нашло своего отчетливого выражения.

Смысл начинает *говорить*, когда окружение его (также смысловая реальность) *беспокоит* внутреннее в нем – его *интенции*, его *сокровенное*, его *ценностное пространство*.

Смысл есть собрание многих и многих отношенческо-гностических образований, каковые постоянно *флуктуируют*. Активность их меняется в зависимости от встречаемых ими близких для них по природе реалий (других смыслов).

Как Вы, Татьяна Ларина, воспринимаете свободную любовь? Можете ли Вы забыть (проигнорировать) благословение матери на Ваш брак? И вообще – что значит благословение матери?

Разумеется, Татьяна Ларина, героиня романа А.С. Пушкина, откликнется на указанные вопросы к ней со стороны человека нашего времени. Ответы ее (воображаемые) есть *развёртывание* отношенческо-гностических составляющих чудесного образа этой русской женщины. Ответы ее и есть произвольное (субъектное) бытие смысла-образа писателя XIX века.

Смысл нужно *слушать* и *говорить* с ним. В этом случае скажется его субъектно-флуктуационная природа и он *будет отвечать*.

Заключение. Смысл, смыслы вместе со вселенной и человеком разворачиваются в бытии как оно само *полное*. Смысл есть знамение единения вселенной с самой собою, того единения, миссия (цель) какового (феноменологически) зрима, но не внятна исчерпывающе еще человеку.

Вселенная изначально, следуя некоей телеологии – некоему смыслу (замыслу), – продвигается к своей персонификации, произвольному, или осмысленному, поведению.

Смысл – это внятно человеческому разуму – врачует бытие, полнит его внутренним согласием и высвобождением от себя же ущербного (не осмысленного). Бытие осмысленное открыто своим изменениям и преобразованиям. Из косно-единого оно посредством смысла становится едино-множественным и персонифицированным.

Смысл врачует человека, врачует его социальное и вселенское бытие. Смысл дал и дает человеку – в возможной мере – успокоение в его планетном странствии (смысл укрывает человека в бытии; мысль, восходящая к М. Хайдеггеру [9, с. 330]). Смысл преодолевает настоящее и вводит человека в завтрашний день, вводит в завтрашний день как в его родное и чаемое пристанище.

Смысл ищет себя в человеке, вовлекая и его – песчинку бытия – в свою вселенскую драму-преображение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Августин Блаженный Об истинной религии. Теологический трактат / Августин Блаженный. – Минск : Харвест, 1999. – 1598 с.
2. Аристотель Сочинения в четырех томах / Аристотель. – Т. 1. – Москва : Мысль, 1976. – 550 с.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – Москва : Искусство, 1979. – 421 с.
4. Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в научном познании / А.А. Гагаев. – Саранск : МГУ имени Н.П. Огарева, 1994. – 48 с.
5. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человеческого рода. Хрестоматия по истории языкознания XIX-XX веков / В. Гумбольдт. – Москва : Министерство просвещения РСФСР, 1956. – С. 68–86.
6. Пенроуз Р. Большое, малое и человеческий разум. Пер. с англ. А.В. Хачояна под ред. Ю.А. Данилова / Р. Пенроуз, А. Шимони, Н. Картрайт, С. Хокинг. – Москва : Мир, 2004. – 192 с. (Ориг. изд.: *Penrose R., Shimony A., Cartwright N., Hawking St. The Large, the Small and the Human Mind. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. P. 224*). URL: <http://www.twirpx.com/file/141076/> дата обращения: 29.06.2017).
7. Платон. Диалоги / Платон. – Москва : АСТ: Астрель, 2011. – 349 с.
8. Тейяр де Шарден П. Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. – Москва : Устойчивый мир, 2001. – 232 с.
9. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления / М. Хайдеггер. – Москва : Республика, 1993. – 447 с.

Поступила в редакцию 28.11.2019 г.

ON SENSE AS SELF-ACTING REALITY

A.A. Gagaev, P.A. Gagaev

The article explores the meaning in terms of its inherent being activity. Meaning is treated as a universal reality, as having a high degree of independence. The emergence of meaning is associated with the "condensation" of being. Meaning is understood as the primordial in the universe, and its true form. The hypothesis of meaning gaining full independence is put forward. The psycholinguistics of meaning as a self-acting reality (perfection of design, content and relation capacity, plasticity, fluctuation nature) is outlined. The mission of meaning is understood as the healing of the universe and human society. The methodology in the work is based on A.A. Gagaev's substrate reflection.

Key words: universe, being, person, thought, meaning, action itself, psycholinguistics, psyche, mission.

Гагаев Андрей Александрович.

Доктор философских наук, профессор.
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени
Н.П. Огарева».

Профессор кафедры философии и социологии.
E-mail: gagaev2012@mail.ru.

Gagaev Andrey Alexandrovich.

Doctor of Philosophy, Professor.
National Research Mordovian State University named
after N. P. Ogarev.

Professor of the Philosophy and Sociology Department.
E-mail: gagaev2012@mail.ru.

Гагаев Павел Александрович.

Доктор педагогических наук, профессор.
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный
университет».

Профессор кафедры педагогики и психологии.
E-mail: gagaevp@mail.ru.

Gagaev Pavel Alexandrovich.

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor.
Penza State University.

Professor of Pedagogy and Psychology Department.
E-mail: gagaevp@mail.ru.

УДК 81'373.84(292.079):81'282.8

**ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «НАИМЕНОВАНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ
МЕТИСАЦИИ» ИЗ АФРИКАНСКИХ ЯЗЫКОВ В КАРИБСКИХ КРЕОЛЯХ
НА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ОСНОВЕ**

© 2019. В.А. Дроздов

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматриваются семантические пути развития африканских заимствований-архаизмов, представленных наименованиями с значением метисации, в багамском, тринидадо-тобагском и ямайском креолях. Цель исследования – выявить изменения в английском языке на новых территориях его распространения – в англоязычных креолях Карибского бассейна. Сделаны обобщения об алломорфных и изоморфных признаках в них.

Ключевые слова: метафора, метонимия, производное значение, исходное значение, алломорфизм, изоморфизм.

1. Введение. В данном исследовании на примере карибских креолов – ямайского, багамского, тринидадо-тобагского на англоязычной основе рассматривается тематическая группа (далее ТГ) «Наименования со значением метисации» (далее НЗМ) из африканских языков. Заметим, что пиджин – межэтнический вспомогательный язык, выполняющий минимум функций в очень ограниченной сфере коммуникации. Пиджин не является родным ни для кого из говорящих ... В определенных условиях развившийся расширенный пиджин может становиться родным для какого-либо языкового коллектива. При этом еще более расширяются его коммуникативные функции. Такой язык определяется как креольский [1, с. 8–9]. Креольский язык – смешанный язык, возникший в результате употребления одного из европейских языков как средства общения европейцев с коренным населением (главным образом островов Индийского океана, Карибских островов) [9, с. 531]. Креолизация языка – специфическое изменение одного из современных европейских языков: английского, французского, испанского, голландского или португальского, – осуществившееся вследствие длительного употребления их в качестве средства общения с коренным населением (главным образом островов Индийского океана) [9, с. 211].

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим вниманием к вариантам (социальным, географическим) национальных языков, к процессам возникновения новых языковых общностей, и вместе с тем, недостаточной изученностью территориального варьирования карибских креолов на английской основе и механизмов формирования вариантных языковых систем, представленных ямайским, тринидадо-тобагским и багамским креольскими языками.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе: а) подвергнуты анализу лексические единицы НЗМ из африканских языков в ямайском, тринидадо-тобагском и багамском креольских языках; б) выявлены изоморфные и алломорфные признаки лексических единиц данной ТГ в исследуемых креолях.

Цель исследования заключается в том, чтобы на примере лексических единиц НЗМ из африканских языков показать, какие изменения претерпевает английский язык на новых территориях своего распространения – в англоязычных креолях Карибского бассейна.

Данная цель предусматривает решение **следующих задач**: 1) установить изоморфные дифференциальные признаки (далее ДП) НЗМ из африканских языков в ямайском, тринидадо-тобагском и багамском креолях Карибского бассейна; 2) выявить алломорфные дифференциальные признаки НЗМ из африканских языков в ямайском, багамском и тринидадо-тобагском креолях; 3) показать семантическое развитие производных креольских лексических единиц НЗМ из африканских языков в исследуемых карибских креолях на английской основе; 4) установить приемы семантической деривации данной ТГ в исследуемых креолях.

Задачи исследования и специфика материала обусловили применение таких **методов исследования** как метод анализа словарных дефиниций, метод компонентного анализа, сравнительно-сопоставительный метод, метод контекстуального анализа.

Обзор отечественных и зарубежных исследований по рассматриваемой проблеме. Проблемы метисации, креольских языков и пиджинов в современном мире рассматриваются в монографии В.М. Смокотина [4]. L. Todd, посвятивший свое исследование проблемам пиджинов и креолей, затрагивает проблему метисации народов Центральной Америки [6, с. 12–20]. Проблему метисации в португальском языке Мозамбика рассматривает О.А. Сапрыкина [3, с. 177–185]. Синонимические ряды метисации рассматриваются в статье Т.В. Писановой [2, с. 160–176]. Зарождение метисации рассматривается в статье С.Г. Woodson [7, с. 335–353]. К.Г. Volk, рассматривает проблемы морали языковых меньшинств в связи с проблемами метисации, включая их языковой аспект [8, с. 104–116]. J. Black описывает проблемы метисации в связи с делом «Лавинг против штата Виргиния» [5, с. 2–9].

2. В багамском креоле НЗМ *red* adj. (о людях) ‘светлокожий с негроидными чертами’: 1. в языке тви *buroni kokoe* = досл. (*‘ripe red’* ‘явно светлокожий’) ‘белый человек’ (К. Aboagye), в языке йоруба *enia pupa* (досл.: *person red* ‘человек светлокожий’) ‘светлокожий человек’ (Oyedeji) и КрФр Реюньона *ruzon* ‘светлокожий метис с негроидными чертами’ (Chaudenson 1974) или *nwa:r ruz* ‘светлокожий’ то же (ibid 108); гаитянского *wouj* то же (Gaujean)] *red* adj. (о людях) ‘светлокожий с негроидными чертами’ = НЗМ БагамКр *hard-red, red-skin; high yellow, pinky*; ср *red hog* ‘светлокожий человек’ (оскорбительный термин) [13, с. 167].

НЗМ БагамКр *red n* – a person who is white or nearly white; (имя сущ.) ‘белый или почти белый человек’ [13, с. 167].

Представим в виде списка алломорфные лексемы НЗМ в багамском креоле. НЗМ *high yellow* = *light-skin* – having a light brown complexion ‘со светло-смуглым цветом лица’. Например: *They love them high yellow gals even if they cripple* [13, с. 103]. ‘Они любят светло-смуглых девушек, даже если они калеки’.

НЗМ БагамКр *hard-red* – having a light brown complexion, especially with tightly curled hair, often tinged with reddish gold (somewhat derogatory) ‘со светло-смуглым цветом лица, очень курчавыми волосами с золотистым отливом’ (отчасти уничижительное). Например: 1973 “*Conky Joes*” are by no means white. They are of a *hard-red complexion* [13, с. 100]. ‘Светлолицые багамцы – совсем не белые. Цвет лица у них – светло-смуглый’.

НЗМ БагамКр *pinky* – (of a Black person) very light-skinned (о негре) ‘очень светлокожий’. Ср. *bright*. Например: 1978 *pinky* – white. [13, с. 156]. ‘Очень светлокожий, это – белый’.

НЗМ БагамКр *bright* = *bright-skin* – having a light brown complexion ‘со светло-смуглым цветом лица’. Например: 1978 *Too many people are concerned with how bright*

their skin is [13, с. 28]. ‘Слишком многие заняты вопросом, в какой степени светлым является их цвет лица’.

НЗМ БагамКр *bright-bright* – (of persons) having a very light brown complexion ‘с очень светло-смуглым цветом лица’. Например: *Now my sister, she bright-bright* [13, с. 28]. ‘У моей сестры очень светло-смуглый цвет лица’.

НЗМ БагамКр *red skin* – (of people) having a light brown complexion and Negroid features ‘с светло-смуглым цветом лица и негроидными признаками’. Например: *That red-skin boy think I does play?* [13, с. 168]. ‘Этот мальчик со светло-смуглым цветом лица думает, что я не серьезен?’

НЗМ БагамКр *red hog* – an abusive term for a light-skinned person ‘оскорбительное название светло-кожего человека’. Например: 1971 *Chorused by a group of kids at the wrong end of the colour scale to put down some "stuck up" fairer-skinned individual. "Black-is-the-beauty-but-red-is-the-hog"*. ‘Чтобы унижить какого-либо высокомерного человека с более светлой кожей, группа детей с цветом кожи, относящемуся к темной части цветовой гаммы, хором повторяют: «Черный цвет – красота, а белый цвет – это свинство»’ [13, с. 167].

Перечисленные лексемы НЗМ из африканских языков в багамском креоле образуют область алломорфных дифференциальных признаков на лексическом уровне со значением ‘очень светлокожий’ или ‘с (очень) светло-смуглым цветом лица’.

В тринидадо-тобагском креоле в соответствии со второй «африканской» версией этимологии слова *mulatto* [<в языке киконго *mu-* префикс с значением ‘человек’+ *laatu* ‘слегка касаемый; облизываемый’ <*nla-tia* = *nlattia* ‘soot on the ceiling ‘сажа на потолке’; licked by the fire ‘охваченный языками пламени’, darkened by smoke ‘задымленный’] семантическое развитие производного заимствования-архаизма ТрТКр *mulatto* от исходной лексической единицы языка киконго может быть представлено при помощи следующей метафорической модели: киконго (*mulatto*) *nlattia* ‘сажа на потолке’ → метафора → ТрТКр *mulatto* ‘мулат(ка)’ [14, с. 619].

В данном случае имеет место метафорический перенос с одного явления действительности (‘сажа на потолке’) на человека (‘мулат(ка)’) на основе сходства зрительных восприятий (‘сажа на потолке’ и ‘цвет лица мулата / мулатки’). Возможно, это метафорический перенос от признака лица (‘лицо цвета сажи’) к признаку предмета (‘потолок, закопченный сажей’).

В ямайском креоле употребительным является заимствование из языка тви *maranta* ‘мулат’. [*maranta* < из языка тви *omuraton* ‘мулат’ (ЯмКр *maranta* < порт. *mulatto* англ *mulatto*)] ‘мулат’. Например: 1955 /*Maranta*/, /*myulata*/ ‘мулат’ [11, с. 292].

На основе дефиниции данной словарной статьи допустимо выстроить следующую этимологическую цепочку: порт. *mulatto* (→ англ *mulatto* ‘мулат’) → язык тви *omuraton* ‘мулат’ → ЯмКр *maranta* ‘мулат’.

НЗМ ЯмКр *maranta* образует зону алломорфизма.

В ямайском креоле НЗМ *red sb & Adj dial*; [11, с. 377]. ‘Заметьте, что в языке тви и других западно-африканских языка цвет ‘*red*’ охватывает зону, которая в европейских языках включает цвета *red, orange, yellow*’. 2. В качестве термина НЗМ или цвета лица *red* обозначает ‘сочетание светлой или желтоватой кожи (light or yellowish skin) с курчавыми волосами или другими негроидными чертами’. См. *red Ibo, red nayga, red skin* [11, с. 377].

НЗМ ЯмКр *red Ibo*; < *red+Ibo*, Ебое (‘негры народности ибо изначально были светлее, чем другие чернокожие’). ‘Светлокожий цветной с негроидными характеристиками. Этот термин всегда имеет оскорбительную окраску’. Например: 1960, *Red Ibo, pejorative term for a fair skinned but otherwise negroid person* [11, с. 378].

'*Red Ibo*, уничижительное наименование светлокожего, но в других отношениях человека с негроидными признаками'.

НЗМ ЯМКр *red nayga*; = *red (skin)* 'светлокожий'. Например: 1954, *Mulatto, red nayga*. 'мулат, светлокожий негр'. 1960 *red (skin)* 'светлокожий' [11, с. 378].

НЗМ ЯМКр *red (skin) having a light-coloured (but not white) complexion; mulatto or lighter* (Not necessarily an insult, but sometimes used as such by darker people). 'Имеющий светлый (но не белый) цвет лица; мулат или светлее мулата. (Не обязательно оскорбительный термин, но более темнокожими людьми иногда используется как таковой)'. Например: 1942. *wat a red skin 'oman mean!* 'какая подлая эта светлокожая'. 1960 *red (skin): A negroid person with fair complexion – like people from St Elizabeth. Not pejorative, whereas red Ibo is* [11, с. 378]. '*Red (skin):* 'светлокожий'; 'человек негроидной расы со светлым цветом лица, как люди в Сент-Элизабет. Это не уничижительное наименование, а оборот *red Ibo* 'светлокожий цветной' – уничижительный' (перевод наш).

В ямайском креоле имеется диалектизм *sambo backra* 'почтительное наименование человека с цветом кожи *sambo*' и архаизм *sambo* (obs.) (уст.) 'about three quarters negro' 'человек'. Описание расы *sambo* исследователь XVIII века Слоун сравнивает с описанием растения, имеющего окраску, подобную цвету лица *sambo* (Уст.). '*In ref to the root or flower of the species (decumbens) which Sloane described: 'the Plant ... (is) of a white brown colour. The flowers are yellow*'. 'В отношении к корню или цветку вида (*decumbens*) Слоун приводит такое описание: «Это растение беловато-коричневого цвета. Цветки у него – желтые»' [11, с. 391].

Семантическое развитие данного архаизма происходит в соответствии с метафорой. В ее основе метафорическая формула «цвет растения → человек с таким цветом лица».

В тринидадо-тобагском креоле встречаются наименования, входящие в ТГ НЗМ «Наименования со значением метисации»: *shugs* n Person of African descent with red or reddish-yellow hair 'человек африканского происхождения с светлыми или светлорыжими волосами'. (< *sugars*) = *gingerhead* 'having red or reddish hair' 'со светлыми или светловатыми волосами', *sugar head=sugars* 'a person of African descent with red or reddish-yellow hair' [14, с. 862] 'человек африканского происхождения с светлыми или светловато-рыжими волосами'. Например: *We does call him 'Shugs'* [14, с. 816]. 'Мы называем его светловолосым'.

ТГ НЗМ из африканских языков включает также архаизм *bakra, bukra, baccra*. НЗМ *bakra, bukra, baccra* [10, с. 61] 1 arc (арх.) 'белый человек; человек европейского происхождения' /bakrv, bAkrA/. (< из языков ибо, эфик *mbakara* 'белый человек') // *beke* (арх.) 'белый', *Quackie* (арх.) 'белый', *white bukra* (уст.) 'белый европейского происхождения' [14, с. 954], *white cockroach* 'белый' (с отрицательной коннотацией) [14, с. 954]. Например: *Yet Cuffy quarelled with the fisherman, telling him, "that he had taken us in, because we were buckra"* (*white men*). *Massa Wama, (he saucy buckra far true, dat Massa Wama – he call me tief). The planter's Great House on each Tobago plantation was called the Backra House until the twentieth century* [14, с. 41]. 'И все-таки Кафи поссорился с рыбаком и сказал ему, что он обманул нас потому, что мы – белые. Господин Вама (воистину, белый нахал. Этот господин Вама назвал меня вором). Дом плантатора на каждой плантации в Тобаго называли вплоть до двадцатого века Домом Белого хозяина'.

3. Выводы

3.1. В карибских креолях семантическое развитие лексических заимствований-инноваций ТГ «Наименования со значением метисации», заимствованных из

африканских языков, происходит на основе использования следующих приемов семантической деривации: метафора, метонимия и сужение значения. В этом заключается изоморфизм рассматриваемых лексических явлений.

3.2. Характерной особенностью наименований НЗМ из африканских языков в рассматриваемых карибских креолях является наличие аллонимов: один и тот же термин метисации имеет различные наименования в разных креолях или в различных географических ареалах одного и того же креоля (*backra* // *beke*, *Quackie*, *white bukra*, *white cockroach* 'белый'). В этом также проявляется изоморфизм исследуемой группы лексических единиц.

3.3. К зоне алломорфизма относятся семантические особенности НЗМ, заимствованных из африканских языков (в языке тви и других западно-африканских языках цвет 'red' охватывает зону, которая в европейских языках включает цвета *red*, *orange*, *yellow*'). В багамском креоле под влиянием африканских языков НЗМ 'светлокожий с негроидными чертами' имеет следующие алломорфные эквиваленты: *bright*, *bright-bright*, *red*, *hard-red*, *red-skin*; ср *red hog* (оскорбительное название светлолицего человека), *high yellow*, *pinky*. В ямайском креоле зону алломорфизма образуют уничижительные обороты НЗМ ЯмКр *red Ibo*, *red nauya*, а также НЗМ *maranta* 'мулат', *red skin*. В тринидадо-тобагском креоле зону алломорфизма образуют НЗМ ТрТКр *shugs* 'человек африканского происхождения с светлыми или светло-рыжими волосами', = *gingerhead*, *sugar head*, *sugars*, а также вариантный ряд НЗМ *bakra*, *bukra*, *baccra*, *backra*, *bacra*, *bakara*, *bakra*, *buckra*, *buccara* 1 arc (арх.) 'белый человек; человек европейского происхождения' /*bakrv*, *bAkrA*/ и его аллонимы *beke*, *Quackie*, *white bukra*, *white cockroach*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БагамКр – багамский креоль; ДП – дифференциальный признак; НЗМ – наименования со значением метисации; ТГ – тематическая группа; ТрТКр – тринидадо-тобагский креоль; ФрКр – французско-креольский патуа; ЯмКр – ямайский креоль; Бага – Багамские острова; dial – dialectal – диалектальное; FR – French – французский язык; FrCr – French Creole – французский-креольский патуа; Jmca-Jamaica – Ямайка; sb – substantive – имя существительное; Tbgo-Tobago –Тобаго; Trin – Trinidad – Тринидад.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дьячков М.В. Креольские языки / М.В. Дьячков. – Москва : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1987. – 106 с. (Серия «Языки народов Азии и Африки»).
2. Писанова Т.В. Соотношение традиций и инноваций в национальных вариантах испанского языка стран Латинской Америки / Т.В. Писанова // Норма и вариативность в языке и речи. – Москва : ИНИОН РАН, 2017. – С. 160–177.
3. Сапрыкина О.А. Социолингвистический профиль Мозамбика / О.А. Сапрыкина // Норма и вариативность в языке и речи. – Москва : ИНИОН РАН, 2017. – С. 177–185.
4. Смокотин В.М. Многоязычие и проблемы преодоления межъязыковых и межкультурных коммуникативных барьеров в современном мире / В.М. Смокотин. – Томск : Томский ГУ, 2016. – 222 с.
5. Black J. Loving v. Virginia. Oyez. Retrieval / J. Black. – 2019. – 10-03.
6. Todd L. Pidgins and Creoles. – L.: Blackwell, 2017. – 65 p.
7. Woodson C.G. The beginnings of miscegenation of the Whites and Blacks / C.G. Woodson // The Journal of Negro History. 3(4). – P. 335–353;
8. Volk K.G. Moral minorities and the making of American English / K.G. Volk // OUP, 2018. – P. 104–116.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

9. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Москва : Советская энциклопедия, 1969. – 605 с.

10. Allsopp R. Dictionary of Caribbean English usage /R. Allsopp. – OUP, 1996. – 697p.
11. Cassidy F.G. Dictionary of Jamaican English / ed. by F.G. Cassidy, R.B. Le Page. – Cambridge At the University Press, 1967. – 489 с.
12. COED: Compact Oxford English Dictionary. Complete text reproduced micrographically. – Clarendon Press. – Oxford. – Published in the USA by Oxford University Press, Inc. – New York. – Second edition, 1993. – 2572 p.
13. Holm J.A. Dictionary of Bahamian English / J.A. Holm, A.W. Shilling. – Lexik House Publishers. – Cold Spring, New York, 1982. – 228 p.
14. Winer L. Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles / L. Winer. – McGill-Queen’s University Press, Montreal & Kingston. London. Ithaca, 2009. – 1039 p.

Поступила в редакцию 12.12. 2019 г.

**THEMATIC GROUP «CROSS-BREEDING NAMES» BORROWED FROM AFRICAN LANGUAGES
IN ENGLISH-BASED CARIBBEAN CREOLES**

V.A. Drozdov

The study considers semantic development ways of African-borrowed crossbreeding names in the English-based Bahamian, Trinidado-Tobagonian, and Jamaican creoles. The aim of the investigation is to reveal the changes English undergoes in the new territories of its spreading, i.e. in the Anglophone creoles of the Caribbean area. The article reveals the allomorphic and isomorphic features in the creoles under investigation.

Key words: semantics, metaphor, metonymy, original meaning, derived meaning, allomorphy, isomorphy.

Дроздов Владимир Александрович.
Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры теории и практики перевода.
E-mail: drozdov.va1950@gmail.com.

Drozdov Vladimir Alexandrovich.
Candidate of Philology, Docent.
Donetsk National University.
Associate Professor of Translation Theory and Practice
Department.
E-mail: drozdov.va1950@gmail.com.

УДК 811.111:81'373.6

**МЕТАФОРИЧЕСКИЕ И МЕТОНИМИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА
В ИСКУССТВЕ В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ
(лингвокультурологический аспект)**

© 2019. А.Г. Косицкая

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Предлагаемая статья посвящена исследованию механизмов вторичной номинации человека в искусстве (метафоризации и метонимизации) на материале литературной и субстандартной лексики английского и немецкого языков. В работе устанавливается набор универсальных и уникальных моделей метафорических и метонимических переносов. Выявляется лингвокультурологическая специфика данных образований.

Ключевые слова: существительное, вторичная номинация, семантическая деривация, метафора, метонимия, синекдоха, аксиологическая оценка (маркированность).

1. Введение. Настоящая статья посвящена исследованию метафоры и метонимии как средств вторичной номинации человека в искусстве, типов метафорических и метонимических переносов, а также их универсальных и национально-культурных свойств, ср: англ. *dummy* ‘манекен’ → *dummy* разг. ‘статист (актер, исполняющий роль без слов)’ (он молчаливый, как манекен), нем. *Holz hacker* ‘дровосек’ → *Holz hacker* разг. ‘бесчувственный пианист, плохой музыкант’ (он бьет по клавишам, как дровосек по полену).

Человек предстает в языке во всем многообразии присущих ему черт, качеств, налаженных связей и отношений с окружающим миром. Языковое моделирование человека, его интерпретация языковыми средствами являются неоднозначными, так как в разных языках набор и состав моделей различаются, в процессе развития одного языка модели описания человека меняются, поскольку отражают различные стадии эволюции человеческого общества. Лексика, имеющая отношение к обозначению человеческой деятельности и самого деятеля, является призмой видения человеком себя как активного преобразователя окружающей среды и своей роли в материальном или идеальном мире.

Изучение механизмов вторичной номинации приобретает особую **актуальность** в связи с тем, что образность, возникшая в результате наблюдений за явлениями окружающего мира и основывающаяся на духовно-нравственном, социально-историческом и практическом опыте людей, становится не только лингвистическим, но и психологическим феноменом, а сопоставительное исследование устойчивых образов в разных языках позволяет выявить универсальное и национально-специфическое [2, с. 28–32; 3, с. 75; 12, с. 1211].

Такие образные средства языка, как метафора и метонимия, позволяют отразить своеобразие национально-культурного воплощения языковых знаний и представлений человека о мире через систему оценочных образов-эталонов. Особенно показательна в этом отношении метафора, которая придает яркость и образность субъективному восприятию того, что могло бы быть выражено буквально [10, с. 24–241; 11, с. 124–125], а также сравнивается со своего рода вербальной стенографией для тех идей, которые могли бы быть выражены громоздкой фразой [13, с. 308]. По мнению Дж. Лакоффа, метафора позволяет постигнуть опыт одного вида в терминах другого, «налагая

гештальты, структурированные естественными измерениями опыта» [5, с. 251]. Метафора обладает антропометричной природой, т. к. она соизмеряет разные сущности, создает новое знание, соизмеряя их с человеческим масштабом знаний, с системой национально-культурных ценностей [6, с. 91]. «Рождение метафоры, как правило, связано с концептуальной системой носителей языка, с их стандартными представлениями о мире, с системой оценок, которые существуют в данной лингвокультуре и лишь вербализуются в языке. Эффект метафорического использования апеллятивов применительно к человеку состоит не только в выявлении экспрессивных и эмоциональных оттенков значения слова посредством контекстов разного объема, но и в актуализации соответствующей системы общепринятых ассоциаций в данной лингвокультуре» [4, с. 28].

Напротив, метонимии присуща в основном референциальная функция, то есть она позволяет одной сущности (= одному классу объектов / единичному объекту) замещать другую (= другой класс / отдельный предмет). В процессе метонимического переноса используется одна сущность для того, чтобы сделать ссылку на другую, связанную с ней [5, с. 61–62].

Объектом исследования выступают литературные и colloquialные наименования человека в искусстве (НЧИ) в английском и немецком языках по различным видам профессиональной и непрофессиональной деятельности в таких сферах, как кино, театр, музыка и телевидение. Данные наименования представляют собой простые, сложные слова и словосочетания.

Предметом являются процессы и механизмы вторичной номинации (метафоризации и метонимизации) данных НЧИ, а также их национально-культурная специфика.

Материалом исследования в английском языке послужили 724 НЧИ, среди которых выявлены 39 метафорически и 66 метонимически переосмысленных лексем, а в немецком – 940 НЧИ, из которых 101 лексема строится на метафорических и 48 – на метонимических переносах. Данные наименования отобраны путем выборки из толковых словарей, а также словарей разговорных единиц и сленга.

В корпусе НЧИ английского и немецкого языков отмечены образования, которые являются результатом двух типов вторичной номинации – метафоризации и метонимизации – и связаны с переосмыслением предшествующего (прямого и/или буквального) значения слова, ср.: *tenor* ‘тенор (голос)’ → *tenor* ‘тенор (певец)’; нем. *Lustspielkanone* букв. ‘комедийная пушка’ → *Lustspielkanone* разг. ‘популярный актер комедий’.

2. Типы метафорических переносов НЧИ в английском и немецком языках.

В структурном плане НЧИ-метафоры распадаются на два вида:

1) *однословные метафоры*, ср.: англ. *feeder* букв. ‘кормилец’; разг. ‘актер на вторые роли; актер, подающий реплики – актер/актриса, который/которая, исполняя свою роль, содействует («кормит, снабжает») актера/актрису на главную роль’; нем. *Dampfer* ‘пароход’ → *Dampfer* разг. ‘джаз-оркестр, джазовый ансамбль’ (звук ударных инструментов, а также отбивание такта музыкантами схожи со стуком/шумом работающего двигателя парохода);

2) *многословные метафоры*, выраженные формально сложными словами (композициями) типа англ. *dicky-bird / dickey-bird* детск. ‘птичка’ → *dicky-bird / dickey-bird* разг. ‘профессиональный певец’, нем. *Bildschirmnixe* букв. ‘экранная нимфа’ → *Bildschirmnixe* разг. ‘киноактриса в сцене купания’, а также словосочетаниями *crew hog* букв. ‘кабан из команды’ → *crew hog* разг. ‘член съемочной группы’; *junger Hund* букв. ‘юный пес’ → *junger Hund* разг. ‘актер-новичок’.

Многословные НЧИ-метафоры со структурой композита образуются в ходе семантической деривации, а их значения невозможно вывести из семантики составляющих компонентов. Особенностью данных композитов является их образность, стилистическая маркированность и необычная сочетаемость их конститuentов.

В английском языке количественное соотношение однословных и многословных НЧИ-метафор почти одинаковое (20 и 19 ед. соответственно). Напротив, в немецком языке однословные метафоры (7 ед.) заметно уступают многословным (94 ед.). В процессе метафоризации переосмыслению может подвергаться все многословное НЧИ как единое целое или один из его компонентов, часто – второй компонент [1, с. 292]. В последнем случае источником образности («Bildspender») служит второй компонент, а первый – выступает получателем образности («Bildempfänger») [9, с. 99–100].

Ассоциативной базой для метафорических переносов НЧИ выступают слова, обозначающие:

1) человека и такие его признаки, как:

а) род деятельности и умения (англ. – 8 ед., нем. – 15 ед.), ср.: англ. *professor* (букв. ‘профессор, преподаватель’) разг. ‘пианист (в баре)’ (возможно, в виду того, что пианисты давали уроки игры на пианино), *village blacksmith* букв. ‘деревенский кузнец’ → *village blacksmith* разг. ‘актер, который получает ангажемент не более, чем на неделю’ (ассоциация восходит к стихотворению Г. Лонгфелло «Деревенский кузнец», в котором кузнец получает каждую неделю заказ на изготовления деталей, о чем свидетельствуют строчки: «Week in, week out, from morn till night, You can hear his bellows blow; You can hear him swing his heavy sledge With measured beat and slow ...»); нем. *Beamter* ‘служащий’ → *Beamter* разг. ‘актер, играющий без воодушевления’ (этот актер похож на чиновника, выполняющего безучастно и равнодушно рутинную работу), *Jazz-Feinmechaniker* букв. ‘джазовый специалист по точным приборам’ → *Jazz-Feinmechaniker* разг. ‘талантливый джазовый музыкант (у него должно быть такое тонкое чутье, как у механика, работающего с электронными приборами)’;

б) социальное положение (англ. – 2 ед., нем. – 6 ед.), ср.: англ. *acting lady* букв. ‘леди, работающая актрисой’ → *acting lady* ирон. разг. ‘посредственная актриса’ (ирония строится на безуспешной попытке многих светских дам / леди повторить успех Лилли Лэнгтри – британской актрисы и «светской львицы»); нем. *Rampenvogt* букв. ‘управляющий рампой’ → *Rampenvogt* разг. ‘строгий и требовательный режиссер’ (он ведет себя, как властный, бесцеремонный управляющий-феодал (*Vogt*);

в) возраст (англ. – 1 ед., нем. – 1 ед.), ср.: англ. *piano kid* букв. ‘ребенок-пианист’ → *piano kid* разг. ‘пианист (в барах Нового Орлеана, Нью-Йорка, Мемфиса и т.д.)’ (в которых первые пианисты обычно были юными); нем. *Leinwandnymphchen* букв. ‘экранная нимфетка’ → *Leinwandnymphchen* разг. ‘юная киноактриса’;

г) личные качества и характер (англ. – 1 ед., нем. – 7 ед.), ср.: англ. *jitterbug* ‘псих, нервный человек’ → *jitterbug* разг. ‘джазист, фанат свинговой музыки’ (который двигается энергично, делает резкие, подобно психу, движения), *Sport-Charmeur* букв. ‘спортивный соблазнитель’ → *Sport-Charmeur* разг. ‘спортивный репортер’, *Akustikterrorist* букв. ‘акустический террорист’ → *Akustikterrorist* разг. ‘хвастливый рок-, поп-исполнитель, рэппер’ (он терроризирует всех своими композициями);

2) фауну и флору (англ. – 12 ед., нем. – 30 ед.), ср.: *scorpion* ‘скорпион’ → *scorpion* разг. ‘очень юный и неопытный актер’ (который безобиден, словно скорпион, не имеющий жала в хвосте), *scene-rat* букв. ‘театральная крыса’ → *scene-rat* разг. ‘фигурантка’; нем. *Papagei* ‘попугай’ → *Papagei* разг. ‘актер, не умеющий импровизировать’ (он, подобно попугаю, механически воспроизводит один и тот же

текст, не проявляя эмоций), *Ballettkalb* букв. ‘балетный теленок’ → *Ballettkalb* разг. ‘юная балерина’, *Theaterpflanze* букв. ‘театральное растение’ → *Theaterpflanze* разг. ‘актриса театра’ (профессиональная занятость и талант актрисы метафорически связываются с местом произрастания растения (*Pflanze*));

3) небесное тело (англ. – 6 ед., нем. – 1 ед.), ср.: *co-star* ‘созвезда’ → *co-star* ‘известный актер (актриса), занятый в фильме или спектакле совместно с другим известным актером (актрисой)’, *booth-star* букв. ‘звезда балагана’ → *booth-star* разг. ‘ведущий актер или актриса балаганного театра’; нем. *Stern* ‘звезда’ → *Stern* ‘знаменитость’, *Filmsternchen* букв. ‘кинозвездочка’ → *Filmsternchen* ‘молодая кинозвезда’;

4) артефакты, механизмы, приборы, приспособления и их детали (англ. – 5, нем. – 21 ед.), ср.: *ventilator* ‘вентилятор’ → *ventilator* разг. ‘актер (он своим неудачным выступлением разгоняет («выдувает») зрителей); ‘режиссер аналогичной постановки’, *boot-jack* ‘холуй (приспособление для снятия сапог)’ → *boot-jack* разг. ‘универсальный актер’ (универсальность актера ассоциируется с универсальностью самого приспособления, пригодного для снятия любой обуви); *Perle* ‘жемчужина’ → *Perle* разг. ‘высокоодаренная актриса’ (ее дар уникален, как жемчужина), *lorbeerumrankte Heroinenruine* букв. ‘увитая лавром героиня-руина’ → *lorbeerumrankte Heroinenruine* разг., театр. ‘постаревшая актриса’ (т.е. ныне пожилая актриса, ранее успешная и «увенчанная лаврами»);

5) взятые / мифологические/волшебные существа (англ. – 2 ед., нем. – 7 ед.), ср.: *angel* ‘ангел’ → *angel* разг. ‘театральный меценат’; нем. *Berufs-Sirene* букв. ‘профессиональная сирена’ → *Berufs-Sirene* разг. ‘актриса, исполняющая роль соблазнительницы’ (*Sirene* ‘сирена; морская нимфа’ – восходит к преданию Гомера об Одиссее, в котором сирены предстают морскими существами, искушавшими и губившими моряков).

В английском языке отмечено два случая метафоризации НЧИ, ассоциативной базой для которой выступают родственные связи человека: *grand-dada/gran(d)-daddy* ‘дедушка; предок’ → *grand-dada/gran(d)-daddy* разг. ‘джазист, обладающий большим опытом (словно дед жизненным опытом)’, *red-hot momma* букв. ‘разгоряченная мамочка’ → *red-hot momma* разг. ‘джазовая певица, исполняющая песни в нарочито грубой манере’.

3. Типы метонимических переносов НЧИ в английском и немецком языках.

По своей структуре НЧИ-метонимы являются *однословными* (англ. *rosin* ‘канифоль, смола’ → *rosin* разг. ‘скрипач (канифолью натирают смычок для того, чтобы увеличить силу его сцепления со струнами)’; нем. *Terzett / Trio* ‘терцет / трио (музыкальное произведение для трех инструментов или трех голосов)’ → *Terzett / Trio* ‘терцет / трио (ансамбль из трех певцов или музыкантов, исполняющий такие произведения)’) и *многословными* образованиями (композициями) (англ. *mezzo-soprano* ‘меццо-сопрано (женский голос)’ → *mezzo-soprano* ‘меццо-сопрано (певица с таким голосом)’; нем. *Klavierduo* ‘композиция для исполнения на фортепиано в четыре руки или для двух фортепиано’ → *Klavierduo* ‘фортепианный дуэт, исполняющий такую композицию’).

Метонимизация в сфере английских и немецких НЧИ происходит по 4 типам: каузальному, партитивному, атрибутивному и локальному [7, с. 57–58; 8, с. 362–376; 13, с. 362–376]:

1) *каузальный тип* «объект (обычно инструмент), который используется → субъект действия» (англ. – 32, нем. – 21), в котором выделяются следующие подвиды:

а) «инструмент / средство действия → субъект действия» (англ. – 18, нем. – 3), ср.: англ. *percussion* ‘ударные инструменты’ → *percussion* ‘музыканты, играющие на ударных инструментах’ *sticks* ‘барабанные палочки’ → *sticks* разг. ‘барабанщик;

ударник»; нем. *Brücke* ‘колосники (закулисный мост над сценой или киноплощадкой)’ → *Brücke* разг. ‘осветитель, находящийся на колосниках’, *Filmdiwан* букв. ‘кинокушетка’ → разг. *Filmdiwан* ‘актриса, которая делает карьеру через постель’;

б) «музыкально-драматическое произведение или его часть → исполнитель данного произведения» (англ. – 8, нем. – 18), ср.: англ. *mariachi* ‘музыка, исполняемая марьячи’ → *mariachi* ‘марьячи (группа уличных музыкантов в Мексике)’, *coloratura / colorature* ‘колоратура (технически трудные пассажи в пении, а также способность их исполнять)’ → *coloratura / colorature* ‘сопрано (певица), которая специализируется в исполнении таких пассажей’; нем. *Klavierquintett* ‘композиция для четырех смычковых инструментов и фортепиано’ → *Klavierquintett* ‘фортепианный квинтет’, *Septett* ‘септет (произведение для семи исполнителей (певцов или инструменталистов), каждому из которых предназначена особая партия)’ → *Septett* ‘исполнители такого произведения’.

НЧИ-метонимы каузального типа в английском языке образуются также по модели «действие → субъект действия» (6 ед.), в которой выделяются такие подтипы:

– действие → человек, выполняющий это действие: *quaver* ‘трель’ → *quaver* разг. ‘певец (выводящий трели)’;

– состояние → человек, находящийся в этом состоянии: *fave rave* ‘повальное увлечение; восторженный отзыв; любимая песня, фильм’ → *fave rave* ‘любимый музыкант’;

2) *партиципальный (синекдохический) тип* метонимии «часть → целое» (англ. – 15 ед., нем. – 19 ед.), который распадается на следующие подтипы:

а) «голос → певец с таким голосом» (англ. – 10, нем. – 14): англ. *alto* ‘альт (голос)’ → *alto* ‘альт (певец с таким голосом)’; нем. *Koloraturalt* ‘колоратурный альт’ (голос, который способен колоратуры – быстрые, технически трудные, виртуозные пассажи в пении) → *Koloraturalt* ‘певица с таким голосом’;

б) «часть тела, орган человека → человек» (англ. – 5, нем. – 5): англ. *bunhead* букв. ‘голова с пучком волос’ → *bunhead* разг. ‘балерина’; нем. *Goldkehlchen* ‘золотое горлышко’ → *Goldkehlchen* разг. ‘юная звезда эстрады’;

3) *атрибутивный тип*, реализующийся по таким моделям (англ. – 17, нем. – 2):

а) «имя собственное → имя нарицательное» (англ. – 8 ед., нем. – 4 ед.): англ. *foley* ‘Дж.Д. Фоли (звукорежиссер)’ → *foley* разг. ‘шумовик’, *stage-door Johnny* ‘Джонни, стоящий у служебного входа в театр’ → ‘поклонник актрисы (подкарауливающий ее у входа в театр)’ (*Johnny* ‘презрительное или комичное название определенной группы мужчин’); нем. *Leinwand-Casanova* букв. ‘экранный Казанова’ → *Leinwand-Casanova* разг. ‘киноактер в амплуа любовника’;

б) «роль актера → актер, исполняющий такую роль» (англ. – 4 ед., нем. – 2 ед.): англ. *walk-on* ‘роль без слов’ → *walk-on* ‘актер (статист), исполняющий роль без слов’, *heavy* ‘роль степенного, серьезного человека, роль резонёра; роль злодея’ → *heavy* ‘актер, исполняющий такую роль’; нем. *Soubrette* ‘субретка (комичное амплуа для сопрано)’ → *Soubrette* ‘субретка (сопрано, имеющая такое амплуа)’;

в) «отличительная черта → человек с такой чертой» (англ. – 1 ед., нем. – 2 ед.): *talent* ‘талант’ → *talent* разг. ‘актер, исполнитель’; нем. *erste Güte* букв. ‘первое качество’ → *erste Güte* ‘актер, выступающий в первом представлении’ (он хорошо (качественно) играет, поэтому выступает первым).

Только в английском языке обнаружены атрибутивные НЧИ-метонимы следующих подтипов:

а) «направление в искусстве → представитель данного направления» (2 ед.): *punk* ‘панк, панк-рок (альтернативное «примитивистское» направление в рок-музыке)’ → *punk* ‘панк (представитель соответствующей молодежной субкультуры); панк-рокер, рок-музыкант, работающий в стиле панк’;

б) «предмет одежды → человек, носящий такую одежду» (1 ед.): *domino* ‘домино (маскарадный костюм)’ → *domino* ‘участник маскарада (в маскарадном костюме)’;

в) «организация → люди, входящие в эту организацию» (1 ед.): *broadcaster* ‘вещательная компания’ → *broadcaster* ‘радио- или телеведущий’.

В английском языке выявлены также два примера метонимического переноса локального типа «место (пространство) → человек, находящийся (движущийся) в этом месте (пространстве)» (*house* ‘театр; кинотеатр’ → *house* разг. ‘зрители, публика’, *pad* ‘дорога’ → *pad* разг. ‘странствующий музыкант’).

4. Особенности аксиологической маркированности НЧИ-метафор и НЧИ-метонимов в английском и немецком языках. В исследовании отмечены некоторые закономерности в оценочной характеристике метафоризированных НЧИ. Отрицательно маркированные НЧИ в немецком языке образуются главным образом с помощью зооморфной метафоры типа *Papagei* ‘попугай’ → *Papagei* разг. ‘актер, не умеющий импровизировать’ (он, подобно попугаю, механически воспроизводит один и тот же текст, не проявляя эмоций), *Sexkuh* разг. ‘актриса, которая привлекает внимание публики своей фигурой и скрывает отсутствие актерских навыков’ (*Kuh* разг. ‘женщина с пышными формами’), *Singassel* букв. ‘певчая мокрица’ → *Singassel* разг. ‘певчиха’. В английском языке отрицательные качества человека в искусстве выражаются с помощью артефактной метафоры типа *ventilator* ‘вентилятор’ → *ventilator* разг. ‘актер (он своим неудачным выступлением разгоняет («выдувает») зрителей); ‘режиссер аналогичной постановки’, *stick* ‘деревянная палка’ → *stick* разг. ‘неловкий в движениях, неуклюжий, угловатый, некомпетентный актер’ (ассоциация с качеством материала – его жесткостью, негибкостью, неэластичностью). Напротив, в немецком языке названия артефактов (механизмов, приборов, их деталей) служат ассоциативной базой для создания чаще положительно маркированных НЧИ типа *Fernsehkanone* букв. ‘телевизионная пушка’ → *Fernsehkanone* разг. ‘популярный актер комедий’ (сила популярности актера приравнивается к эффекту пушечного выстрела), *Publikumsmagnet* букв. ‘магнит, притягивающий публику’ → *Publikumsmagnet* разг. ‘популярный, успешный актер, который словно магнит притягивает внимание зрителей’. В английском же языке положительная оценка НЧИ чаще ассоциируется с небесными телами типа *booth-star* букв. ‘звезда балагана’ → *booth-star* разг. ‘ведущий актер или актриса балаганного театра’, *pop star* ‘поп-звезда’.

5. Лингвокультурологическая специфика вторичной номинации человека в искусстве в английском и русском языках. Наименования человека в языке в целом часто обладают культурологическим потенциалом, выступая своеобразными лексическими приметами времени, отражающими историю профессиональной деятельности каждой страны, являясь т.о. лакунизированными фрагментами языковой картины мира, свидетельствующими о специфике языковых систем и неповторимости национальных культур.

Национально-культурное своеобразие находит свое отражение и в анализируемых НЧИ, в частности, в английских НЧИ, которые часто связаны с джазовой субкультурой, различными музыкальными течениями, напр. англ. *hep cat* букв. ‘знающий кот’ → *hep cat* разг. ‘знаток джаза’ (ассоциативная связь с *cat* ‘кот’ возникла, очевидно, из-за странствующего образа жизни, который вели первые джазисты), *alligator* ‘аллигатор’

→ *alligator* разг. ‘певец, широко открывающий рот во время пения’, *professor* ‘профессор, преподаватель’ → *professor* разг. ‘пианист (в баре)’ (такое название появилось в связи с тем, что пианисты давали уроки игры на пианино), *gatemouth* букв. ‘рот размером с ворота’ → *gatemouth* разг. ‘джазмен’ (аллюзия на большой, словно ворота, рот музыканта, играющего на духовом инструменте).

Национально-культурное своеобразие некоторых НЧИ может передаваться и через имена собственные (антропонимы, топонимы), напр.: *foley* разг. ‘шумовик’ (по имени звукорежиссера Дж.Д. Фоли), *Joe Blow* ‘Джо Блоу’ → ‘рядовой человек’ → ‘музыкант, который свингует; превосходный музыкант’, *Philadelphia mafia* разг. ‘записывающиеся исполнители, продюсеры звукозаписи, работавшие в Филадельфии в конце 50-х’.

Компонентами НЧИ, обладающими лингвокультурологическим содержанием, выступают в немецком языке также личные имена, которые благодаря своей распространенности стали нарицательными, в процессе десемантизации приобрели категориальное значение, например: *Filmfritze* ‘киношник’, *Schreifritz* разг. ‘певец, поющий громко и немелодично’ (вторым компонентом выступает антропоним *Fritz / Fritze* берл. ‘распространенное среди немцев сокращенное имя Фриц’, производное от *Friedrich*), *Schminkmaxe* разг. ‘постижер; гример’ (*Maxe / Max* ‘Макс’ от *Maximilian*), *Filmheini* разг., ирон. ‘киношник’ (частота и обыденность употребления личного имени *Heini* (← *Heinrich*). Лингвокультурологическим содержанием обладают и некоторые НЧИ-метафоры, появление которых связано с концептуальной системой носителей языка, с их стандартными представлениями о мире, с системой оценок.

6. Выводы. Образная номинация человека в искусстве происходит на основе метафор живой и неживой природы, а также метонимических переносов. Анализ НЧИ с антропоморфическими, зооморфическими, растительными, отпредметными, мифологическими, соматическими номинативно-мотивирующими признаками позволил выявить культурную коннотацию, выражающую элементы духовной культуры носителей английского и немецкого языков, их ценности, вкусы и идеалы в сфере искусства, при этом главным средством вторичной номинации человека в искусстве в английском языке служит метонимия, а в немецком – метафора. НЧИ немецкого языка в целом характеризуются большим образным потенциалом по сравнению с НЧИ английского языка согласно количеству и разнообразию номинативно-мотивирующих признаков (антропоморфические, зооморфические, растительные, мифологические, предметные, соматические).

Общими (универсальными) для образной номинации человека в искусстве в английском и немецком языках являются антропоморфная и зооморфная метафоры.

В сфере метонимизации НЧИ германских языков преобладают каузальный (‘объект / инструмент, который использует субъект → субъект действия’) и синекдохический (‘часть целого → целое’) типы метонимических переносов.

Наименования человека в искусстве относятся к сфере ономазиологических исследований и обладают высоким лингвокультурологическим потенциалом, так как в них сложным образом переплетены, с одной стороны, проблемы структуры, словообразования, семантики, стилистики, а с другой, вопросы истории, психологии, этнопсихологии, культурологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антропова Н.А. Словообразование в сфере немецкой разговорной лексики (на материале имени существительного) / Н.А. Антропова. – Москва : Прометей, 2005. – 350 с.
2. Басыров Ш.Р. Метафорические и метонимические наименования умного и глупого человека в немецком разговорном языке / Ш.Р. Басыров // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика:

Международная конференция: VI Бодуэновские чтения, 18–21 октября 2017 г.: тр. и матер.: в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Д.А. Мартынова, Г.А. Николаева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2017. – Т. 1. – С. 28–32.

3. Басыров Ш.Р. Метафоры и метонимии в разноструктурных языках / Ш.Р. Басыров. – Донецк : ДонНУ, 2019. – 287 с.

4. Катермина В.В. Оценочные номинации политиков / В.В. Катермина // Политическая лингвистика. – 2015. – № 3 (53). – С. 26–31.

5. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

6. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – Москва : Академия, 2001. – 208 с.

7. Удинская А.Г. Метонимические переносы в английском, русском и турецком языках / А.Г. Удинская // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – №2 (33) – Часть 2. – С. 57–58.

8. Baldinger K. Semantic theory: towards a modern semantics / K. Baldinger. – Oxford: Basil Blackwell, 1980. – 320 p.

9. Braun P. Personenbezeichnungen. Der Mensch in der deutschen Sprache / P. Braun. – Niemeyer, 1996. – 157 p.

10. Fainsilber L. Metaphor production in the description of emotional states / L. Fainsilber // Metaphor and Symbolic Activity, 2. – Lawrence Erlbaum Assoc., 1987. – P. 240–241.

11. Gibbs Raymond W. The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language, and Understanding / Raymond W. Gibbs. – Cambridge University Press, 1994. – 527 p.

12. Goddard C. The ethnopragmatics and semantics of "active" metaphors / C. Goddard // Journal of Pragmatics (Special issue on "Metaphor across languages"). – 2004. – Vol. 36. – P. 1211–1230.

13. Stern G. Meaning and change of meaning: with special reference to the English language / G. Stern. – IndianaUniversity Press, 1964. – 308 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

14. Ayto J. The Oxford Dictionary of Slang / J. Ayto. – Oxford University Press, 1998. – 474 p.

15. Dalzell T. The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English / T. Dalzell. – Taylor & Francis, 2009. – 1104 p.

16. Gold Robert S. A jazz lexicon / Robert S. Gold. – New York, A.A. Knopf, 1964. – 402 p.

17. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / H. Küpper // Digitale Bibliothek 36, 2000. – 1 CD-ROM.

18. Partridge E. A Dictionary of Slang and Unconventional English: Colloquialisms and Catch Phrases, Fossilised Jokes and Puns, General Nicknames, Vulgarisms, and Such Americanisms As Have Been Naturalised / E. Partridge, P. Beale. – 8th Ed. – Taylor & Francis Routledge, 1984. – 1400 p.

19. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. – Available at: <http://mundmische.de>. (Accessed: 29.10.2019).

Поступила в редакцию 20.12.2019 г.

METAPHOR- AND METONYMY-BASED NAMES OF PEOPLE IN ART IN ENGLISH AND GERMAN (LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECT)

A.G. Kositskaya

The paper dwells on the mechanisms of secondary nomination (metaphorization and metonymization) of people in art, based on standard and substandard vocabulary of English and German. The set of universal and unique models of metaphoric and metonymic transfers has been identified. Their linguistic and cultural peculiarities have been revealed.

Key words: noun, secondary nomination, semantic derivation, metaphor, metonymy, synecdoche, axiological evaluation (markedness).

Косицкая Алина Геннадьевна.

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры теории и практики перевода.

E-mail: alinakositskaya@mail.ru.

Kositskaya Alina Gennad'evna.

Candidate of Philology.

Donetsk National University.

Associate Professor of the Translation Studies Department.

E-mail: alinakositskaya@mail.ru.

УДК 81'01/08

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВОДНЫХ ЗНАЧЕНИЙ
ГУСТАТИВНЫХ ЛЕКСЕМ
(на материале английского, немецкого и украинского языков)**

© 2019. *М. Н. Мохосоева*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье проводится сопоставительное исследование периферии семантического поля „Вкус” в английском, немецком и украинском языках.

В исследуемых языках периферию поля составляют вторичные значения полисемантических лексем, входящие в ядро семантического поля „Вкус”, а также элементы, имеющие признак вкуса в субординативной позиции – в производных значениях разных степеней.

Ключевые слова: густативный компонент, семантическое поле, периферия, производное значение.

Введение. Густативной называется лексика, обозначающая вкус. **Объектом** исследования является густативная лексика, представленная в виде семантического поля.

Анализ лексики вкуса осуществлялся преимущественно на материале отдельных языков: русского (Н.Э.Гронская, Ж.В.Лечицкая, А.В.Макарова), украинского (М.П.Билоус, А.В.Высоцкий, И.В.Гайдаенко), немецкого (В.В.Гридасов), латинского (Н.А.Тимейчук), греческого (Н.К.Малинаускене). Сопоставительные исследования густативной лексики проводились на материале английского, русского и французского (А.Х.Мерзлякова); английского и русского (А.В.Куценко); немецкого и русского (Т.М.Матвеева) языков.

Несмотря на то, что перцепция вкуса издавна находилась в сфере научных интересов ученых многих отраслей науки, густативные лексемы не были предметом комплексного исследования на материале английского, немецкого и украинского языков, что обуславливает **актуальность** данной работы.

Целью исследования является описание общих и специфических черт густативной лексики в английском, немецком и украинском языках.

В ходе работы корпус густативной лексики представлен в виде лексико-семантических и тематических групп общим количеством 2873 единицы (859 лексико-семантических варианта в английском, 918 в немецком и 1096 в украинском языках).

Основная часть. Моделирование системы языка является достаточно эффективным способом его познания [11, с. 3]. Лексические группировки, объединенные на основе общего значения, общей функции или на основе комбинации этих двух признаков, могут быть представлены в виде поля – системного образования, характеризующегося иерархическими отношениями. Слова, относящиеся к ГЛ, связаны семантическими отношениями и образуют иерархическое единство, соответствующее структуре поля [7, с. 79–86].

Под полевой структурой, вслед за З. Д. Поповой, И. А. Стерниным, считаем объединение разных элементов системы языка, имеющее признаки языкового поля. Полевыми структурами являются как лексико-семантические и лексико-грамматические группировки, так и подлинно семантические явления, как семантема и семема [11, с. 8]. Такие микросистемы, как лексико-семантическое поле, лексико-семантическая группа и синонимический ряд, имеют, по мнению В. В. Левицкого,

характерные признаки „полевой структуры” [9, с. 218]. Эти элементы включают слово-доминанту, ядро и периферию зоны [9, с. 218]. Зоны поля связаны ассоциативной связью со стимулом-идентификатором в центре поля [11, с. 33].

Полевое членение густативной лексики соответствует структуре семантического поля Ю. М. Караулова, а также одному из пяти типов семантических полей, выделяемых Л. М. Васильевым. Члены поля Ю. М. Караулова связаны разнообразными лексико-семантическими и лексико-грамматическими отношениями. При этом, слова, входящие в состав семантического поля, объединены общей (по крайней мере, одной) семьей, которая входит в соответствующее толкование каждого из этих слов [6, с. 219].

Типология семантического поля Л. М. Васильева представлена такими видами лексических объединений с общим инвариантом: 1) семантические классы одной части речи, находящиеся в парадигматических отношениях; 2) семантически соотнесенные классы слов разных частей речи, единицы которых могут находиться как в парадигматических, так и в синтагматических отношениях друг с другом; 3) функционально-семантические поля; 4) синтаксические парадигмы; 5) семантико-синтаксические поля смешанного типа [1, с. 55].

Семантическое поле „Вкус” характеризует другой тип парадигм – семантически соотнесенные классы слов разных частей речи, вступающие в парадигматические и синтагматические отношения. Поле „Вкус” – это межчастеречное иерархически структурированное семантическое поле. Поле ГЛ, как и любое другое системно-структурное объединение, имеет четкую структуру – ядро и периферию. Объединение языковых единиц в семантическое поле происходит на основе общего инвариантного значения. Несмотря на определенный субъективизм при вычленении семантических полей и определении их границ, семантическое поле не является методологической абстракцией, а представляет собой объективную языковую структуру [10, с. 27–63; 4, с. 155].

Семы родового значения *TASTE*, *GESCHMACK*, *СМАК* покрывают все значение поля „Вкус” и выполняют интегрирующую функцию. Ядро поля характеризуется максимальной концентрацией вкусового признака, на периферии происходит ослабление интенсивности признака. Критерием разграничения различных зон семантического поля „Вкус” является степень семантической близости с ядерными значениями.

Национальная специфика лексико-семантических полей выявляется в количестве имеющихся в поле слов и в характере оппозиции между компонентами поля [3, с. 111–120; 5, с. 211]. Большую роль играют при сравнении также количественные признаки выделения единиц полей сопоставляемых языков [13; 14, с. 139–149].

При построении семантического поля „Вкус” учитывается семантический объем полисемантических лексем, входящих в его состав. Это касается, прежде всего, полисемантов *вкус*, *сладкий*, *горький*, *соленый*, *кислый*, которые в прямых значениях входят в состав ядра исследуемого семантического поля, в переносных значениях располагаются на периферии. Правомерность такого подхода подтверждает ряд исследователей, использующих полевой метод. Так, С. Г. Шафиков считает, что „в зависимости от задач исследования, поле может не ограничиваться набором значений (семем), идентифицирующихся общей семьей, а характеризоваться глубиной, которую образует семантическая структура полисемантов” [12, с. 22].

Периферия семантического поля „Вкус” сформирована, исходя из словообразовательных возможностей наименований вкуса. К периферии относятся метафорически и метонимически перенесенные значения густативных лексем. Группа является довольно многочисленной (302 лексико-семантических варианта в

английском, 322 в немецком и 334 в украинском языках) и включает лексемы, принадлежащие другим семантическим полям.

Периферию поля составляют элементы, имеющие признак вкуса в субординативной позиции – в производных значениях разных степеней (значения № 2, № 3 и т. д.), ср.: англ. *light*¹⁶ ‘некрепкий’; англ. *weak*¹⁰ ‘редкий (о напитках)’; нем. *strenge*³ ‘острый, едкий (на вкус, запах)’; укр. *сухий*² (о вине).

К периферии относим и вторичные значения полисемантических лексем, составляющие ядро семантического поля „Вкус” – *вкус, сладкий, горький, соленый, кислый*, ср.: англ. *sour*³ ‘сердитый, хмурый, раздраженный’; нем. *sauer*⁷ ‘недовольный, хмурый’; нем. *sauer*⁸ ‘рассерженный на что-либо, разозленный’; укр. *кислий*³ ‘недовольный, угнетенный’.

Понятие перцептивной метафоры рассматриваем как особую разновидность онтологической метафоры. Выделение этого вида метафоры основано на теории о двух равных познаниях: эмпирическом, базирующемся на конкретно-чувственном восприятии, и теоретическом познании на основе абстрактно-логического мышления [2, с. 112]. Анализируя материал, берем во внимание типологию семем, разработанную М. М. Копыленко и З. Д. Поповой, согласно которой, прямому номинативному значению соответствует первичная денотативная семема Д1, напр. укр. *кисла ягода*, производно-номинативному – вторичная денотативна семема Д2, напр. укр. *кисла міна* [8, с. 114–120]. Семемы Д2 характеризуются большей национальной спецификой вследствие социокультурной обусловленности процесса переноса перцептивного признака.

Периферия семантического поля „Вкус” представлена: 1) группой единиц, имеющих густативный компонент в структуре значения слова; 2) группой единиц, не имеющих густативного компонента в структуре значения слова.

1) Примером единиц первой группы могут служить такие зоологические наименования с густативным компонентом в названии и в структуре значения, ср: англ. *bitterling* зоол. ‘a cyprinid fish with inedible **bitter** meat’ – ‘рыба семейства карповых с несъедобным горьким мясом’; нем. *Bitterling*¹ (*m*) зоол. ‘kleiner karpfenähnlicher Fisch, dessen bitter schmeckendes Fleisch ungenießbar ist’ – ‘небольшая рыба семейства карповых с несъедобным горьким мясом’; укр. *гірчак* зоол. ‘риба родини корошових з неїстівним **гірким** м'ясом’.

Вкус корней, листьев, или плодов некоторых растений находит свое отображение в наименовании, ср.: англ. *sweet-root*¹ (licorice, liquorice) бот. ‘the dried root of a Mediterranean plant which is used in medicines and to give flavour to food, especially sweets’ – ‘высушенный корень средиземноморского растения, использующийся в медицине и для придания вкуса пище, особенно сладостям’; нем. *Süßholz* (*n*) бот. ‘eine Süßholzstrauchwurzel die u. a. zur Lakritzgewinnung dient’ – ‘корень куста солодки, служащий среди прочего для получения экстракта сладкого корня’; укр. *солодка* бот. ‘багаторічна рослина родини бобових, корінь якої використовують у промисловості та медицині; локриця’ – ‘многолетнее растение семейства бобовых, корень которого используют в промышленности и медицине; локриця’.

Ниже представлен элемент тематической группы *ботанических наименований* с густативным компонентом (см. табл. 1).

Наличие лексических лакун в этой тематической группе связана с отличиями в наименованиях в исследуемых языках, ср.: лексемам немецкого языка *Bitterkraut* (*n*) бот. ‘горчак’ и украинского языка бот. *гірчак*, *гіркуша* соответствует английская лексема *smartweed* бот. ‘горчак’, не имеющая густативного компонента в названии; словам нем. *Säuerling*¹ (*m*) ‘кисличник’ и укр. *квасеничник*, *квасениця* соответствует англ. *shamrock* ‘кисличник’ и т. д.

Таблица 1

ТГ ботанических наименований с густативным компонентом

Языки		
Англ.	Нем.	Укр.
Примеры		
<i>sweet-root</i> ‘солодка’	<i>Süßholz</i> (n) ‘солодка’; <i>Süßholzstrauch</i> (m) ‘куст солодки’	<i>солодѣць, солодка, солодич, солодушка</i>
–	<i>Süßgras</i> ¹ (n) ‘манник’	–
–	<i>Süßdolde</i> (f) ‘миррис’	–
–	<i>Süßling</i> ² (m) ‘молочай’	–
–	<i>Süßklee</i> (m) бот. ‘копеечник’	–
–	<i>Bitterkraut</i> (n) ‘горлюха’	<i>гірчак, гіркуша</i>
<i>bitterroot</i> ‘корень горечавки’	–	–
<i>bitter-nut</i> ‘гикори’	–	–
–	<i>Säuerling</i> ¹ (m) ‘кисличник’	<i>квасеничник, квасениця</i>
<i>saltwort</i> ‘солянка, курай’	<i>Salzkraut</i> ³ (n) ‘солянка’; <i>Salzkraut</i> ⁴ (n) ‘курай’	<i>солонець</i> ²
–	<i>Salzstrauch</i> (m) ‘чингиль’	–
–	<i>Salzkraut</i> ¹ (n) ‘солянка’	–
Количество ЛСВ		
4	12	9

В ТГ ботанических наименований наблюдаем преобладание единиц немецкого языка, по сравнению с названиями английского и украинского языков. Чаще всего аналогами ботанических наименований немецкого языка становятся единицы английского и украинского языков, которые: а) не имеют густативного компонента в названии, б) не соответствуют моноксемному принципу отбора лексики в исследовании, ср.: нем. *Süßgras*¹ бот. (n) ‘манник’; англ. *manna*³ бот. ‘манник’; укр. бот. *лепешняк*; нем. *Süßling*² (m) бот. ‘молочай’; англ. *spurge* бот. ‘молочай’; укр. бот. *молочай*; нім. *Süßdolde* бот. (f) ‘миррис’; англ. *myrrhis* / *myrrh tree* бот. ‘миррис’; укр. бот. *миррис*; нем. *Salzstrauch* (m) бот. ‘чингиль’; англ. *salt tree* бот. ‘чингиль’; укр. бот. *чингиль*.

2) Подгруппу единиц, не имеющих густативного компонента в структуре значения слова, репрезентируют: а) 9 лексико-семантических групп, б) 31 тематическая группа, в) остаточные группы.

Среди лексико-семантических групп периферии семантического поля „Вкус” национально маркированными являются значения прилагательных:

а) со значением *лицемерного человека*, где *приторно-сладкий* вкус ассоциируется с лезтью, ср.: англ. *sugary*² пренебр. ‘льстивый, приторный, сентиментальный’; *saccharine*² перен. пренебр. ‘приторный’; *honeyed*² перен. ‘льстивый (о словах)’, *honey-mouthed* ‘сладкоречивый, медоточивый, подобострастный’; нем. *süß*⁶ перен. ‘сладкоречивый, льстивый’; *süßlich*³ ‘льстивый’; *bittersüß*³ перен. ‘слащавый’; укр. *солодкий*⁶, *солодкавий*, *солодкомовний* перен. ‘подчеркнуто ласковый, льстивый’; *нудотний* перен. ‘чрезмерно любезный, сладковато-сентиментальный’;

б) со значением *очень тяжелый, неприятный (о состоянии, опыте)*, вследствие ассоциативной связи *горького* вкуса с неприятными ощущениями, ср.: англ. *distasteful*

‘горький, мучительный’; *bitter*¹ (о споре) ‘очень неприятный, с большой злостью и ненавистью’; *bitter*² ‘горький, болезненный’; *salt*⁴ ‘горький, жгучий (о слезах); нем. *bitter*², *bitter*⁵ ‘тяжелый, мучительный’, *bitterlich*³ перен. ‘горький, печальный, мучительный’; *bitter*³ ‘озлобленный, разочарованный’; *bittersüß*² ‘болезненный, тяжелый и прекрасный одновременно’; *sauer*⁶ ‘кому-л. работа кажется тяжелой для выполнения; человек справляется с ней только с большими усилиями’; *herb*² ‘удрученный, горький’; укр. *gipkii*³ перен. ‘полон горя, беды; тяжелый’; *gipkii*⁴ перен., уст. ‘испытавший горе, беду’; *солоний*² ‘имеющий вкус соли, содержащий соль (о слезах, крови, поте), покрытый потом’; перен., разг. *солоний*⁶ ‘очень тяжелый, заработанный тяжелым трудом’.

Среди тематических групп периферии семантического поля „Вкус”, национальные особенности исследуемых языков лучше всего отображены в группах со значением *высказывания*; *черт характера*, *психического и эмоционального состояния человека*; *минералов, бассейнов, озер и др.* (см. табл. 2).

Таблица 2

Тематические группы периферии семантического поля „Вкус”

Языки	Примеры	Общее количество ЛСВ
1. ТГ прилагательных со значением <i>высказывания</i>		
Англ.	<i>tasteless</i> ² ‘нетактичный (о высказывании)’; <i>salt</i> ⁶ ‘непристойный (о высказывании)’; <i>salt</i> ⁷ ‘едкий, острый (о шутке)’; <i>salty</i> ² уст. ‘грубый’; <i>spicy</i> ² ‘острый (о высказывании)’; <i>harsh, stark</i> ‘крепкий (о высказывании)’; <i>savourless</i> перен. ‘пресный’; <i>insipid</i> ‘неинтересный, нудный’	22
Нем.	<i>geschmacklos</i> ³ ‘нетактичный, непристойный (о высказывании)’; <i>gesalzen</i> ³ фам.-разг. ‘грубый’; <i>gepfeffert</i> ⁴ ‘соленый (об остроте, высказывании)’; <i>kräftig</i> ‘крепкий (о высказывании)’; <i>scharf</i> ‘крепкий (о высказывании)’; <i>fade</i> ² ‘нудный, пустой’; <i>schal</i> ³ ‘нелепый, пустой’	12
Укр.	<i>солоний</i> ⁵ перен., разг. ‘выразительный, остроумный, но грубый’; <i>терпкий</i> ² перен. ‘грубый, язвительный (о словах)’; перен. <i>прісний</i> ³ ‘неинтересный, нудный, лишенный интереса, привлекательности’	8
2. ТГ прилагательных со значением <i>черт характера</i>		
Англ.	<i>tasteless</i> ⁴ ‘плохого тона (поведение)’; <i>sweet</i> ⁵ ‘приятный, приветливый’; <i>sweet</i> ⁷ ‘имеющий хороший нрав’; <i>sweet-tempered</i> ‘приветливый, с мягким характером’; <i>sweetie</i> ² разг. ‘хороший, приятный’; <i>bitterend</i> ‘принципиальный, не идущий на компромисс’	17
Нем.	<i>abgeschmackt</i> ¹ ‘глупый, нудный’; <i>süß</i> ⁶ [преувеличено] ‘любезный, приветливый’; <i>süßsauer</i> ² , <i>sauersüß</i> ² перен. ‘холодноватый, безразличный, вынужденный, неискренний’; <i>gallenbitter</i> ² ‘желчный, ехидный человек’; <i>gesalzen</i> ⁴ фам.-разг. ‘неприветливый, нелюбезный’; <i>fade</i> ³ разг. ‘боязливый, несмелый; манерный’	14
Укр.	перен. <i>солодкий</i> ⁶ ‘подчеркнуто ласковый, льстивый’; <i>солодкий</i> ⁷ перен. ‘сердечный, искренний, приятный’; <i>черствий</i> ² ‘бездушный’	5

Продолжение табл. 2

3. ТГ существительных со значением психического и эмоционального состояния человека		
Англ.	<i>taste</i> ⁶ ‘свойство быть уместным и безобидным’; <i>bitterness</i> ² ‘озлобленность, желчность’; <i>gall</i> ³ ‘желчность, злость, раздражение’; <i>sourness</i> ² ‘язвительность, резкость’	14
Нем.	<i>Geschmack</i> ⁶ (<i>m</i>) ‘хорошие манеры, хороший тон, такт’; <i>Geschmacklosigkeit</i> ² (<i>f</i>) ‘непристойность, плохой тон’; <i>Bitternis</i> ² (<i>f</i>), <i>Bitterkeit</i> ² (<i>f</i>) ‘страдание, огорчение’; <i>Sauernis</i> ² (<i>f</i>) ‘недовольство, мрачность’	13
Укр.	<i>gipkicть</i> ² ; <i>gipkoma</i> ² ‘горе, страдание’; <i>terpkicть</i> ² перен. ‘ощущение боли, горечи’; <i>kiclicть</i> ² ‘недовольство, мрачность’	6
4. ТГ существительных со значением минералов, бассейнов, озер и др.		
Англ.	<i>bitter-spar</i> минер. ‘доломит’; <i>salt-pan</i> ² ‘соляное озеро’; <i>salt-marsh</i> ‘солончак; низменность, которую затапливает соленая вода’; <i>salt-pond</i> ‘соляной пруд’	5
Нем.	<i>Bittersee</i> (<i>m</i>) ‘горько-соленое озеро’; <i>Salzwiese</i> (<i>f</i>) геол. ‘засоленный луг (на берегу моря)’; <i>Salzbrunnen</i> (<i>m</i>) ‘соляной источник’; <i>Salzablagerung</i> (<i>f</i>) ‘соляные отложения; залежи соли’; <i>Salzgrube</i> (<i>f</i>) ‘соляной рудник’; <i>Salzlager</i> (<i>n</i>) ‘слой [залежь] каменной соли’; <i>Salzquelle</i> (<i>f</i>) ‘соленый минеральный источник’; <i>Süßwasserbecken</i> (<i>n</i>) ‘бассейн пресной воды’	16
Укр.	<i>солончак</i> (низменность, которую затапливает соленая вода)	1

В процессе сопоставления эквивалентной густативной лексики, наряду с равноценными по форме словесными знаками, в исследуемых языках выявлены лакуны, связанные с отсутствием однословной номинации определенного понятия.

Лексемы немецкого языка, образованные словосложением, часто не имеют однословных эквивалентов в английском и украинском языках, ср.: нем. *essigsauer*² – англ. *sour as vinegar* – укр. *кислий як оцет*, нем. *Geschmackverstärker* (*m*) – англ. *taste intensifier* – укр. *підсилювач смаку*, нем. *Salzstrauch* (*m*) – англ. *salt tree* ‘чингиль’, нем. *Süßwasser* (*n*) – англ. *sweet water* – укр. *прісна вода* и др.

В связи с моноклексемным принципом отбора лексики в нашем исследовании, в ЛСГ и ТГ поля „Вкус” отсутствуют словосочетания английского и украинского языков, соответствующие композитам немецкого языка, напр.: нем. *Geschmacksstörung* (*f*) ‘временная неспособность ощущать вкус’; нем. *Säurebestimmung* (*f*) мед. ‘определение кислотности’; нем. *Salzwechsel* (*m*) ‘солевой обмен’; нем. перен. *Geschmacksverirrung* (*f*) ‘безвкусица, отсутствие вкуса’; нем. *Geschmackssinnesorgan* (*n*) ‘орган вкуса’; нем. *Geschmacksknospe* (*f*) ‘рецептор языка’.

Анализ подтверждает наличие безэквивалентной лексики в исследуемых языках, что является проявлением аломорфизма, напр: англ. *salt-box* ‘дом двухэтажный спереди и одноэтажный сзади’ (название произошло на основе подобия с деревянной коробкой, в которой раньше хранили соль), англ. *untasted* ‘нетронутый’; нем. *Salzburg* (*n*) букв. ‘замок соли’ – ‘Зальцбург (город и земля в Австрии), нем. *Bitterfeld* (*n*) ‘Биттерфельд (регион в Саксонии)’, *Salzach* (*f*) ‘Зальцах (главный приток Инна)’, *Sauerland* (*n*) ‘Зауерланд (горная область на западе Германии)’; укр. *сластьонниця* ‘женщина,

которая печет и продает сладеньки’, укр. разг. *солонцювати*², *солонувати* ‘лакомиться соленым’, укр. перен. пренебр. *кисляк*.

Заключение. Сопоставительное исследование способствует решению проблемы соотношения универсального и идеотнического в языке, позволяет выявить национальную специфику членения и отображения в языке объективной действительности.

Полевой принцип является основой системной организации густативной лексики. В результате сопоставительного исследования семантического поля „Вкус” в английском, немецком и украинском языках установлено, что их общие черты доминируют над различиями.

Ядро поля характеризуется максимальной концентрацией вкусового признака, на периферии происходит ослабление интенсивности признака. Критерием разграничения различных зон семантического поля „Вкус” является степень семантической близости с ядерными значениями.

Периферия исследуемого семантического поля включает негустативные значения, образованные от густативной лексики семантическим способом (метафорические и метонимические переносы), а также морфологическим способом (при помощи словообразовательных средств).

Во всех исследуемых языках прямое значение густативной лексики соответствует конкретному вкусовому ощущению, в семантической трансформации производное значение представляет собой метафорический перенос двух типов: а) с сохранением сенсорных качеств, б) с потерей сенсорных качеств со значением внутренних свойств, эмоционального впечатления, психического состояния человека.

Выявленные сходства являются следствием универсальности перцепции вкуса, происхождения сопоставляемых языков от единого индоевропейского языка, длительного контактирования их носителей.

Наибольшее количество лексем со значением вкуса наблюдается в украинском языке, наименьшее – в английском, что связано с отличиями в структуре сопоставляемых языков. В украинском языке преобладание густативной лексики обусловлено продуктивностью морфологических способов деривации, а также наличием категории вида глаголов. Значительная часть густативной лексики в немецком языке представлена композитами, которым в других языках соответствуют словосочетания.

Результаты статистических подсчетов свидетельствуют о том, что доминирующий тип переноса в густативной лексике – метафорический. Метафорические переносы, зафиксированные толковыми словарями исследуемых языков, репрезентованы 531 лексико-семантическим вариантом (англ. – 200 ед.; нем. – 146 ед.; укр. – 185 ед.). Особенностью метафоры сенсорного типа является перенос наименования одного признака на другой на основе сходства их восприятия. Метафорический перенос происходит в таких направлениях: 1) на особенности характера, состояния и внешности человека; 2) на действие, процесс, признак, имеющие характеристики густативной лексики; 3) на другие перцептивные ощущения (одоративные, звуковые, зрительные, тактильные); 4) на абстрактные понятия, умственные процессы; 5) на погодные условия; 6) на социальные признаки. Выделенные типы метафорических переносов являются общими для трех исследуемых языков, но имеют разную продуктивность.

Наиболее продуктивным является перенос на эмоциональное состояние человека, внутренние особенности характера, реализующийся в 266 лексико-семантических вариантах (англ. – 103 ед., нем. – 92 ед., укр. – 71 ед.); второе место по продуктивности

занимает перенос на действие, процесс, признак, имеющий характеристики густативной лексики – 188 ЛСВ (англ. – 63 ед., нем. – 35 ед., укр. – 90 ед.); третьим по продуктивности является перенос на другие перцептивные ощущения (одоративные, звуковые, зрительные, тактильные) и составляет 47 ЛСВ (англ. – 24 ед., нем. – 9 ед., укр. – 14 ед.); перенос на абстрактные понятия, умственные процессы, погодные условия, внешность человека насчитывает по 9 лексико-семантических вариантов для каждой из этих подгрупп; перенос густативной лексики на социальные признаки представлен одиночными лексико-семантическими вариантами в трех сопоставляемых языках.

Несмотря на значительное сходство, густативная лексика в сопоставляемых языках характеризуется отличиями, заключающимися в наличии (или отсутствии) отдельного элемента полевой организации, в их количественной характеристике, особенностях их семантики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев Л. М. Теоретические проблемы лингвистики (Внутреннее устройство языка как знаковой системы) / Л. М. Васильев. – Уфа, 1994. – 208 с.
2. Гридасов В. В. Перцептивная метафора как лексико-семантическая категория (на материале современного немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 „Германские языки” / Гридасов Владимир Владимирович. – Барнаул, 1999. – 163 с.
3. Ельмслев Л. Язык и речь // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – Ч. II. – М. : Просвещение, 1965. – С. 111–120.
4. Залевская А. А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности / А. А. Залевская // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М. : Наука, 1985. – С. 150–171.
5. Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория / В. А. Звегинцев. [2 е изд.] – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 248 с.
6. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1976. – 355 с.
7. Кезина С. В. Семантическое поле как система / С. В. Кезина // Филологические науки. – 2004. – №4. – С. 79–86.
8. Копыленко М. М. Ономастологический и семасиологический аспекты номинации / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. Семантика слова и синтаксической конструкции. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1987. – С. 114–120.
9. Левицкий В. В. Семасиология / В. В. Левицкий. – Винница : Нова книга, 2006. – 512 с.
10. Лурия А. Р. Объективное исследование динамики семантических систем / А. Р. Лурия, О. С. Виногадова // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. – М., 1971. – С. 27–63.
11. Полевые структуры в системе языка / науч. ред. З. Д. Попова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 200 с.
12. Шафиков С. Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц : учебное пособие / Сагит Гайлиевич Шафиков. – Уфа, 1999. – 88 с.
13. Croft W. Typology and Universals / W. Croft. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – 311 p.
14. Korunets I. V. Contrastive typology of the English and Ukrainian Languages / I. V. Korunets. — K. : Lybid Publishers, 1995. — P. 139–149.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Великий тлумачний словник сучасної української мови [уклад. В. Т. Бусел та ін.]. – К., Ірпінь : Перун, 2004. – 1440 с.
2. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. 2-е изд. – М. : Рус. яз., 2000. – 536 с.
3. Cambridge Advanced Learner’s Dictionary [ed. by E. Walter]. – Third Edition. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 1699 p.
4. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Bibliographisches Institut Mannheim : Leipzig : Wien : Zürich : Dudenverlag, 2007. 2016 S.

Поступила в редакцию 11.09.2019 г.

**DERIVED MEANINGS OF GUSTATORY LEXEMES
IN ENGLISH, GERMAN AND UKRAINIAN**

M. N. Mokhosoeva

The comparative research of periphery zone meanings in the semantic field “Taste” in English, German and Ukrainian languages has been carried out. The periphery zone includes derivative meanings of polysemous lexemes of the field’s core, as well as the elements with the meaning of taste in a subordinate position – in derived meanings of different degrees.

Key words: *gustatory component, semantic field, periphery, derivative meaning.*

Мохосоева Марина Николаевна.

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры английского языка для
экономических специальностей.

E-mail: *marinamohosoeva@gmail.com.*

Mokhosoeva Marina Nikolaevna.

Candidate of Philology.

Donetsk National University.

Associate Professor of Department of English for
Economic specialities.

E-mail: *marinamohosoeva@gmail.com.*

УДК 81367.333

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЯВЛЕНИЯ СИНКРЕТИЗМА В СИСТЕМЕ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

© 2019. Ю.Ю. Наливайко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматриваются причины возникновения явления синкретизма в системе второстепенных членов предложения на материале публицистического дискурса. Рассматриваются две группы причин, влияющих на процесс возникновения членов предложения синкретического типа: морфологические и синтаксические. В области морфологических причин возникновения синкретизма внимание сосредоточено на девербативных субстантивах.

Ключевые слова: синкретизм, лексико-морфологический синкретизм, второстепенные члены предложения, структурно-семантический подход, полисемантность словоформы, категориальное и синтаксическое значения, девербативный субстантив.

1. Введение. Синкретизм в системе членов предложения квалифицируется как объединение (синтез) в одном члене предложения признаков и функций нескольких членов предложения [1; 2; 7; 8], объединение значений нескольких общих синтаксических отношений: атрибутивного и объектного, атрибутивного и обстоятельственного (циркумстативного), объектного и обстоятельственного, предикативного и объектного, предикативного и обстоятельственного. Процесс синтезирования может реализовываться как на уровне плана содержания (в лексическом значении членов предложения), так и в плане выражения (на уровне способа выражения, вида связи, способов связи, характера зависимости), а также в плане содержания и выражения одновременно. Уместным становится вопрос о причинах появления синкретизма в системе членов предложения.

Эмпирическую базу исследования составляют тексты публицистического дискурса – статьи печатных и электронных изданий – как «маркеры современных тенденций в языке» [10]. Отмечается зависимость синтаксических изменений от таких социальных факторов, как развитие массовой адресованной речи в XX столетии, связанное с применением массовых средств коммуникации, широких устных контактов, распространяющих устную форму литературного языка, научную и публицистическую речь [5, с. 289].

Цель статьи – осуществить попытку иерархизации и структурирования причин возникновения синкретизма членов предложения с опорой на языковые средства публицистического стиля, обосновать причины возникновения синкретизма как явления, выступающего родовым понятием по отношению к таким видовым проявлениям, как омонимия и полисемия. Для явления синкретизма именно синтаксический уровень выступает тем полем, на котором происходят трансформации стандартных конструкций и которое характеризуется тенденцией к возникновению переходных структур, поэтому определение их статуса даст возможность проанализировать природу промежуточных явлений в сфере синтаксического уровня языка.

Задачи исследования: 1) сформировать терминологический аппарат для обозначения исследуемого объекта, 2) выделить основные синтаксические причины возникновения синкретизма в системе второстепенных членов предложения.

Актуальность статьи определяется заинтересованностью современных лингвистов теоретическими вопросами, связанными с функционированием членов предложения синкретического типа и их влиянием на точность восприятия информации реципиентами, а также определяется дискуссионностью вопроса о причинах появления синкретизма, омонимии и полисемии на синтаксическом уровне языковой системы.

Смысловая и структурная сложность членов предложения синкретического типа зачастую приводит к неоднозначности их толкования в научной литературе. С появлением современных исследований в области структурно-семантического синтаксиса исчезло негативное отношение исследователей к феномену синкретизма языковых единиц как к конденсатору сложной семантики, что в большей степени обосновывается способностью таких конструкций экономить языковые ресурсы [4; 6; 9]. Необходимо также учитывать, что понимание исследуемого объекта не бывает полностью независимым от системы используемых терминов, поскольку некорректное манипулирование дефинициями может привести к ошибочным представлениям об объекте.

2. Причины возникновения синкретизма в системе второстепенных членов предложения. Обратимся к актуальной проблеме соотношения формы и содержания на уровне членов предложения. Во взаимосвязи формы и содержания лексическое наполнение, согласно структурно-семантическому подходу, является доминирующим, а форма реализует ту сторону модифицируемого объекта, который трансформируется зависимо от изменений в содержании и конкретных условий функционирования. В свою очередь, форма, имея относительную самостоятельность, влияет на содержание: форма, коррелируемая со смыслом, ускоряет процесс трансформации последнего, а форма, не успевающая модифицироваться под влиянием полисемантической содержания, тормозит процесс дальнейшей трансформации семантики. Содержание более мобильно, чем форма, которая фиксирует пиковый момент стабильности [3, с. 41]. Разрешение противоречий между содержанием и формой возможно двумя способами: 1) полностью отказаться от старых форм (что недопустимо, поскольку язык – живой полифункциональный организм, искусственное вмешательство в который разрушает нормированность и кодифицированность); 2) использовать новые формы (этому должно предшествовать признание таких форм), которые адаптируются к видоизменённому содержанию. Такими полисемантическими компонентами являются синкретические члены предложения, в которых семантика не вкладывается в жёсткую форму одного члена предложения.

Ответ на проблемный вопрос о причинах возникновения синкретических членов предложения необходимо искать в плоскости вторичных синтаксических функций. В словоформе как члене предложения сосуществуют два типа грамматических значений: категориальное (значение слова как части речи) и синтаксическое (типичное значение члена предложения). Традиционные члены предложения характеризуются комплексом признаков одного члена предложения, члены предложения синкретического типа объединяют признаки нескольких членов предложения. Одной из причин возникновения синкретических членов предложения является специфическое выражение многослойной семантики, объединяющей несколько смысловых оттенков (случай, когда форма не способна вместить несколько смысловых оттенков). Причем такая контаминация невозможна в типичных членах предложения: синкретическая семантика многослойна, в отличие от значения типичных членов предложения. Так, в предложении *Не в этом ли одна из причин известной деформации личности в застойные годы?* (Режим доступа: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Kosing/>)

kosing_stalinism-1.html – Дата обращения: 09.11.2018) синкретическое категориальное значение главного слова словосочетания *деформация в застойные годы* обуславливает сложную семантику словосочетания и распространение как левостороннее, так и правостороннее: *известная* (какая?) ← *деформация* (когда? какая?) → *в застойные годы*. При информативной достаточности сказуемого-предиката второстепенный член предложения в зависимой позиции может быть детерминантом, называя как признак субъекта, так и признак предикативного признака. При сохранении предикативного знака в исходном предложении второстепенный член предложения может объединять определительное значение с обстоятельственным. В словосочетании *деформация в застойные годы* синтезируются определительное и обстоятельственное значение (какая? когда?), поскольку субстантивная особенность имени существительного *деформация* (предметное значение) обуславливает необходимость обстоятельного распространителя.

Наличие обстоятельного распространителя связано с лексико-грамматическим значением главного слова. Вопрос *когда?* определяется словообразовательной / мотивационной связью отглагольных имён существительных с мотивирующими словами. Отглагольные имена существительные привносят в предложение дополнительную предикацию, что демонстрируется возможной заменой их подчинённым предложением.

Девербативные субстантивы, сохраняя синтаксические связи с образующим словом, переходят в категорию имён существительных, приобретая значение предметности и соответствующие грамматические категории. Особое смысловое наполнение отглагольного имени существительного, его семантико-синтаксическое функционирование в предложении позволяют ему быть носителем информации о сложных явлениях действительности. Л.Д. Чеснокова замечает, что разная степень «опредмечивания» (субстантивации) девербативов, возможность выражения как процессуальных, так и предметных значений не позволяют однозначно квалифицировать функции зависимых от них слов [8, с. 49]. Для определения типа семантико-синтаксических отношений исследователь предлагает использовать следующие приёмы: постановку вопросов, замену управляемых форм согласуемыми, трансформативные преобразования в подчиняемую определительную часть. О.К. Фёдоров считает наиболее рациональным приём преобразований (*ритмы музыки – музыкальные ритмы, рёв машин – машинный рёв*) [6, с. 34].

Отглагольные имена существительные, обосновывая возникновение синкретических членов предложения, занимают особое место в системе частей речи. Объединяя значение предметности (основное значение) со значением предикативности (как глубинное значение), девербативы в предложении часто выполняют не синкретическую функцию, а лишь обуславливают синкретизм зависимой словоформы, которая под влиянием предметности имени существительного выражает определительное значение (атрибутивное), а под влиянием предикативности – выражает значение объектное или обстоятельственное. Так, в заголовке *Не искать защиты* (от чего? какой?) *от безмерности истории, но быть защитником* (Режим доступа: <https://radiovera.ru/ne-iskat-zashhityi-no-byit-zashhitnikom.html> – Дата обращения: 14.12.2018) синкретическая конструкция объединяет семантику определительную и объектную.

Рассмотрим следующую причину возникновения синкретических членов предложения. Синкретизм лексико-грамматических классов связан с синкретизмом в системе членов предложения. Традиционный вопрос о соотношении членов

предложения и частей речи, которому посвящено большое количество исследований, дополнился актуальной проблемой соотношения членов предложения и синтаксических форм слова, проблемой синтаксических функций падежей [2; с. 191]. Выполняя несвойственную определённой части речи функцию (вторичную синтаксическую функцию), слово получает новые структурно-семантические функции, теряя часть старых: *Именно Родченко вместе с Кандинским были застрельщиками **почина*** (согласно формально-грамматического подхода это дополнение, согласно семантико-синтаксического – определение), *в силу которого произведения авангардистов оказались разосланы в сорок городов России, имевших художественные училища. Там предполагалось создать музеи новаторского **искусства**, а образцы для обучения художников на подлинниках – присылать из столиц* (Режим доступа: http://www.trud.ru/article/21-04-2017/1349367_rasstreljannye_titsiany.html – Дата обращения: 10.12.2017); *Мне удалось представиться Ферруччо Феррагамо – наследнику и управляющему модного дома Salvatore Ferragamo, лишний раз убедиться, что изготовленная даже в домашних условиях лимончелла не является моим любимым джестивом, а самое главное – я смогла задать принцу Строцци вопрос **про настенные портреты**. Он как-то странно на меня посмотрел, отчего я почувствовала на себе его желание **испепелить взглядом**, примерно как Мальчик-с-пальчик при встрече с людоедом в сказке Шарля Перро* (Режим доступа: <http://lgz.ru/article/-15-6594-19-04-2017/florentsiya-vid-s-kholma-15-2017> – Дата обращения: 10.12.2017).

Функционирование словоформы во вторичной функции (категориальное значение не совпадает с синтаксическим) может иметь два следствия: во-первых, оно может привести к смене категориального значения словоформы, что свидетельствует о её переходе в другую часть речи [1; с. 36], например: *Если бы взгляд мог убить, то **несчастливая** из рода Фрискобальди немедленно упала бы замертво* (Режим доступа: <http://lgz.ru/article/-15-6594-19-04-2017/florentsiya-vid-s-kholma-15-2017/> – Дата обращения 05.10.2017); во-вторых, оно может обуславливать качественные изменения синтаксических функций, появление новых, синкретических значений: *Можно было бы предположить, что XVIII век поставил точку в конфликте двух флорентийских кланов, ибо со смертью Жан-Гастона и его сестры род Медичи прекратил своё существование, а Строцци продолжали жить и размножаться вплоть до 1907 года, когда умер Пьеро – последний прямой потомок **по мужской линии*** (Режим доступа: <http://lgz.ru/article/-15-6594-19-04-2017/florentsiya-vid-s-kholma-15-2017/> – Дата обращения 05.10.2017).

Синкретизм членов предложения возникает в результате того, что во вторичной функции сталкиваются два несовпадающих значения – категориальное значение и синтаксическое; эти значения взаимодействуют, и возникает новое, синкретическое синтаксическое значение. Синкретизм может распространяться и на форму, в результате чего появляются неморфологизированные члены предложения.

Логичным представляется отражение первичными и вторичными синтаксическими функциями не только сдвигов в функционировании словоформ, но качественной разницы в синтаксических функциях. Вторичность синтаксических функций словоформ является одним из основных факторов, вызывающих появление синкретических членов предложения. Однако актуальной становится необходимость ответа на вопрос: какие процессы обуславливают появление у словоформы вторичной функции, в результате чего словоформа начинает выполнять несвойственную функцию?

Условно эти процессы можно разделить на две группы – синтаксические и морфологические, хотя, конечно, они взаимосвязаны. К синтаксическим процессам относятся: эллипсис глагола; перераспределение синтаксических связей в структуре предложения (термин был введён в научный оборот Н.Ю. Шведовой); разрушение стабильности порядка слов. Эти процессы приводят к переосмыслению основного лексического значения словоформы и появлению нового синтаксического значения и новой функции. К морфологическим факторам (которые приводят к появлению у словоформы вторичной синтаксической функции) относится синкретизм на уровне категориального значения слова, обусловленный процессами словообразования, а также лексико-морфологический синкретизм отдельных групп слов и отдельных словоформ, сложившийся исторически.

3. Выводы.

1. История развития человеческого мышления, языка и речи, разных сфер науки свидетельствует о том, что явление синкретизма – объективно существующий факт, количество проявлений которого в системе второстепенных членов предложения постоянно увеличивается, демонстрируя специфические признаки. Признание существования синкретических структур в системе второстепенных членов предложения вызывает необходимость пересмотра традиционной системы второстепенных членов предложения. Именно поэтому совершенствование учения о членах предложения не теряет своей актуальности.

2. Термином-доминантой (наиболее распространённым, нейтральным и обобщающим по значению) в синонимическом ряду терминов, обозначающих объединение (синтез) в одном члене предложения признаков и функций нескольких членов предложения (контаминационный, промежуточный, диффузный, гибридный, трансцендентный, периферийный) является термин «синкретизм».

3. Анализ проявлений синкретизма на синтаксическом уровне публицистического дискурса (картотека иллюстративной базы составляет 2850 единиц) дал возможность подтвердить такие причины его возникновения в системе второстепенных членов предложения: 1) отсутствие в языке необходимых конструкций для выражения сложной многоаспектной семантики (что возможно при помощи синкретических членов предложения); 2) стремление к экономии языковых ресурсов; 3) необходимость дифференцирования смысловых связей и отношений; 4) вторичная функция словоформы, обусловленная такими синтаксическими процессами, как а) эллипсис глагола, б) перераспределение синтаксических связей в структуре предложения, в) морфологические процессы (синкретизм на лексико-морфологическом уровне), сложившиеся исторически.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабайцева В.В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка / В.В. Бабайцева // Филологические науки. – 1983. – № 5. – С. 35–42.
2. Белошапкина В. А. Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.
3. Киклевич А. Притяжение языка / А. Киклевич // Т. 2: Функциональная лингвистика. – Olsztyn: Instytut Dziennikarstwa i Komunikacji Społecznej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2008. – 392 s.
4. Радутная О.А. Синкретизм и полисемия как категория формально-содержательной языковой ассиметрии / О.А. Радутная // Семантика языковых единиц: докл. V Международн. конф. – Москва, 1996. – Т. 1. – С. 35–36.
5. Синтаксис современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков, Д. В. Руднев; под ред. С. В. Вяткиной / Учебно-методический комплекс по курсу «Синтаксис современного русского языка». — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 347 с.

6. Федоров А.К. Спорные вопросы теории сложноподчиненного предложения / А.К. Фёдоров. – Курск : Изд-во Курск. пед. ин-та, 1982. – 84 с.
7. Холодилова Л.Е. О термине «синкретизм» в языке и речи / Л.Е. Холодилова // Вопросы терминологии. – Нижний Новгород, 1993. – С. 127–133.
8. Чеснокова Л.Д. Проблема членов предложения в теоретическом и методическом аспектах: Учеб. пособие по спецкурсу / Л.Д. Чеснокова. – Таганрог: ТГПИ, 1996. – 210 с.
9. Штайн К.Э. Переходность и синкретизм в свете деятельностной концепции языка / К.Э. Штайн // Сб. ст. научно-методического семинара TEXTUS. – Ставрополь, 2005. – С. 26–32.
10. Robert L. Hilliard. Writing for Television, Radio and New Media. – Emerson College, Emeritus, 2011. – 544 pp.

Поступила в редакцию 01.11.2019 г.

REASONS FOR SYNCRETISM IN THE SYSTEM OF SECONDARY MEMBERS OF THE SENTENCE

Iu.Iu. Nalyvaiko

The article addresses reasons of syncretism in the system of secondary members of the sentence on the material of the publicistic discourse. Morphological and syntactic reasons affecting the emergence of members of a syncretic type of a sentence are analyzed. Syntactic reasons are considered in detail. As for the morphological type of reasons, a special focus is made on deverbal substantives.

Key words: syncretism, lexico-morphological syncretism, secondary sentence members, structural-semantic approach, polysemantic word form, categorical and syntactic meanings, deverbal substantive.

Наливайко Юлия Юрьевна.

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры журналистики.

E-mail: nalivaykopoy@mail.ru.

Nalyvaiko Iulia Iurievna.

Candidate of Philology.

Donetsk National University.

Associate Professor of the Department of Journalism.

E-mail: nalivaykopoy@mail.ru.

УДК 81 373.2

ПРОПРИАЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ СЕЛЕНИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОГНИТИВИЗМА

© 2019. К.В. Першина

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье анализируется обусловленность отбора производящих слов при номинации селений структурой концепта «селение», устанавливаются содержательные компоненты концепта, направляющие данный отбор.

Ключевые слова: ойконим, концепт, производящая лексическая база.

В последнее десятилетие онимы различных разрядов стали активно исследоваться в когнитивном аспекте, оформилась отдельная отрасль изучения собственных имен – когнитивная ономастика [20; 21; 7]. Много внимания уделяется концептуальному анализу онимных единиц, структурированию онимных концептов, средствам их лексической объективации. Кроме этих вопросов, в компетенцию когнитивной ономастики входит выявление когнитивных механизмов, лежащих в основе построения собственных имен. Проводиться оно должно, по нашему убеждению, для каждого разряда онимов отдельно.

В данной статье представлен опыт подобного анализа процесса проприальной номинации селений. Основная цель – установить содержательные компоненты концепта «селение», обуславливающие выбор производящей лексической базы при ойконимообразовании.

Важность создания когнитивной версии описания ойконимной номинации обусловлена не только сугубо лингвистическими потребностями перевода ономастических исследований в рамки антропоцентрической парадигмы, но и высокой социальной значимостью именуемых объектов. Так, Л.Г. Бабенко рассматривает категорию «населенный пункт» в ряду суперкатегорий, репрезентирующих лексическими средствами основные фрагменты картины мира [1, с. 475].

Известно, что когнитивный подход к анализу языковых единиц сосредоточен на выявлении того, каким видит мир носитель определенного языка [11, с. 6–8]. Применительно к топонимическим исследованиям этот общий целеполагающий вопрос имеет следующий вид: *какой видит географическую среду носитель конкретного этнического языка, наименоывая ее проприально*. В свою очередь применительно к ойконимной номинации этот вопрос должен быть сформулирован следующим образом: *каким и как воспринимается (видится, мыслится) селение носителем конкретного этнического языка при проприальном его (селения) именовании, какие признаки селения избираются признаками номинации*.

Ответ на поставленный вопрос дает ономасиологический анализ, предполагающий выявление принципов, признаков и способов номинации тех или иных объектов, в данном случае, селений. Необходимой составляющей такого анализа является описание отбора номинаторами производящих лексических средств. Как отмечает А.Ф. Журавлев, «слово *отбор*, несущее в себе семантический момент активного, сознательного отношения языкотворца к созданию слов, здесь (т.е. в ономастических исследованиях – К.П.) в высшей степени уместно: в возникновении

ономастических единиц <...> рефлкторный и креативный моменты, в противоположность пассивно-стихийному, играют несравненно большую роль, чем при образовании апеллятивных имен» [6, с. 10].

Мы считаем, что перевод топонимических исследований в русло антропоцентрической парадигмы, одним из аспектов которой является когнитивный [2, с. 96], не должен быть связан с отказом или кардинальным пересмотром выделенного к настоящему времени набора тематических групп производящей лексики для отдельных топонимических разрядов. По нашему мнению, этот перевод предполагает смену аспектов исследования: от аспекта «*какие признаки номинации избираются (выделяются) при именовании тех или иных географических объектов (селений, рек, озер, местностей, гор и т.п.) и какие группы лексических единиц, а также способы их превращения в номинативные единицы используются*» следует переходить к аспекту «*почему избираются именно данные признаки номинации и почему используются именно данные лексические средства и способы их превращения в номинативные единицы*».

Изучение содержательной стороны географических названий через призму антропоцентричности предполагает обязательный учет понимания носителями соответствующего языка, осуществляющими номинацию в рамках определенной языковой картины мира, природы именуемых референтов. Кроме этого, необходимыми условиями анализа являются: 1) тщательное изучение вербального топонимного контекста, формирование которого, по утверждению И.М. Железняк [5], во многом зависит от действия аналогии; 2) учет номинационных стереотипов, характерных для создателей названий; 3) время создания названия. Перечисленные условия вытекают из того, что отбор признаков номинации и производящих лексических средств осуществляется конкретной языковой личностью, выступающей носителем определенного языка и определенного социального, исторического, культурного и номинационного опыта. В этом плане онимная номинация не отличается от апеллятивной, в которой выбор мотиватора детерминирован антропоцентрично и когнитивно, лингвистически, экстралингвально, архетипами подсознания и коммуникативно [15, с. 75].

Обычно процесс называния топообъектов описывают путем выявления связи двух компонентов: создаваемого названия и именуемого единичного объекта. При когнитивно ориентированном подходе в эту схему обязательно должен вводиться третий компонент – концепт, с которым связан именуемый референт, поскольку «<...> все без исключения структуры языка и, в первую очередь, лексическая семантика, не существуют (а значит, и не могут быть описаны) автономно: они фундаментальным образом зависят от механизмов реальной языковой действительности и от когнитивных структур, которым пользуется человек» [8, с. 40]. Именуемый референт в процессе проприального означивания воспринимается спроецированным на соответствующий концепт; при создании конкретного названия актуализируется та или иная часть этого концепта, вследствие чего содержательная структура концепта становится важной отправной точкой анализа. Иными словами, за онимными единицами стоят первичные по отношению к ним когнитивные структуры [14, с. 43], их наличие подтверждается данными исследования О.Ю. Карпенко [7, с.12–13]. В ойконимной номинации таким концептом выступает селение определенного типа.

В свете вышеизложенного привычный ответ на вопрос о референте при ойконимной номинации – *это селение*, требует определенного уточнения, суть которого сводится к следующему: наименовывается конкретное единичное селение, воспринимаемое как элемент определенного природно-географического пространства,

вписанный в определенный ландшафт и проецируемый на содержание соответствующего концепта («город», «село», «поселок», «хутор», «станция» и т.д.), существующего в сознании носителей соответствующего языка. Это накладывает определенные ограничения на лексическую производящую базу. Указанное проецирование осуществляется в первую очередь на те части концепта, которые связаны с определенными ойконимными формами. Иными словами, именуется не вообще селение, а селение конкретного типа. Далее попытаемся выделить такие номинационно значимые составляющие концепта «селение», которые присущи всем его разновидностям.

1. Всякое селение воспринимается включенным в конкретную географическую среду, т.е. как элемент ландшафта. Ср. показательное в данном плане название статьи В.П. Семенова-Тянь-Шанского «Как отражается географический пейзаж в народных названиях населенных мест. Антропогеографический этюд» (опубликована в журнале «Землевладение» в 1924 году). Это же подтверждается градостроительной практикой, «вписывающей» микрорайоны в окружающий ландшафт. В качестве доказательства заявленного тезиса можно рассматривать и следующее лингвистическое наблюдение: «названия типов поселений обычно не выделяются из состава географической лексики и чаще всего именуется местными географическими терминами» [10, с. 4]. К этому добавим, что термины *село*, *деревня*, *хутор*, *выселки*, *отруб*, *заимка*, *город* и др. описываются в «Словаре местных географических терминов» Э.М. Мурзаева [12] в общем ряду географической номенклатуры. В данном ряду примеров можно рассматривать и создание топонимических перифраз типа *город на семи холмах*.

Органическая включенность селения в окружающий ландшафт получает отражение и в семантической структуре терминов *село* и *деревня*. В др.-русск. в слове *село* выделялись значения “*жилище; селение, поле*”; в ст.-слав. – “*населенное место, дворы, жилье и хозяйственные постройки, поле, земля*” [18, 3, с. 596]. В слове *деревня* наблюдается аналогичная семантическая эволюция: “*разодранное место, земля под пашню, пашня, двор при пашне, хутор, селение*” [19, с.126]. В русских диалектах до настоящего времени это слово имеет значение “*пустошь, нива*” [17, 8, с. 123]. По мнению М. Фасмера, прсл. *село “*пашня*” совпало фонетически в вост.сл. и южн.сл. с *седло* “*поселение*”. Аналогичная (по принципу метонимии) трансформация наблюдается и в случае заимствования в русский язык слова *хутор*: «по-видимому, заимствовано из д.-в.-нем. *Huntari* “*часть округа*” [17, 4, с. 286].

В качестве еще одного доказательства рассматриваемой включенности можно рассматривать использование ойконимов в качестве производящей базы для новых ойконимов (наравне с другими топонимами). При этом в восточнославянских языках не складывается традиция создавать новые ойконимы на базе любого ойконима, произвольно извлекаемого из ойконимикона соответствующего языка. Обязательно должна наличествовать связь между жителями двух селений (обычно по линии «жители какого-то селения переселились на новое место и основали новое селение»).

Понимание и ощущение включенности селения в определенный фрагмент географического пространства может сопровождаться пересмотром иерархии объектов: селение начинает мыслиться как центр, вокруг которого организуется пространство, в отличие от предыдущей ситуации «селение при объекте». Ярким отражением указанного пересмотра является использование названий городов для создания хоронимов, например, *Смоленщина*, *Луганская область*, *Подмосковье*, *Воронежская губерния*, *Красноярский край*; эта же ситуация отражается и при использовании предложно-падежных форм ойконимов в функции хоронима, ср.: *я убит подо Ржевом*

в безымянном болоте...; ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом...; под городом Горьким, где ясные зорьки, в рабочем поселке подруга живет.

На номинационном уровне отмеченная включенность обуславливает постоянную актуальность для номинаторов географической и геолого-ботанической номенклатуры, соответствующей физико-географическим характеристикам местности, а также местных топонимов различных разрядов. Это наблюдается в ойконимиях как раннего, так и позднего образования. Например, в ойконимии Донбасса, высоко урбанизированного региона, названия, содержащие в своем составе основы ГТ, даже в конце XX ст. составляли свыше 11% от общего числа ойконимов. Достаточно высоким является также и уровень отраженности в ойконимии региона топонимии, связанной с местной флорой и фауной. Ср. некоторые названия: *Вербовая Балка, Красная Гора, Двуречье, Ставки, Доброполье, Красный Кут, Веселая Долина, Ясногорка, Красный Лиман, Холмистое, Заречное, Кринички, Холодная Балка, Придорожное, Ключевое, Родники, Вольное Поле, Зеленый Яр, Золотой Колодезь; Углегорск, Соль, Каменка, Алмазное, Рассыпное, Медная Руда; Березовка, Берестовое, Калиново, Сосновое, Терны, Редкодуб, Веселый Гай; Донецк, Северск, Северодонецк, Верхняя Крынка, Нижняя Крынка, Верхнеторецкое, Булавино, Камышеваха, Волноваха, Мокроеланчик, Луганское* и др. Показательными, на наш взгляд, в рассматриваемом аспекте являются ойконимы, создававшиеся в Донбассе в ходе переименования или замены описательных обозначений в середине XX в.: *х. Адаман Чалган > Каменка; пос. алебастрового комбината > п. Нагорное; х. Батмановка > п. Ставки; с. Беззаботовка Вторая > с. Высокополье; пгт. Буденновка > г. Новоазовск; х. Буденного > с. Луговое; х. Вагнера > с. Набережное; пос. совхоза имени Ворошилова > п. Сухая Балка; пос. совхоза имени Ворошилова > п. Полевое; с. Ворошилово Первое > с. Верхнекаменское; п. Ворошилово (Византия) > п. Ключевое; с. Ворошиловка > с. Торецкое; с. Ворошиловка > с. Ясеновое; х. Гейдено > с. Левадное; пос. 2-го отделения совхоза «Горняк» №1 > п. Балочное; пос. совхоза «Диктатура» > п. Малиновка; пос. совхоза «Диктатура пролетариата» > п. Грабское; пос. совхоза им. Октябрьской революции > п. Пески; с. Злодеевка > с. Зеленая Долина; х. Капинус > с. Дубовка; пос. Каракубского зерносовхоза > п. Родниково; пос. шахты «Кировская-Крутая» > п. Холмистое; с. Кондратенко > с. Осиково; с. Новохопроро > с. Берестовое; пос. совхоза «Еленовский» > п. Степное; пос. 4-го отделения совхоза «Еленовский» > п. Березовое и мн.др. [4, с.123–140]. Опора на географическую реальность, наблюдаемую номинаторами, представляет собой номинационную универсалию. Это убедительно доказывается ойконимиями позднего образования, примером которой может рассматриваться уже упомянутая ойконимия Донбасса. С самого начала ее формирования анализируемый тип названий представлен значительным количеством единиц. Так, в списке населенных пунктов Азовской губернии по переписи 1778 года их насчитывается более 30 (при общем количестве 156). В этом источнике очень показательны обозначения селений, представляющие собой описательные конструкции: *слобода при урочище Солоной Криницы, слобода у Гаевых гор, слб. на реке Лугани, слб. при Веселой Горе, слб. на реке Ольховой*. Ср. также записи: *порутчика Давыдова в слободе на речке Лозовой; порутчика Пашковича в слободе при урочище Вороном Яру; капитана Арсения Юлинца в слободе в урочище Белой Горы; майора Петра Миоковича в слободе на речке Лугани; пополковника Шабельского в слободе на вершине Ступок; капитана Авраама Миоковича в слободе при Долгом Буераке; капитанши Вуичевой в слободе при речке Луганчику* [13].*

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что реальная географическая среда, в которой возникают селения, выступает непосредственным источником признаков номинации при их назывании. Это следствие базового характера компонента 'селение есть часть природной среды' в структуре концепта «селение». По мере увеличения количества поселений и соответственно их названий естественно-географическая мотивация теряет свое монопольное положение, но постоянная актуализация в ойконимообразовательном процессе указанного содержательный компонент концепта сохраняется, благодаря действию номинационной традиции и аналогии. Следует также говорить и о том, что данная традиция, сложившаяся на территориях раннего заселения, очерчивает то ономаσιологическое пространство, в рамках которого начинают складываться более поздние региональные ойконимии.

2. Селение – это объект, специально создаваемый людьми с целью долгосрочного жизнеобеспечения и организации социальной деятельности многих поколений. Его создание осуществляется в конкретный момент исторической жизни конкретного народа, вследствие чего селение воспринимается включенным в определенный историко-культурный и социально-экономический контекст. По определению М.В. Витова, поселение – это одно из материальных выражений социальной жизни, а тип поселения – социально-экономическая его разновидность [3, с. 34]. Такое понимание статуса селения отражается в том, что ряд ученых названия типов поселений относят к культуральным терминам (по терминологии В. Ташицкого), т.е. отражающим результаты культурной и хозяйственной деятельности человека.

Включенность селения в момент его называния в определенный историко-культурный контекст обуславливает актуализацию той части концепта, которая связана с личностным отношением носителей языка к селению. Хорошо такая актуализация просматривается в случаях создания ойконимов на базе оценочной лексики: *Веселый, Нескучный, Привольный, Отрада, Благодатное, Приют, Затишье, Райское, Прелестное* и др. При этом в XVIII–XIX вв. обращение к такой лексике в рамках восточнославянской ойконимии обуславливалось нетипичными номинационными условиями, порождаемыми конкретными социально-экономическими условиями освоения слабо заселенной территории: самого селения еще не существовало, а название для него уже было создано и выполняло роль одного из способов привлечения реального населения. В этой ситуации непосредственным, ближайшим фактором, заставлявшим обращаться к оценочной лексике, был социально-экономический; однако данное обращение могло дать положительный эффект только потому, что субъективно-оценочное отношение к селению (прежде всего к тому, в котором человек живет) является составной частью самого концепта. Ср. словоупотребления: *любимый город другу улыбнется; я тебя до сих пор, мой палаточный Братск, самой первой любовью люблю; и казалась мне эта деревня чем-то самым святым на земле*, а также формы субъективной оценки *деревенька, деревнёшка, деревнишечка, деревнюшка, деревушка* [17, 8, с. 12–13], *городок, городишко, хуторок*. В XX в. обращение к этой лексике (имеем в виду ойконимию советского времени) оказывается вовлеченным в политико-пропагандистский номинативный дискурс: *Свободное, Урожайное, Обильное, Золотая Нива, Новый Донбасс* и др.

Восприятие селения включенным в историко-культурный контекст порождает и категорию идеологически окрашенных названий, точнее, названий, прямо или завуалированно пропагандирующих те или иные идеологемы. В отличие от эмоционально-эстетической, идеологическая составляющая ойконима не опирается на определенную часть концепта «селение»; она полностью привносится в него извне.

Часто подобная номинационная идеология реализуется путем обращения к названиям праздников (поскольку праздники – это концентрированное выражение мировоззренческих и идеологических опор в жизни государства и народа), а также к словесным обозначениям символов. Ср. использование в ойконимопроизводстве христианских геортонимов и агонимов в дооктябрьский период – *Сергиев Посад, Архангельск, Петропавловск, Николаев, Первозвановка, Петропавловка, Козмодемьянск, Святодмитриевская, Успенское, Зачатьевка, Воздвиженка, Святодуховка, Богоявленка, Всехсвятское* – и советских геортонимов – *Октябрьское, Ноябрьск, Первомайское, Первомайск, Першотравневое, Красный Октябрь*.

3. Селение – это совокупность людей, жителей. Подобное осмысление концепта получает воплощение в разных языковых формах: а) слова *селение* и *население* являются в русском языке однокорневыми; б) в словах *город, село, деревня, хутор* и под. наряду со значением ‘тип поселения’ регулярным является метонимически развившееся значение ‘население’, ср.: *и меня в отпуске все село провожает* (Ю. Визбор); *казалось, весь город вышел на улицы; всей деревней дом строили; любимый город может спать спокойно, и видеть сны, и зеленеть среди весны; я запомнил, как диво, тот лесной хуторок, задремавший счастливо меж звериных дорог* (Н. Рубцов) (в последних двух примерах имеет место конденсация указанных значений); в) употребление данных терминов (обычно термина *деревня*) с целью экспрессивного именованья лица, часто с негативной коннотацией: *эх, ты, деревня!*; аналогичным экспрессивом выступает и производное существительное *деревенщина*; г) наличие у терминов *деревня* и *село* значения ‘уклад жизни’: *я последний поэт деревни* (С. Есенин); *старая деревня разбредается, старая деревня уходит* (В. Шукшин). В этом ряду примеров можно рассматривать и наличие словообразовательной связи между лексемами со значениями ‘селение’ и ‘житель селения’, обнаруживающуюся во многих славянских языках [18, 3, с. 596] (ср. в русском языке: *город>горожанин, станция>станичник, хутор>хуторянин, деревня>деревенщик*[17, с. 11]) и создающую основу для многочисленного класса катойконимов.

Пересечение концептов «селение» и «человек» может осуществляться в плоскости «основатель, владелец, лицо, каким-либо иным образом связываемое с селением»; в проприальной номинации селений указанное пересечение реализуется прежде всего путем использования в качестве производящего слова тех или иных именованья лица – антропонимов различных разрядов, этнонимов, названий профессий и под. Данная лексика – постоянный и активно используемый источник производящих слов в восточнославянской ойконимии.

4. Селение – это совокупность построек, прежде всего домов. Ср. контекст: *города, где я бывал, по которым тосковал, мне знакомы от стен и до крыши*. Данная часть концепта также имеет регулярные формы языкового выражения: а) процесс создания селения и дома обозначается в русском языке одним и тем же глаголом *строить*; б) в слове *село* есть значение ‘хозяйственная постройка’; наречие *домой* может обозначать не только ‘в свой дом’, но и ‘в свой город, село, деревню’.

В ойконимии эта часть концепта, выступая основной номинации, обуславливает появление ойконимных форм типа *Пятихатки, Трехизбенка, Однодворка, Михайловские Дворики, Финские Домики, Балаган, Каютино, Землянки*, содержащих в своем составе апеллятивы (или их основы), обозначающие постройку того или иного вида.

5. Селение – это объект, мыслимый связанным с процессами расселения, переселения, укрупнения, которые так или иначе, но всегда проецируются на представление об административном типе селения. Указанные процессы протекают в

разное время, имеют разные причины, масштабы, разную направленность – пространственно-географическую, социально-экономическую, государственно-политическую. Вследствие этого на определенном этапе развития региональной ойконимии, особенно в условиях интенсивного заселения территории, появляются названия, отражающие данные процессы, например, названия в Донбассе: *Новоселка, Новоселовка, Новоселье, Новинская, Новохатское, Заимовка, Зимовники, Девятая Рота, Выселки, Солдатский Поселок; Новониколаевка, Старорайское, Новотроицкое, Николаевка Вторая, Водяное Первое, Водяное Второе, Кузнецово-Михайловка.*

Проведенный анализ показывает, что содержательные части концепта «селение» в той или иной мере направляют и определяют выбор семантических групп производящей лексики в ходе проприальной номинации селений различных типов. Кроме того, в этой области номинативного творчества также наблюдается принцип, сформулированный по отношению к метафоре: «материальное основание неотделимо от культурного, так как выбор материального основания из множества возможностей регулируется культурными факторами» [9, с. 43]. Отбор производящих слов, задаваемый содержательной структурой концепта, культурно обусловлен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабенко Л.Г. Идеографическое описание русской лексики как способ выявления базовых категорий и ключевых концептов / Л.Г. Бабенко // Русский язык: исторические судьбы и современность. 3 Международный конгресс исследователей русского языка. – Москва : МГУ, 2007. – С. 475.
2. Васильева С.Г. И.А. Бодуэн де Куртенэ и антропоцентрическая парадигма лингвистики XX века / С.Г. Васильева // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. – Москва : МГУ, 2004. – С. 96–97.
3. Витов М.В. О классификации поселений / М.В. Витов // Советская этнография. – 1953. – №3. – С. 30–47.
4. Донецька область. Адміністративно-територіальний поділ. На 1 січня 1988 року. – Донецьк : Донбас, 1988. – 183 с.
5. Железняк И.М. Лінгвістична аналогія та формування топонімичного ареалу / И.М. Железняк // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. 2.. – Донецк : Донеччина, 1996. – С. 56–63.
6. Журавлев А.Ф. Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики / А.Ф. Журавлев // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. – М., 1989.
7. Карпенко О.Ю. Асоціативні параметри буття онімичних концептів у ментальному лексиконі / О.Ю. Карпенко // Традиційне і нове у вивченні власних імен. Тези доповідей Міжнародної ономастичної конференції. 13–16 жовтня 2005 р. Донецьк-Горлівка-Святогірськ. – Горлівка : Вид-во ГДПМ, 2005. – С. 12–14.
8. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М., 2004.
9. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М., 2003.
10. Лемтюгова В.П. Восточнославянская ойконимия апеллятивного происхождения: Названия типов поселения / В.П. Лемтюгова. – Минск : Наука и техника, 1983. – 197 с.
11. Маслова В.А. Лингвокультурология. 2-е изд. / В.А. Маслова. – Москва : Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.
12. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов / Э.М. Мурзаев. – Москва : Мысль, 1984. – 653 с.
13. Пирко В. Заселення Донеччини у XV1-XV111 ст. (короткий історичний нарис і уривки з джерел) / В. Пирко. – Донецьк : Східний видавничий дім, 2003. – 180 с.
14. Робустова В.В. К когнитивной ономастике / В.В. Робустова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014.– № 1.– С. 41–49.
15. Селиванова Е.А. Когнитивная ономастология (монография) / Е.А. Селиванова. – Киев : Изд-во украинского фитосоциологического центра, 2000. – 248 с.
16. Сертакова Е.А. Концепт «город» в русской культуре / Е.А. Сертакова // Человек и культура. – 2014. – № 2. – С. 97–126. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=12044 (Дата обращения: 18.12.2019).

17. Словарь русских народных говоров. Вып.8. – Ленинград : Наука, 1972. – 369 с.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. 3, 4. – Москва : Прогресс, 1973.
19. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка / Г.П. Цыганенко. – Киев : Рад. школа, 1970. – 597 с.
20. Щербак А.С. Диалектная ономастика в традиционном и когнитивном аспектах / А.С. Щербак // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 4(041). – С. 18–22.
21. Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики: монография / А.С. Щербак. – Тамбов, 2012.

Поступила в редакцию 19.12.2019 г.

PROPRIETARY NOMINATION OF VILLAGES THROUGH THE PRISM OF LINGUISTIC COGNITIVISM

K.V. Pershina

The article deals with selecting derivational bases in the process of villages nomination, which is determined by the meaning of the “village” concept. The concept meaning components guiding the selection are identified.

Key words: oikonym, concept, derivational base.

Першина Клавдия Васильевна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры общего языкознания и истории
языка имени Е.С. Отина.
E-mail: pershinakv@mail.ru

Pershina Claudia Vasilyevna.

Candidate of Philology, Docent.
Donetsk National University.
Associate Professor of the Department of General
Linguistics and the History of the Language named
after Y.Otin.
E-mail: pershinakv@mail.ru

УДК 81'367.7

**К ВОПРОСУ О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ АРТИКЛЕЙ
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ
(на материале западноевропейских языков)**

© 2019. *Е.В. Тымчук*¹, *М.Б. Красикова*²

¹ГОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»

²ФГКВОУ ВО «Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова»

Статья посвящена сопоставительному изучению артиклей в синхронии и диахронии в западноевропейских языках. В статье рассматриваются системы артиклей западноевропейских языков с привлечением фактов из диахронического описания их развития. Материалом для анализа служат грамматики основных романских, германских и кельтских языков. Цель работы – проанализировать тенденции развития системы артиклей в западноевропейских языках и выявить особенности английской системы артиклей в диахроническом и синхроническом аспектах.

Ключевые слова: сопоставительное изучение, артикли, диахронический аспект, синхронический аспект, западноевропейские языки.

Как следует из названия, данная статья посвящена сопоставительному изучению артиклей в западноевропейских языках. Хотя сопоставительное изучение языков обычно предполагает анализ их современного состояния, т.е. синхронию, тем не менее, обращение к диахроническому аспекту функционирования данной лингвистической категории позволяет дать более полную картину особенностей современного функционирования исследуемого языкового явления [13, с. 20]. Категория артикля, которая представлена во всех современных германских и романских языках, объединенных общеиндоевропейским родством, типологически отличает эти языки от другой большой группы индоевропейских языков – славянских [5].

Типологическая классификация по признаку «наличие или отсутствие категории артикля» делит все языки мира – индоевропейские, семитские, тюркские и т. д. – на языки с артиклем (нем. *Artikelsprachen*) и языки без артикля (*artikellos Sprachen*). Такое деление может проходить внутри одной языковой семьи, например, в индоевропейских языках славянские языки относятся к языкам без артикля, а германские и романские языки имеют артикли.

Типологический признак – наличие артикля – может объединять языки, принадлежащие к разным языковым семьям, например, арабский и английский языки. Типологическая схожесть языков по признаку «наличие артикля» не означает абсолютной тождественности систем артикля, так как в каждом языке система артиклей имела свою собственную историю развития и сложилась в этом языке под влиянием ряда случайных и закономерных факторов. Примером могут служить артикли в индоевропейских языках и в тюркских языках, в частности, в турецком языке, где наиболее важным категориальным членом оппозиции является артикль, возникший из числительного «один».

Однако, в отличие от английского неопределённого артикля *a, an*, турецкий артикль сложно назвать неопределённым артиклем, поскольку он больше выражает значение единичности, чем неопределённости. Например, в выражении *bir çay* (один чай), неопределённый артикль *bir* указывает на одну порцию чая, которая обычно

подаётся в маленькой стеклянной чашечке [11, с. 7]. Для англичан употребление неопределённого артикля (*a tea*), по-прежнему, ограничено особым дискурсом ресторанов быстрого обслуживания и кафе. Более привычным является употребление *a tea* в значении «встреча за чашкой чая»: *She went to a tea on Saturday*.

В отличие от тюркских языков, в древнегерманских языках таких, как древнеанглийский язык и древневерхненемецкий язык, категория артикля была тесно связана с системой ослабленного указательного местоимения, восходящего к общегерманскому ослабленному указательному местоимению и через него к индоевропейской указательной основе **so, to* [1, с. 332]. В латинском языке также доминировало значение слабого указательного местоимения, которое позднее трансформировалось в значение определённости предмета. Во всех современных романских языках определённый артикль возник из латинского местоимения *ille* в неударной позиции. Однако в отличие от германских языков, где ослабленное указательное местоимение осталось в системе категории указательных местоимений, в романских языках местоимение *ille* этимологически связано с личными местоимениями третьего лица единственного числа, например, французские личные местоимения *il, elle*. [7, с. 40]. Неопределённый артикль развился в романских языках гораздо позднее из числительного «один».

Тот же самый алгоритм развития значения «определённости-неопределённости» наблюдался в германских языках, где неопределённый артикль возник из числительного «один» гораздо позднее определённого артикля и первоначальная оппозиция имела следующий вид: определённый артикль субъективного представления предмета противопоставлялся нулевому артиклю объективного представления предмета. Интересно отметить, что именно такое употребление ослабленного указательного местоимения наблюдается в древнегреческом языке, где ослабленные указательные местоимения *ὁ, ἡ, τό*, подобные по функции определённому артиклю, употребляются только для субъективного представления предмета [1, с. 332].

В современных германских языках оппозиция определённого артикля нулевому артиклю наблюдается в исландском языке, который в силу своего изолированного (островного) положения сохранил архаичный тип оппозиций артикля, который ближе всего к тому, что имелось в древнескандинавском языке и в прагерманском языке. Определённый артикль в исландском языке совпадает по форме со слабым указательным местоимением *hinn*, которое может употребляться в постпозиции или предшествовать слову или номинативной фразе, которую он определяет. Все эти формы артикля субъективного представления предметов противопоставляются в современном исландском языке формам значащего отсутствия артикля, которое используется для объективного представления предметов. Следует также отметить, что артикль субъективного представления в современном исландском языке имеет огромное число форм рода и падежа, что также свидетельствует об архаичном характере этой категории в исландском языке [6, с. 185].

Та же архаическая стадия в развитии категории артикля, представленная в современном исландском языке, наблюдалась отчасти в древнеанглийском языке, где с большими оговорками можно было говорить о существовании двух артиклей. Определённый артикль, в виде ослабленного указательного местоимения, использовался для субъективного выделения предмета, а его отсутствие – для объективного представления предмета. Например, в древнеанглийской поэме “Beowulf” встречается большое количество ослабленных указательных местоимений *sē, sēo, thæt*, которые по своей функции подобны определённому артиклю [3, с. 236]. В готском

языке, как свидетельствуют примеры из Библии Вулфилы (“Ulfilas” Gospel), ослабленные указательные местоимения употреблялись в качестве показателей субстантивации прилагательных и причастий, а также для указания на уже упоминавшийся предмет. Такое же употребление характерно для текстов, написанных на древневерхненемецком языке.

Архаичная стадия в развитии категории артикля, отмеченная нами для современного исландского языка, наблюдается в немногочисленной кельтской подгруппе индоевропейских языков. Следует отметить, что кельтские языки, наряду с германскими и романскими языками относятся к так называемым языкам *kentom* [8, с. 51]. Кельтские языки не являются такими многочисленными, как германские или романские языки, а единственным государственным языком является ирландский язык. Корнуэльский, валлийский и шотландский языки исчезли или находятся на грани исчезновения. Кельтские языки, в большинстве случаев, также имеют систему артиклей, состоящую из определённого артикля субъективного представления и нулевого артикля объективного представления [6, с. 388].

Единственным кельтским языком, имеющим неопределённый артикль, является валлийский язык, причём значение неопределённости так же, как в германских и романских языках, передаётся числительным *один*. Этот факт свидетельствует о новой тенденции в развитии системы артиклей в западноевропейских языках, которая в полной мере была реализована в германских и романских языках и завершилась созданием двухчленной оппозиции.

Таким образом, во всех германских и романских языках имеется определённый артикль, получившийся из ослабленного указательного местоимения в неударной позиции, наделённый функцией показателя существительного или номинативного словосочетания. В этих языках также имеется неопределённый артикль, который появился в результате переосмысления функций и значения числительного *один*, употреблённого в безударной позиции и сильно видоизменённого (например, в английском языке) в результате фонетической редукции. В отдельных романских и германских языках неопределённый артикль в одной из своих форм (среднего рода, единственного числа, именительного падежа) полностью совпадает с числительным *один*. Например, в немецком языке слово *ein*, в шведском языке слово *en* и во французском языке слово *un*, – все они являются и артиклями и числительными.

Однако будучи показателем номинативных категорий рода и падежа имени существительного, неопределённый артикль в перечисленных языках не может совпадать во всех своих формах с соответствующим числительным, которые, как правило, не имеют форм рода, числа и падежа. По этой причине во многих романских и германских языках семантика неопределённого артикля, благодаря его происхождению и формальному совпадению с числительным *один*, препятствовала его употреблению для обозначения понятия «неопределённое множество». Поэтому вместо неопределённого артикля множественного числа в этих языках используются другие количественные указатели для выражения значения «неопределённого множества». Например, англ. *some*, фр. *des*, которые формально включаются в оппозицию артиклей, нарушая симметричность оппозиции «определённый артикль – неопределённый артикль». Употребление существительного без артикля для обозначения неопределённого множества ведёт к частичной омонимии форм: нуля классификации и нуля обобщения [4].

Несмотря на все указанные сложности, появление неопределённого артикля – обязательная стадия в развитии всех западноевропейских языков, которые имеют

развитую систему артиклей. Отсутствие неопределённого артикля в системе артиклей данного языка можно рассматривать как исключение, которое сложилось в силу особых экстралингвистических факторов, например, изолированного положения народа и его языка. В этом смысле пример исландского языка является очень показательным, поскольку он свидетельствует о том, что выделение исландского языка из общегерманского праязыка произошло до появления неопределённого артикля путём переосмысления значения и функций числительного *один*.

Появление неопределённого артикля – это также новая стадия в развитии категории определённости-неопределённости в западноевропейских языках, поскольку образование категории произошло путём переосмысления значений двух совершенно разных по семантике слов – ослабленного указательного местоимения и числительного *один*. В славянских языках, которые в отличие от западноевропейских языков относятся к языкам *sætəm*, процесс образования категории артикля также начался, как и в языках *kentəm*, но был не завершен.

В славянских языках процесс образования категории артикля затронул в большей мере лишь болгарский язык, где подобные употребления возникли под влиянием албанского и румынского языков. Первый из них – албанский язык – относится наряду с армянским языком к древней фракийско-фригийской группе восточно-европейских языков, распространенных в древности на территории современных Балкан и Анатолии [8, с. 51]. Этот язык испытал большое влияние древних италийских языков, в частности, иллирийского, относящихся наряду с кельтскими и германскими к группе западно-европейских индоевропейских языков [9].

Вторым языком, оказавшим возможное влияние на появление неопределённого артикля в болгарском языке, является румынский язык, который относится к группе романских языков. Румынский язык имеет особую систему артиклей, не похожую на систему артиклей других романских языков [7, с. 574]. В отличие от болгарского языка, остальные славянские языки не имеют артиклей. Употребление в польском и русском языках усилительных частиц *то*, *та* в функции, подобной функции определённого артикля, и числительного *один* для указания на неопределённый предмет не является грамматическим. Оно ограничено лексически и стилистически и не может рассматриваться как функционирование категория артикля в этих языках.

Отсутствие артиклей в восточно-европейских языках свидетельствует о том, что западноевропейские языки (германские, кельтские и романские языки) реализовали одинаковую тенденцию в развитии номинативной фразы. Она проявилась тогда, когда древний индоевропейский язык разделился по характерным фонетическим процессам на две большие подгруппы, получившие условное название языки *kentəm* и языки *sætəm* [8, с. 51]. В соответствии с этой тенденцией номинативная группа или отдельно употреблённые существительные в группе языков *kentəm* под воздействием фонетической редукции утратили полностью или частично свои грамматические флексии номинативных категорий рода, числа и падежа. Функция грамматического определителя существительного перешла в этих языках к новым определяющим служебным словам – артиклям, которые, в свою очередь, развили дополнительное значение указания на определённую и неопределённую, имевшее в этих культурах большое значение для эффективности коммуникации.

Можно только предполагать, почему выражение значения определённости и неопределённости оказалось настолько важным именно для западных культур на заре их исторического становления, когда там даже ещё не сформировалось понятие частной собственности. Но ясно, что это явление имеет концептуальную основу.

Возможно, это произошло потому, что переселение народов, которое проходило в основном с востока на запад, достигло в Европе своего предела, и было ограничено географически Атлантическим океаном и его морями. Было сформировано чёткое понимание предела, ограниченности передвижения, и, следовательно, определённой ограниченности и значимости для индивида его собственного мира.

По-видимому, особенно важным понимание границ собственного мира было для кельтских и германских культур, особенно у тех из них, которые интенсивно занимались мореходством и регулярно занимались морскими набегами (например, у исландцев, у викингов из Скандинавии, англосаксов из Дании и Англии). В этой связи стоит отметить наблюдение, что наиболее частотным словам английского языка относится определённый артикль, указывающий границы собственного мира говорящего. Это также объясняет возникновение концепта объективного представления предметов (форма без артикля) и концепта субъективного представления предмета (форма со слабым указательным местоимением, превратившаяся впоследствии в определённый артикль). Интересно отметить, что зарождение таких концептов и соответствующих форм существительных наблюдалось в древнегреческом языке и культуре, где мореходство также было важнейшей частью экономической и культурной жизни общества.

Понятно, что процесс утраты номинативных категорий и создание системы артиклей были различными в разных западноевропейских языках. Например, в западно-романских языках (французский, испанский, каталанский, португальский, итальянский языки), в отличие от восточно-романских языков (румынский, истарумынский и арумынский языки), наблюдается почти полная потеря окончаний существительных и появление двух «положительных» артиклей [7, с. 38]. «Положительные» артикли – определённый и неопределённый артикли – в отличие от нулевого артикля, являются материально выраженными артиклями. В романских и частично германских языках оба артикля употребляются для выражения категории рода. Определённый артикль также часто имеет форму падежа и множественного числа и слитные формы с предлогами. Для обозначения части от целого в некоторых языках имеется особый партитивный артикль, образованный слиянием предлога *de* с определённым артиклем.

Интересно отметить, что есть предположение, что неопределённый артикль возник в западно-романских языках раньше, чем определённый артикль [2, с. 7], и в силу этого имеет больше весомости и значимости как служебное слово, указывающее на единичное представление предмета – один из класса подобных предметов, один из множества. В целом, такое понимание категории определённости-неопределённости характерно для большинства романских языков, где определённый артикль не имеет такой выделяющей силы, как в германских языках [12] и более значимым оказывается неопределённый артикль. Отсюда недопустимо «уравнивание» определённого артикля, например, в английском и французском языках, когда перевод существительного с определённым артиклем в одном языке пытаются передать через такое же зеркальное употребление в другом языке. Например, перевод заглавия в автобиографической книге Сартра *Les mots* как *The Words* вызвал возмущение английской читающей публики как несоответствующий по своей выделительной силе исходному французскому названию [10, с. 54].

Что касается восточных романских языков, среди которых наиболее важным является румынский язык, то они имеют достаточно сложную систему форм артикля, которой является переходной между языком флективного и аналитического типа.

Например, в румынском языке традиционно выделяются четыре вида артикля: неопределённый, определённый, посессивный (притяжательный) и детерминативный (указательный). Состав форм, именуемых в румынском языке артиклями, может трактоваться по-разному. Так, неопределённый артикль (*un, o, niste*), который предшествует существительному или номинативному словосочетанию, употребляется как отдельно стоящий элемент. Как и в других романских языках, он возник из форм числительного *один*: м.р. *un(u)*, ж.р. *una, o: un băiat frumos* «красивый юноша», *o fată frumoasă* «красивая девушка».

Определённый артикль (*-(u)l, -le, -(u)a*) выступает в виде суффикса и присоединяется к нулевой форме имени существительного. Он также является показателем рода, числа и падежа существительного, причём определённый артикль часто является единственным формальным показателем падежа. К определённому артиклю также относят препозитивную морфему *lui*, которая выражает родительный и дательный падежи имён собственных, обозначающих лиц мужского и женского пола: *casa lui Kitty* дом Китти, *casa lui Ion* дом Йона. В современном разговорном румынском языке намечается тенденция к замене флективных падежных форм родительного и дательного падежей аналитическими формами с артиклями: *la capătul lu câmpu asta* вместо *câmpului astuia* «на краю поля».

Посессивный артикль *al, a, ai, ale* имеет формы рода и числа и единственную падежную форму *alor* и часто рассматривается как независимый анафорический элемент (частица), дающая представление об архаичных, переходных формах артикля. Так называемый «детерминативный» артикль (*cel, cea, cei, cele*) также дублирует функции определённого артикля. Он участвует в субстантивации прилагательных и может рассматриваться как переходная форма между определённым артиклем и ослабленным указательным местоимением: *Cel bogat nu crede celui sărac* «Богатый не доверяет бедному» [7, с. 610].

Как видно на примере румынского языка, в котором артикли и подобные им слова обладают достаточно развитой системой флективных форм, наличие большого количества форм у существительных и их определителей практически исключает вопрос о наличии нулевого артикля в языках, подобных румынскому языку, поскольку нулевая форма не может использоваться для различения номинативных форм. Следует отметить, что нулевой артикль также отсутствует в тех романских языках, где произошло почти полное исчезновение флексий. Это объясняется рядом структурных и семантических факторов, которые препятствуют функционированию данного артикля.

Так, во французском и итальянском языках нулевому артиклю мешает наличие партитивного артикля и тот факт, что артикли могут образовывать с предлогами слитные формы. В испанском языке случаи неупотребления положительных артиклей ограничены синтаксическими конструкциями, в которых существительное может терять свои номинативные характеристики. Вместе с тем, в испанском языке сохраняется различие артиклей по роду и числу, причём последнее имеется даже у неопределённого артикля: *unos* (м.р. мн.ч.), *unas* (ж.р. мн.ч.). В португальском языке исчезает различие по числу, так как неопределённый артикль не имеет формы множественного числа, но остаётся форма рода, которая препятствует возникновению понятия «значашее отсутствие артикля» и является единственным показателем рода существительных [7, с. 438].

Как уже отмечалось выше, германские языки дают пример формального и функционального разнообразия артиклей. От архаичного по структуре номинативной фразы исландского языка до английского языка, где номинативные окончания исчезли

у всех членов номинативной группы существительных, прилагательных, артиклей и местоимений. Исландский язык также сохранил древний индоевропейский порядок словообразования, где функциональные элементы следуют за значимыми элементами. Наряду со шведским языком, он также даёт пример важнейшего скандинавского нововведения в области употребления артиклей, где артикль выражается отдельно стоящей частью и суффигированной частью: шв.я. *den kalla dagen* «холодный день», *det stora huset* «большой дом».

В отличие от исландского языка, другие скандинавские языки – шведский и датские языки представляют современный этап в развитии категории артикля и оформлении номинативной фразы. Редукция окончаний в этих языках привела к полному исчезновению категории падежа и частичному исчезновению категории рода. Вместо трёхчленной индоевропейской системы система рода стала в этих языках двухчленной, включающей общий род и средний род, причём артикль часто является единственным маркером этой категории.

В голландском и фризском языках, которые относятся к западной подгруппе германских языков, также наблюдается полное исчезновение категории падежа и наличие двухчленной категории рода, состоящей из форм общего и среднего рода. В другом языке той же подгруппы – немецком – сохранилась весьма обширная архаичная система падежа из четырёх падежных форм, и индоевропейская система рода, включающая формы мужского, женского и среднего рода. При этом различные формы числа, падежа и рода имеют не только артикли, но и сами имена существительные и определяющие их прилагательные. Правда, последнее обстоятельство касается только так называемого сильного склонения и охватывает небольшую группу существительных вещественных: *französischer Rotwein, deutsche Schokolade, deutsches Bier*, где род определяется по окончаниям прилагательных. Во всех остальных случаях единственным показателем рода и падежа в немецком языке является артикль [13, с. 15].

Английский язык, который, как и немецкий язык, относится к западной группе германских языков, является его полной противоположностью. Он представляет собой пример западного европейского языка, в котором фонетическая редукция привела к полной потере окончаний прилагательных и существительных, с одной стороны, и полному исчезновению форм артикля с другой. Причиной этого, несомненно, были внутриязыковые процессы редукции, ускоренные экстралингвистическими причинами, важнейшими из которых были норманское завоевание и установление в течение длительного периода вынужденного двуязычия.

В заключение отметим, что современный английский язык наиболее последовательно реализовал ту тенденцию, которая наметилась ещё в древнем индоевропейском языке [1, с. 437], когда произошло разделение на языки *kentom* и *sætəm*. Эта тенденция заключается в постепенном переходе от флективного грамматического строя языков *sætəm* к аналитическому строю в языках *kentom*. В разных западноевропейских языках переход к аналитическому построению был реализован с разной степенью последовательности и завершённости. В английском языке он характеризуется полной утратой флексий и форм рода и падежа не только у имени существительного, но и у всех определяющих слов таких, как артикли и местоимения. Это, в свою очередь, позволило восстановить в английском языке то древнее состояние системы артикля, когда в древнеанглийском имелся нулевой артикль объективного представления предмета. В современном английском языке система артикля, таким образом, становится действительно трёхчленной, поскольку она восстанавливает древнее понимание обобщающего значения на ном уровне – в форме

универсального нулевого артикля, способного захватывать всё новые и новые классы имён существительных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / А. Мейе. – УРСС, 2002. – 512 с.
2. Сабанеева М.К. Романские протоартикли в недрах латыни: вопросы теории и генезиса / М.К. Сабанеева // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С. 4–14.
3. Смирницкий А.И. Древнеанглийский язык / А.И. Смирницкий. – Москва : Изд-во МГУ, 1998. – 318 с.
4. Смирницкий А.И. Морфология английского языка / А.И. Смирницкий. – Москва : Библиотека филолога, 2018. – 325 с.
5. Тымчук Е.В. Когнитивный подход к сопоставительному изучению артиклей в германских языках / Е.В. Тымчук, М.Б. Красикова // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. – Донецк : ДонНУ, 2018. – Т. 14. – Вып. 4 (42). – С. 53–63.
6. Языки мира: Германские языки. Кельтские языки. – Москва : Academia, 2000. – 472 с.
7. Языки мира: Романские языки. – Москва : Academia, 2001. – 720 с.
8. Clackson J. Indo-European Linguistics. Introduction / J. Clackson. – Camb. Univ. Press, 2007. – 284 p.
9. Conway et al. The prae-Italic dialects of Italy. – Hildesheim, 1968. – Vol. 1–3.
10. Follett W. Modern American Usage / W. Follett. – N.Y., 1966. – 436 p.
11. Greene O. The Problem of the Article / O. Greene // English Teaching Forum. – 1970. – Vol. 9. – No 1. – P. 6–9.
12. Hewson J. Article and Noun in English / J. Hewson. – The Hague-Paris, 1972. – 137 p.
13. Magidova I.M. English Articles as Deictic Words / I.M. Magidova, E.V. Tymchuk. – M.: MAX Press, 2004. – 84 p.

Поступила в редакцию 11.12.2019 г.

ON SYNCHRONIC AND DIACHRONIC APPROACHES TO THE COMPARATIVE STUDY OF ARTICLES IN WEST EUROPEAN LANGUAGES

E.V. Tymchuk, M.B. Krasikova

The paper is devoted to the synchronic and diachronic approaches to the comparative study of articles in West European languages. It considers the system of articles in West European languages paying attention to facts of their diachronic description. Grammars of the Romance, Germanic and Celtic languages have been analyzed in order to reveal the major tendency in the development of systems of articles in the given languages and the special features of the English system in the synchronic and diachronic aspects.

Key words: comparative study, articles, diachronic aspect, synchronic aspect, West European languages.

Тымчук Елена Викторовна.

Доктор филологических наук, доцент.
ГОУ ВО «Кубанский государственный
технологический университет».
Профессор кафедры иностранных языков № 1.
E-mail: timchuk_elena@mail.ru

Tymchuk Elena Victorovna.

Doctor of Philology, Associate Professor.
Kuban State Technological University.
Professor of Foreign Languages Department N 1.
E-mail: timchuk_elena@mail.ru

Красикова Марина Борисовна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ФГКВБОУ ВО «Краснодарское высшее военное
авиационное училище лётчиков имени Героя
Советского Союза А.К. Серова».
Доцент 107 кафедры иностранных языков.
E-mail: marina_krasikova@mail.ru

Krasikova Marina Borisovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Krasnodar higher military institute for pilots named
after Hero of the Soviet Union A.K. Serov.
Assistant Professor of Foreign Languages Department
N 107.
E-mail: marina_krasikova@mail.ru

УДК 811.111.81'37

НАЦИОНАЛЬНО-МАРКИРОВАННЫЕ КОНЦЕПТЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX–XXI вв.

© 2019. *И.В. Фатьянова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена анализу особенностей вербализации национально-маркированных концептов в англоязычном политическом дискурсе XX–XXI вв. на основе когнитивно-дискурсивного подхода к анализу языковых единиц. Функционирование исследуемых концептов в данном виде дискурса характеризуется особенностями языка политики и дискурсивными практиками США, демонстрирующими как общие для национального политического дискурса, так и специфические черты, а также связь между языком и характером социально-политических отношений. В ходе исследования были выделены ключевые национально-маркированные концепты, которые имеют сложную структуру, создают собственную микроконцептосферу и отражают особенности американского менталитета сквозь призму времен.

Ключевые слова: политический дискурс, национальный дискурс, языковая картина мира, концептуальная картина мира, концепт, микроконцептосфера, национально-маркированные концепты.

В последние десятилетия политическую культуру рассматривают через призму языка, а именно, через политический дискурс, учитывая политические, онтологические, идеологические и аксиологические концепты в национальных вариантах дискурса, определяя характер процессов концептуализации, описывая дискурсивные практики, т.е. исследуя политическую коммуникацию в единстве лингвистических и экстралингвистических факторов [1; 5; 7–12; 14; 15].

Анализ дискурсивной практики позволяет раскрыть национально-культурную специфику политического дискурса, изучить как действует система ограничений, накладываемых на возможные высказывания в силу определенной этнокультурной, идеологической или социальной позиций адресата и адресанта [1; 2; 5–11; 14].

Актуальность рассмотрения данной тематики обусловлена потребностью описания американского варианта английского языка с точки зрения познавательных механизмов, лежащих в основе речемыслительной деятельности человека. Вопросы анализа современного политического дискурса, как наиболее влиятельного на общественное сознание и широко распространенного в средствах массовой информации, выявление его лингвистических и экстралингвистических особенностей выдвигаются на первый план. Одним из ведущих направлений политического дискурс-анализа в рамках когнитивного подхода является анализ политических концептов, под которыми понимают сложные ментальные образования, упорядочивающие и придающие значение происходящим или ожидаемым политическим явлениям, объединяющим родственные понятия [9; 14].

Объектом исследования выступают лексические единицы, устоявшиеся выражения, которые отображают национально-маркированные концепты в англоязычном политическом дискурсе XX–XXI вв.

Предметом – вербализованные ключевые концепты американского менталитета, номинативное пространство которых отображает ценностную систему американского сообщества и динамику их развития.

Используются методы лексико-семантического, интерпретативного, текстуального и дескриптивного анализа, лингвострановедческий комментарий.

Материалом исследования послужили 10 000 фрагментов американского политического дискурса равных высказыванию, которые содержат лексические единицы, относящиеся к разным уровням языка (4 800 слов, 5 000 свободных словосочетаний, 3 500 фразеологических словосочетаний и 1 033 идиомы), которые представляют национально-маркированные концепты в англоязычном политическом дискурсе XX–XXI вв. Фрагменты получены методом сплошной выборки из 55 американских изданий СМИ.

Цель исследования – выявить и описать ключевые национально-маркированные и вербально оформленные концепты как часть концептосферы американского политического дискурса XX–XXI вв.

Для политической науки наиболее значимы концепты, отражающие важнейшие элементы политического сознания нации. Совокупность этих концептов составляет политическую концептосферу, «в которой концентрируется политическая культура нации» [14, с. 43].

Понятия «концепт» и «дискурс» как ключевые понятия современной полипарадигмальной лингвистики находятся в отношениях взаимосвязи и взаимообусловленности. С одной стороны, конкретный тип дискурса предопределяет особенности языковой объективации концепта, полноту экспликации заключённых в нём знаний об объектах окружающего мира, их связях и отношениях (к тому же, само содержание концепта в различных видах дискурса структурируется по-разному [11, с. 55].

Современные исследователи политических концептов выделяют ряд базовых ментальных единиц, характерных для политического дискурса: «политика», «политик», «государство», «власть», «народ» и т.п. [1].

Контекст как признак дискурса акцентирует внимание исследователей на противопоставлении того, что сказано, и того, что имелось в виду, а отсюда – на ситуации общения. Ситуативная интерпретация дискурса – это учет социальных, психологических и культурно значимых условий и обстоятельств общения, т.е. поле прагмалингвистического исследования. Закономерно поэтому обращение к дискурсу со стороны многих ученых, разрабатывающих теорию речевых актов, логическую прагматику общения, конверсационный анализ, анализ диалога, лингвистический анализ текста, критический анализ дискурса, проблемы социолингвистики и этнографии коммуникации, когнитивной лингвистики и психолингвистики [7, с. 85].

Изучение политического дискурса невозможно без осмысления концептов политической жизни. Каждому типу дискурса присущи определенные концепты, которые можно назвать дискурсообразующими. Эти концепты становятся актуальными в ключевых знаках дискурса (вербальных и невербальных), составляют содержательно тематическое ядро, формируют семиотическую модель и жанровую структуру того или иного типа дискурса [10].

Весь политический дискурс представляет собой пространство значений и смыслов, несущих в себе закодированную информацию об истории развития и становления политического института страны. Политическое высказывание служит средством выражения идеологических установок и идейно-политической позиции лидера [9].

По мнению Е.И. Шейгал, восприятие действительности преломляется в сознании языковой личности и отражается в языке в виде концептов, которые детерминированы особенностями национальной культуры и личным опытом говорящего. Концептуальная система адресанта получает своё вербальное выражение именно в процессе порождения дискурса, речетворчества, поэтому адекватный анализ составляющих эту систему концептов должен проводиться в рамках коммуникативного подхода [15; с. 24].

Политический дискурс США отражает образ мышления, присущий носителям англо-американской политической культуры. В США сложился национальный политический дискурс, фиксирующий не только общие черты англо-американского образа мышления, но и особенности менталитета американцев, специфику их лингвокультурного сознания в сфере политики.

Опорными элементами для изучения и осознания менталитета этноса могут быть концепты, понимаемые как основные ячейки культуры в ментальном мире человека [12, с. 41].

С точки зрения когнитивных позиций определяем политику как микроконцептосферу (МК) – когнитивный конструкт, образованный на почве взаимодействия концептов, который соотносится с соответствующим участком языковой семантики как части концептосферы, реализованной с помощью языковых знаков. Представления, понятия о политической деятельности формируются под воздействием разнообразных факторов, среди которых важную роль играет лингвальное воплощение концептов, в частности их лексическое выражение.

МК POLITICS как фрагмент концептуальной картины мира (ККМ) американцев, ее репрезентация в языковой картине мира (ЯКМ) выступает как когнитивно-дискурсивное образование, которое рождается в процессе продуцирования смыслов в дискурсивном пространстве и вмещает, с одной стороны, индивидуальный опыт человека, основанный на собственной теории и практике, а с другой – коллективное знание, ценности, нормы и правила, регулирующие его поведение как члена социума, а также как члена социальной группы (отдельной ячейки общества) [13].

МК POLITICS – иерархически организованная открытая группировка концептов, которая воспроизводит политическую и социальную сферу бытия социума в конкретный отрезок исторической реальности, получает свое воплощение в семантическом пространстве национального языка. Анализируемая микроконцептосфера, её структурные единицы – домены выступают базой для воплощения и интерпретации отдельных концептов, которые стоят за физическим телом языковых знаков, используемых в коммуникации [13].

Концепт POLITICS, под которым понимаем сложную, динамическую структурно-смысловую, этнически и культурно обусловленную ментальную единицу человеческого сознания, которая выступает способом и результатом категоризации знания и имеет вербальное выражение, является дискурсообразующим концептом микроконцептосферы POLITICS, вокруг которого группируются другие концепты, представляющие разнообразные виды и направления деятельности, связанной с политикой во всех её проявлениях и представлениях и, в свою очередь, формирующие свои собственные микроконцептосферы.

Дискурсообразующий концепт POLITICS, домены, субконцепты, как составные части английской ККМ находят свое отражение в единицах ЯКМ, объединенных в лексико-семантическое поле (ЛСП) *politics*.

ЛСП – это определенная модель реальной картины мира, и, следовательно, языковая репрезентация концептосферы. ЛСП относится к целостным номинативным пространствам языковой системы, выступая способом упорядочения лексических единиц в их пределах. Номинативное пространство рассматривается как результат лексической интерпретации реалий мира. Конститутивными элементами ЛСП *politics* являются парцеллы – небольшие тематические группировки лексических единиц, которые представляют отдельные субфреймы вербализованного концепта [4].

Одним из ключевых концептов в англо-американском политическом дискурсе как XX, так и XXI-го вв. выступает концепт POWER, поскольку борьба за власть составляет

сущность политической деятельности, а также концепты субъектов политики, такие как POLITICIAN, PRESIDENT, SENATOR, CONGRESSMAN, NATIONALITY, FREEDOM, LIBERTY, SOCIETY, PARLIAMENT, CONGRESS, SENATE, CONSTITUTION. Сам феномен власти получает различную трактовку: или как власти свободного народа, или как власти господствующего класса, или как власти элит, или как поля, пронизывающего все виды взаимодействия людей. Начиная с середины 30-х годов XX века политика все более и более отождествляется с феноменами власти и мирового господства. Ориентация на это, а также на изучение воли к власти, мотивации любых форм деятельности структурой властных отношений выражает собой те изменения, которые произошли в социально-политической и экономической реальности в XX веке. Именно в XX веке наблюдается проникновение политики, отождествляемой с властью, во все сферы жизни. Вместе с определением и отождествлением политики и власти происходит её тотализация, т.е. распространение на все области человеческой жизни – от семьи до государства, когда все становится политическим.

Выделяются концепты политических систем и форм государственности, а именно, GOVERNMENT, EMPIRE, COUNTRY, STATE, ISLAND, несущие основные понятия и представления о видах, способах и особенностях государственного устройства, общенационального желания и стремления построить государство на демократических основах.

К политической идеологии относятся концепты политической ориентации DEMOCRACY, SOCIALISM, LIBERALISM, COMMUNISM, RADICALISM, EXTREMISM, лежащие в основе социокультурной дифференциации политического дискурса.

К политической аксиологии относят концепты политических ценностей, среди которых доминирующую роль в американском политическом дискурсе играют такие, как EQUALITY, FAIRNESS, FREEDOM, PATRIOTISM, NATIONALISM, INTERNATIONALISM.

Актуализация представленных выше концептов, действительно, проходит достаточно полно в политических текстах англоязычного политического дискурса XX-XXI вв.

Как национально-маркированные (национально-специфичные или национально-специфические) принято определять концепты, которые не имеют эквивалентов в других лингвокультурах. Для обозначения данной категории единиц лингвисты наряду с общепринятым термином предлагают различные варианты: «этноспецифические» [3, с.32], «лакунарные» [6, с.117], «этноцентрические» [8, с.69–70].

О.А. Леонтович предлагает развернутое определение данных ментальных единиц: «Будучи национально-специфичными, они в наибольшей степени отражают особенности менталитета, когнитивный и ценностный подходы к материальному миру, способы освещения действительности и ее моральной оценки» [6, с.117]

Исходя из когнитивно-дискурсивного понимания концепта как ментального состояния индивида в процессе продуцирования/интерпретации дискурса, лингвокультурные, национально-маркированные концепты определяем, как единицы ментальных ресурсов индивидуального сознания, которые представляют личностную интерпретацию усвоенного и приобретенного в процессе социализации социокультурного опыта, связанного с трактованием феномена политики, социализации и культуры в англо-американском лингвокультурном социуме.

Следует отметить, что национально-маркированные концепты, образующие основу общественно-политических институтов, обладают большой генеративной силой в том плане, что вокруг них концентрируется обширная смысловая область и являются основными ментальными единицами, формирующими языковую и концептуальную картины политического мира англо-американского сообщества.

Исследование текстов англоязычного политического дискурса США XX и XXI вв., позволило выделить и проследить частотность и динамику актуализации национально-маркированных концептов (см. таблицу).

Таблица

Национально-маркированные концепты	Начало 20 в. (1900–1940)	Середина 20 в. (1940–1970)	Конец 20 в. (1970–2000)	21 век (2000–2019)
America	+	+	+	+
American Promise		+	+	+
American Spirit	+	+	+	+
American Dream	+	+	+	+
Revolution	+	-	-	+
the Great Depression	+	+	-	-
Freedom	+	+	+	+
Democracy	+	+	+	+
Equality	+	+	+	+
Nationalism / Patriotism	+	+	+	+
War	+	+	+	+
Cold War	-	+	+	
Crisis	-	+	+	+
President	+	+	+	+
the First Lady	-	+	+	-
Prosperity	+	+	+	+
Feminism	-	+	+	+
Security	+	+	+	+
Terrorism	-	-	+	+

Англоязычный политический дискурс XX–XXI вв. является контекстом вербализации концептосферы американцев, а именно граждан США, которая может быть представлена как многоуровневый конструкт со сложной структурой, содержащий понятия, представления и ассоциации этноса о мире разного уровня категоризации, в том числе универсальные и национально-маркированные концепты. Последние отражают особенности этнического мировоззрения и создают различные лакуны. Некоторые универсальные концепты, например, FREEDOM, DEMOCRACY, EQUALITY, PROSPERITY могут приобретать этнически-релевантное содержание, отображать особенности национального менталитета, приобретая таким образом определённую национальную специфику.

Национально-маркированные концепты в американском политическом дискурсе могут быть представлены в виде конгломерации концептов, создающих свою собственную микроконцептосферу как часть политической концептосферы, так, например, МК AMERICA включает такие концепты как AMERICANS, WE, US, STATES, UNITY, POWER, NATION, PEOPLE, INDIVIDUALISM, DOMINANCE, MESSIANISM, которые на вербальном уровне могут быть представлены в виде ЛСП, в которых ядро представляют LE *Americans, we, us, States, unity, power, nation, people, individualism, dominance, messianism, etc.*

Данная МК реализуется в языке благодаря универсальным бинарным оппозициям, которые представлены лексемами: “we-they” (свой-чужой), “war-peace” (война-мир), “death-life” (смерть-жизнь), “evil-good” (добро-зло).

Особое значение в формировании концептосферы этноса играют ценности. Важными факторами, которые повлияли на формирование американской ценностной системы и создали ее оригинальность – это географическое положение, история колониальных войн, первая и вторая мировые войны, «космическая гонка» и «гонка вооружений», контркультурная революция, осуществление целого ряда социальных программ, проблема расовой дискриминации и борьбы с нею, феминизм и движение за защиту окружающей среды.

ЛЕ, которые обозначают ценностные концепты, свидетельствуют о том, что изменения в системе ценностей этноса в XX–XXI вв. были вызваны политическими, экономическими и социокультурными факторами, среди последних огромную роль сыграли отношения между мужчиной и женщиной (гендерные проблемы), моральные устои, отношение к религии и религиозным конфессиям, общественные движения и шоу-бизнес, экспансия США в мире.

Исследование текстов американского политического дискурса, которые напечатаны в XX веке и имеют ретроспективную направленность, свидетельствуют о том, что доминирующими в американском сообществе являются ценности, отображённые лексемами PROSPERITY, FREEDOM, NATIONALISM, PATRIOTISM, MESSIANISM.

На вербальное оформление концептов влияли различные факторы, среди которых самыми влиятельными были развитие общества, экономики, мировые и колониальные войны, гонка вооружений, развитие космической науки, выход человека в космос, расширение сфер деятельности и источников дохода.

В современном английском языке данные национально-маркированные концепты представлены массивным корпусом единиц разных лексико-грамматических классов, которые непосредственно называют или описывают эти концепты. Численность корпуса единиц на обозначение этих концептов определяется той психофизической и социокультурной значимостью, которой отмечены сами феномены политики, власти, национального духа и единства, истории войн и мира, проблемы терроризма и государственной безопасности в жизнедеятельности социума соответственно.

Национальная концептосфера, представляющая собой совокупность микроконцептосфер социокультурных, политических, онтологических и аксиологических концептов, сохраняется, осваивается и обогащается каждым последующим поколением, благодаря чему ее объем и содержание непрерывно изменяются.

Мир социально-политической и культурной информации существует в объективной реальности и хранится в социальной памяти народа. На каждом историческом этапе жизни этноса различные концепты, представленные в тот или иной отрезок времени в национальной концептуальной сфере, имеют не одинаковую степень актуальности и речементальной активности.

Каждый этап истории развития общества в жизнедеятельности различных социальных групп характеризуется изменениями политической и социокультурной ситуации, и как следствие, обновлениями национальной языковой и концептуальной картинами мира, что и является фактором детерминирования набора дискурсообразующих и национально-маркированных концептов этнического сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилова М.В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа / М.В. Гаврилова // Полис. – № 3. – 2004. – С. 127–139.
2. Городецька О.В. Національно-марковані концепти в британській картині світу XX століття. – Автореф. канд. дис.: спеціальність «германские языки» 10.02.04 / О.В. Городецька. – Киев, 2003. – 20 с.
3. Карасик В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2009.

4. Левицкий А.Э. Коммуникативно-когнитивные аспекты номинативной деятельности индивида / А.Э. Левицкий // Композиционная семантика: мат-лы III –го междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике, 18–20 сент. 2002 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; ред. кол. Е.С. Кубрякова, Е.М. Позднякова, В.Б. Гольдберг и др. : В 2 ч. – Ч. 2. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – С. 13–15.
5. Левенкова Е.Р. Контрастивный анализ национально-специфических концептов в институциональном политическом дискурсе Великобритании и США / Е.Р. Левенкова. – Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 32 (213). – Филология. Искусствоведение. Вып. 48. – С. 62–70.
6. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы лингвокультурного общения / О.А. Леонтович. – Москва : Гнозис, 2005.
7. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – Москва : ИТДКГ «Гнозис», 2003. – 280 с.
8. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие для студентов / В.А. Маслова. – Минск : Тетра-Систем, 2004
9. Моргун Е.А. Когнитивно-прагматический анализ системы концептов в инаугурационных речах американского президента. – Санкт-Петербург : Вектор, 2011. – 22 с.
10. Первалова К.Г. Дискурсообразующие концепты политической культуры / К.Г. Первалова // Вестник ЧитГУ – №6/157. – С. 25–28.
11. Пильгун. Е.В. Лингвистические и социокультурные особенности политического дискурса американского варианта английского языка / Е.В. Пильгун. – Минск. : РИВШ, 2016. – С. 55–62.
12. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – Москва : Академ. проект, 2001. – С. 41.
13. Фатьянова И.В. Мікроконцептосфера TERRORISM у сучасному англо-американському політичному дискурсі: дис. ... кандидата філол. наук: 10.02.04 / І.В. Фатьянова. – Одеса, 2013. – 275 с.
14. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А.П. Чудинов. – 3-е изд., испр. – Москва : Флинта : Наука, 2008.
15. Шейгал Е.И. Культурные концепты политического дискурса / Е.И. Шейгал // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах. Материалы Международной научно-практической конференции «Коммуникация 2002». – Пятигорск : ГТГЛУ, 2002. – С. 24–26.

Поступила в редакцию 24.11.2019 г.

KEY NATIONAL CONCEPTS IN THE ANGLO-AMERICAN POLITICAL DISCOURSE OF THE XX–XXI-st CENTURIES

I. V. Fatyanova

The study is devoted to the analysis of verbalization of the key national concepts in the Anglo-American political discourse of the XX–XXI-st centuries based on the cognitive-discursive approach to the analysis of nominative units of the language. The functioning of the studied concepts in this type of discourse is characterized by the features of the political language and discursive practices of the United States, which demonstrate both common features of the national political discourse and specific features, as well as the correlation between the language and the nature of socio-political relations. The paper presents and describes the discourse-forming concepts of the Anglo-American community and national mentality at the end of the last and the beginning of this century and their reflection in modern English. The content of concepts changes under the influence of social, political, economic and cultural factors. The study highlights key national concepts that have a complex structure, create their own micro-conceptual spheres and reflect the characteristics of the American mentality through the prism of time.

Key words: political discourse, national discourse, language picture of the world, conceptual picture of the world, concept, micro-conceptual sphere, key national concepts.

Фатьянова Ирина Валерьевна.

Кандидат филологических наук.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры английской филологии.
E-mail: irafatianova@mail.ru.

Fatyanova Irina Valeriyvna.

Candidate of Philology.
Donetsk National University.
Associate Professor of English Philology Department.
E-mail: irafatianova@mail.ru.

УДК 81'373

**ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ
СЛОЖНЫХ НОМИНАЦИЙ ЛИЦА В ДЕТСКОЙ РЕЧИ
(на материале лексикографических источников)**

© 2019. *Н. А. Ярошенко*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье на материале лексикографических источников определяются и анализируются структурные и ономаσιологические типы сложных номинаций лица в детской речи. Выделяются ономаσιологические базисы, ономаσιологические признаки и ономаσιологические модели рассматриваемых дериватов. Устанавливаются специфические особенности сложных номинаций лица, характерные для речи детей.

Ключевые слова: номинация лица, сложная номинация лица, онтолингвистика, детская речь, ономаσιологическая модель, ономаσιологический базис, ономаσιологический признак.

Для современной лингвистики в числе прочего характерна активизация исследований в области изучения детской речи в связи с тем, что её анализ позволяет исследовать процесс овладения языком.

Как известно, изучение данных детской речи имеет уже достаточно давнюю историю. Так, исследования А. Н. Гвоздева, которые стали теоретической и эмпирической базой для современной лингвистики детской речи, являются первым целенаправленным комплексным изучением материала по детской речи [1]. Лингвистические наблюдения за речевым поведением сына Жени, зафиксированные в данных дневника «От первых слов до первого класса» и описанные в монографии «Вопросы изучения детской речи» [1], охватывают разные уровни языка, а также отражают особенности познавательной деятельности ребёнка. При этом факты детской речи А. Н. Гвоздев в первую очередь изучает с целью уяснения структуры современного русского языка (см. [1, с. 9]). Исследователь определяет коммуникативную значимость того или иного компонента языковой системы на основе степени усвоения языковой единицы ребёнком. Таким образом, в работе А. Н. Гвоздева детская речь по преимуществу изучается в русле структурной лингвистики.

Исследование речевого онтогенеза также достаточно успешно осуществляется в рамках психоллингвистики. В частности, в монографии К. Ф. Седова [9] онтопсихоллингвистика понимается как специальная, частная психоллингвистика, изучающая становление коммуникативной компетенции человека.

Анализом данных детской речи также занимается самостоятельная отрасль языкознания — онтолингвистика, или лингвистика детской речи. В англоязычной специальной литературе наука, которая изучает освоение ребёнком родного языка, называется *first language acquisition* ‘усвоение родного языка’. В то время как термин *онтолингвистика* был принят в результате голосования на заключительном заседании конференции «Проблемы детской речи — 1997» (см. [17, с. 18]). Как автономная наука, исследующая освоение языка ребёнком, онтолингвистика в рамках собственно лингвистического подхода осуществляет поуровневый анализ процесса овладения ребёнком языковой системой взрослых (см. [2; 3; 5; 13; 14; 15; 16 и др.]).

По мнению С. Н. Цейтлин, можно выделить по крайней мере два аспекта изучения языковых явлений в речи ребёнка: 1) так называемый *вертикальный подход* к ним с позиций сложившейся языковой системы взрослого человека, который основан на сопоставлении единиц и категорий детского языка с единицами и категориями языка взрослых; 2) *горизонтальный подход* с позиций детской языковой системы, рассматриваемой как до известной степени автономный объект, имеющий свои единицы и собственную структуру» [15; 17, с. 14]. Что касается вертикального подхода к детской речи, то он часто даёт возможность выявить те потенциальные ресурсы языковой системы, которые в речи взрослых остались нереализованными. В то время как горизонтальный подход в числе прочего предполагает признание того факта, что постепенное овладение языком взрослых также включает своего рода творческое конструирование языка ребёнком. Подтверждением этого могут служить инновации, возникающие в речи ребёнка.

Таким образом, одной из актуальных проблем онтолингвистики является изучение детского словотворчества и словообразовательных инноваций в речи детей.

Как справедливо отмечает Ю. Н. Кононова, «детские новообразования чрезвычайно многочисленны, эти новообразования выявляют потенциальные возможности языковой системы» [6, с. 70]. При этом детские инновации, которые созданы по определённому образцу, «образуют номинативные подсистемы, дополняющие узуальные ряды слов соответствующих денотативных сфер» [20, с. 8]. По мнению Т. Н. Ушаковой, «в детских неологизмах обнаруживаются символические операции, производимые нервной системой ребёнка. Здесь закладываются основы символической деятельности» [18, с. 452]. В исследованиях, посвящённых детскому словотворчеству, отмечается, что наибольшая словообразовательная активность в целом приходится на период от 3 до 6 лет, что объясняется как лингвистическими, так и когнитивными факторами (см. [9 и др.]).

В работе опираемся на трактовку понятия детской речевой инновации, предложенную С. Н. Цейтлин, и следом за онтолингвистом под детской речевой инновацией понимаем «любой языковой факт, зафиксированный в речи ребёнка и отсутствующий в общем употреблении» [14, с. 164]. Следует отметить, что исследовательница делает акцент на том, что детские речевые инновации являются не аномалиями, а реализацией многообразного арсенала средств языковой системы (см. [14; 16]). К. В. Седов также указывает на то, что детское словотворчество является «творчеством поневоле, творчеством без установки на творчество» [9, с. 106].

Исследователи, изучающие детские словообразовательные инновации, приходят к выводу о том, что ребёнок по преимуществу использует продуктивные модели словообразования, которые базируются на механизмах аналогии и генерализации. Так, К. Ф. Седов определяет аналогию как универсальный способ конструирования и понимания новых слов посредством опоры на уже существующие и овладения правилами словообразования [9, с. 99]. В то время как генерализация основана на том, «что морфемы с тождественными функциями могут смешиваться детьми, точнее, одна из них может замещать все другие» [14, с. 162].

Опираясь на классификацию инноваций, предложенную С. Н. Цейтлин, выделяем два вида детских речевых инноваций: 1) инновации при речепроизводстве и 2) инновации восприятия речи [14].

Предлагаемая статья продолжает серию публикаций автора, посвящённых рассмотрению структурных и ономаσιологических типов сложных номинаций лица, в том числе и тех, которые представлены в детской речи (см. [19 и др.]).

Цель статьи заключается в том, чтобы выявить и проанализировать структурно-семантические особенности, а также типовые ономаσιологические модели сложных номинаций лица, которые представлены в детской речи.

Материал исследования извлекался путём сплошной выборки сложных номинаций лица из таких лексикографических источников, как «Объяснительный словарь детских инноваций» Т. А. Гридиной [20], «Словарь современного детского языка» В. К. Харченко [21; 22] и «Словарь детских словообразовательных инноваций» С. Н. Цейтлин [23].

Методологической базой исследования в первую очередь являются работы М. Докулила, Е. С. Кубряковой, Е. А. Селивановой, В. И. Теркулова, посвящённые проблематике описания производных единиц через призму понятия ономаσιологической структуры и её компонентов (см. [4; 7; 8; 10; 11]). В работе используем предложенную В. И. Теркуловым трёхчленную типологию композитов с точки зрения их ономаσιологического статуса [11, с. 232].

Следует отметить, что мы придерживаемся широкой трактовки термина *комполит* и в связи с этим привлекаем к анализу все номинации лица, в состав которых входит более одного корня (независимо от того, в каком виде — полном или сокращённом — этот корень представлен в сложном слове), а также сложные заимствования и сложнопроизводные слова (ср. [11]).

Выборка, результаты анализа которой представлены в настоящей статье, включает 105 сложных номинаций лица. Все анализируемые номинации лица композитного типа являются существительными, обозначающими биологических субъектов.

В целом среди рассматриваемых сложных номинаций лица представлены такие семантические подгруппы:

1) номинации лица по роду занятий, профессии: *автоботаник* ‘тот, кто одновременно изучает цветы и ремонтирует автомобили’, *англопитеп* ‘репетитор по английскому языку’, *аэрофлотчик* ‘тот, кто работает в Аэрофлоте’, *библиотечница* ‘работница библиотеки’, *билетодаватель* ‘кондуктор’, *биологист* ‘специалист в области биологии’, *гаист* ‘работник ГАИ’, *киноснимальщик* ‘режиссер, оператор’, *куклодельница* ‘та, которая делает кукол’, *лесоруб* ‘лесовод’, *обкомник* ‘работник обкома партии’, *паровозист* ‘машинист паровоза’, *пароходист* ‘тот, кто работает на пароходе’, *самолётчик* ‘тот, кто летает на самолёте; управляет самолётом; то же, что пилот’, *скалополаз* ‘скалолаз’, *фотографист* ‘фотограф’ и др.;

2) характеристики человека по особенностям внешности, одежды: *белобровка* ‘девочка со светлыми бровями’, *дядемальчик* ‘карлик’, *темнобровки* ‘люди с тёмными бровями’, *челопятки* ‘маленькие человечки’, *черновласка* ‘девушка с чёрными волосами’, *шкурсоратник* ‘тот, кто схож по одежде, шкуре’ и др.;

3) номинации лица по месту проживания: *горожитель* ‘горожанин’, *другостранец* ‘иностранец’, *инопланетянец* ‘инопланетянин’, *первоэтажник* ‘житель первого этажа’, *стародворец* ‘тот, кто живёт в старом дворе (двор как часть города)’ и др.;

4) характеристики человека по умению быстро и/или хорошо выполнять какое-то действие: *быстродум* ‘тот, кто быстро думает’, *быстрорлов* ‘тот, кто быстро говорит’, *зубобыстрячка* ‘быстро кушающий человек’, *скороодеватель* ‘тот, кто быстро одевается’, *хорошописец* ‘талантливый поэт, писатель’ и др.;

5) номинации лица по манере поведения и способу жизни: *алкодельцы* ‘пьяницы’, *гулясед* ‘тот, кто не сидит дома, а гуляет; антоним к *домосед*’, *культурист* ‘культурный турист’, *мультиголик* ‘любитель мультфильмов’, *мусорожитель* ‘человек, обходящий помойки, роющийся в мусоре’, *нервомотальщик* ‘нервомотатель’, *нехочухонеумейка* ‘тот, кто ничего не хочет и не умеет’, *никуда не пускает* ‘тот, кто куда не пускает’, *ничего не знает* ‘тот, кто ничего не знает и плохо учится в школе’ и др.;

б) номинации лица по любимому блюду, занятию: *конфетоед* ‘любитель конфет’, *котлетопожиратель* ‘пожиратель, любитель котлет’, *молокоед* ‘любитель молока’, *сметаноед* ‘любитель сметаны’, *мультиголик* ‘любитель мультфильмов’ и др.

Следует отметить, что появление в детской речи сложных номинаций лица в первую очередь обусловлено ситуативной потребностью в выражении смысла, не представленного однословной номинацией в узусе (см. [20, с. 63]). При этом можно утверждать, что все детские инновации сохраняют тесную связь с тем контекстом, в котором они возникли. Однако, как представляется, среди рассматриваемых сложных номинаций лица в первую очередь отглагольные дериваты могут быть квалифицированы как сугубо контекстуальные номинации человека, которые реализованы в детской речи. Такие сложные отглагольные номинации привязаны к какому-то конкретному действию, совершаемому другим лицом либо самим ребёнком в той или иной ситуации, при этом эту ситуацию ребёнок либо воспринимает как зритель, либо же сам является её участником в качестве деятеля: *анекдоторассказчик* ‘мастер, любитель рассказывать анекдоты’, *билетодаватель* ‘кондуктор’, *блинопечница* ‘женщина, часто пекущая блины’, *бордюроходец* ‘тот, кто идёт по бордюру’, *быкопас* ‘тот, кто пасёт быков’, *быстролов* ‘тот, кто ловит быстрых животных’, *вертиножка* ‘тот (та), кто вертит ножкой (ножками)’, *вертишейка* ‘тот (та), кто вертит шейей’, *вездеход* ‘тот, кто везде ходит’, *водозагрязнитель* ‘человек, загрязняющий воду’, *глухоем* ‘тот, кто ест молча, не разговаривая’, *горожитель* ‘горожанин’, *домостройщик* ‘тот, кто строит дом’, *деньгопроситель* ‘тот, кто просит деньги (о девочке-попрошайке)’, *дымовод* ‘проводник дыма’, *занавескогладкин* ‘тот, кто гладит занавески’, *камерозрители* ‘кинозрители любительского фильма’, *картошкособиратель* ‘человек, выкапывающий и собирающий картошку’, *киноснимальщик* ‘режиссер, оператор’, *книгопечатник* ‘тот, кто печатает книги, издатель’, *кнопкоподъёмник* ‘тот, кто поднимает с пола кнопки’, *конфетоед* ‘любитель конфет’, *конфетокрад* ‘воришка конфет’, *конькобеж* ‘мужчина, занимающийся конькобежным спортом’, *коровопас* ‘тот, кто пасет коров’, *котлетопожиратель* ‘пожиратель, любитель котлет’, *куклодельница* ‘та, которая делает кукол’, *куклоигрательница* ‘та, которая играет в куклы’, *лесоруб* ‘лесовод’, *лисоход* ‘человек, идущий следом за лисой’, *люделюб* ‘тот, кто любит людей’, *молокоед* ‘любитель молока’, *молчеговорильник* ‘тот, кто выражает свои мысли, чувства без помощи слов’, *музоигрательница* ‘та, кто играет на музыкальном инструменте’, *мылособиратель* ‘собиратель мыльной пены’, *нервомотальщик* ‘тот, кто мотает нервы’, *мусорожитель* ‘человек, обходящий помойки, роющийся в мусоре’, *нехочухонеумейка* ‘тот, кто ничего не хочет и не умеет’, *никуданепускатель* ‘тот, кто никуда не пускает’, *ничегонезнайкин* ‘тот, кто ничего не знает и плохо учится в школе’, *ничегонеполучайка* ‘тот, кто ничего не получил’, *новожен* ‘жених’, *пенкоснимательница* ‘та, что снимает пенки с варенья’, *пищеварительница* ‘та, кто варит, готовит пищу’, *постелевзбиватель* ‘тот, кто взбивает постель’, *пылевытиралкин* ‘тот, кто вытирает пыль’, *скалополаз* ‘скалолаз’, *скороодеватель* ‘тот, кто быстро одевается’, *слеповод* ‘человек, водящий слепого’, *сметаноед* ‘любитель сметаны’, *снегоходитель* ‘человек, ходящий по снегу’, *снежинкособиратель* ‘собиратель снежинок’, *старьёберёмицик* ‘старьёвщик, который кричит *старьё берём*’, *флагоносец* ‘тот, кто носит или несёт флаг’ и *хорошописец* ‘талантливый поэт, писатель’.

Часть номинаций лица, представленных в детской речи, образована по аналогии с существующими в языке структурно подобными номинациями лица: *аэрофлотчик* ‘тот, кто работает в Аэрофлоте’ (ср. *водопроводчик*), *библиотечница* ‘работница библиотеки’ (ср. *ключница*), *биологист* ‘специалист в области биологии’ (ср. *экономист*), *вертиножка* ‘тот (та), кто вертит ножкой (ножками)’ (ср. *вертихвостка*), *гаист* ‘работник ГАИ’,

паровозист ‘машинист паровоза’, *пароходист* ‘тот, кто работает на пароходе’ (ср. *танкист*) и др. В некоторых случаях в детской речи в качестве форманта выступает другой суффикс, по сравнению тем, который представлен в узуальном сложно-суффиксальном производном, либо же такой суффикс появляется в детской инновации при его отсутствии в узуальной номинации: 1) *волейбольник* (ср. *волейболист*), *детсадист* (ср. *детсадовец*), *нервомотальщик* (ср. *нервомотатель*) и др.; 2) *биологист* (ср. *биолог*), *фотографист* (ср. *фотограф*), *домоуправленец* (ср. *домоуправ*).

Среди сложных номинаций лица в детской речи также представлен случай редеривации: *конькобеж* ‘мужчина, занимающийся конькобежным спортом’ < *конькобежка*: «– Кто такой конькобежка? – Это тетя, которая занимается конькобежным спортом. – Дядя – конькобеж, значит? [д., 6 л. 6 м.]» [21, с. 213].

В монографии «Сложные слова в детской речи» В. К. Харченко и Е. Г. Озерова детскую речевую инновацию *репетитор-англопистер* характеризуют как пример гендиадиса — нетрадиционного способа словообразования, который заключается в рифмованном сложении слов, второе из которых может быть асемантичным (см. [13, с. 73]). Авторы указанной монографии описывают детский контаминант *ильямурманцы* как сверхказуальный, поскольку при его создании «ребёнком использован полный антропоним *Илья Муромец*, на который, не исключено, наложился топоним *Мурманск* и кроме того был использован суффикс обозначения лица, формально совпавший с финалью *-ец*» [13, с. 69]. К отонимным дериватам также относится номинация *полечудесник* ‘ведущий телевикторины «Поле чудес»’.

Рассматриваемые отглагольные производные входят в состав лексико-семантической группы одноструктурных единиц с ономасиологическим базисом «агент»/«субъект действия», т. е. «производитель действия». Названный ономасиологический базис конкретизируется в рамках таких ономасиологических моделей:

1. «Агент + аллатив», где ономасиологический признак определяет объект, на который направлено действие: *быкопас* ‘тот, кто пасёт быков’, *вертиножка* ‘тот (та), кто вертит ножкой (ножками)’, *вертишейка* ‘тот (та), кто вертит шейей’, *деньгопроситель* ‘тот, кто просит деньги (о девочке-попрошайке)’, *дымовод* ‘проводник дыма’, *кнопкоподъёмник* ‘тот, кто поднимает с пола кнопки’, *конфетокрад* ‘воришка конфет’, *коровопас* ‘тот, кто пасет коров’, *куклоигрательница* ‘та, которая играет в куклы’, *лисоход* ‘человек, идущий следом за лисой’, *люделюб* ‘тот, кто любит людей’, *пенкоснимательница* ‘та, что снимает пенки с варенья’, *слеповод* ‘человек, водящий слепого’, *флагоносец* ‘тот, кто носит или несёт флаг’.

2. «Агент + фактитив/финитив», где ономасиологический признак указывает на результат действия как на продукт, получающийся в результате этого действия: *анекдоторассказчик* ‘мастер, любитель рассказывать анекдоты’, *блинопечница* ‘женщина, часто пекущая блины’, *домостройщик* ‘тот, кто строит дом’, *пищеварительница* ‘та, кто варит, готовит пищу’, *киноснимальщик* ‘режиссер, оператор’, *книгопечатник* ‘тот, кто печатает книги, издатель’, *куклодельница* ‘та, которая делает кукол’, *музоигрательница* ‘та, кто играет на музыкальном инструменте’.

3. «Агент + трансгрессив», где ономасиологический признак определяет объект, на который направлено действие и который приобретает в результате воздействия на него новое качество: *водозагрязнитель* ‘человек, загрязняющий воду’, *занавескогладкин* ‘тот, кто гладит занавески’, *нервомотальщик* ‘тот, кто мотает нервы’, *постелевзбиватель* ‘тот, кто взбивает постель’.

4. «Агент + контрагент», где ономасиологический признак указывает на объект, против которого направлено действие и в результате которого данный объект может

быть полностью уничтожен, т. е. может исчезнуть: *конфетоед* ‘любитель конфет’, *котлетопожиратель* ‘пожиратель, любитель котлет’, *молокоед* ‘любитель молока’, *пылевытиралкин* ‘тот, кто вытирает пыль’, *сметаноед* ‘любитель сметаны’.

5. «Агент + квалитатив», где ономазиологический признак указывает на качество действия, способ его совершения: *быстролов* ‘тот, кто ловит быстрых животных’, *вездеход* ‘тот, кто везде ходит’, *глухом* ‘тот, кто ест молча, не разговаривая’, *молчеговорильник* ‘тот, кто выражает свои мысли, чувства без помощи слов’, *нехочухонеумейка* ‘тот, кто ничего не хочет и не умеет’, *никуданепускатель* ‘тот, кто никуда не пускает’, *ничегонезнайкин* ‘тот, кто ничего не знает и плохо учится в школе’, *ничегонеполучайка* ‘тот, кто ничего не получил’, *новожен* ‘жених’, *скороодеватель* ‘тот, кто быстро одевается’, *хорошопищец* ‘талантливый поэт, писатель’.

6. «Агент + дистрибутив», где ономазиологический признак указывает на распределительные отношения: *билетодаватель* ‘кондуктор’, *картошкособиратель* ‘человек, выкапывающий и собирающий картошку’, *мылособиратель* ‘собирает мыльную пену’, *снежинкособиратель* ‘собирает снежинок’, *старьёберёмицик* ‘старьёвщик, который кричит *старьё берём*’.

7. «Агент + локатив», где ономазиологический признак указывает на место реализации действия: *бордюроходец* ‘тот, кто идёт по бордюру’, *горожитель* ‘горожанин, т. е. тот, кто живёт в городе’, *мусорожитель* ‘человек, обходящий помойки, роющийся в мусоре’, *скалополаз* ‘скалолаз’, *снегоходитель* ‘человек, ходящий по снегу’.

8. «Агент + инструменталис», где ономазиологический признак указывает на орудие производимого действия как в прямом, так и в переносном смысле: *камерозрители* ‘кинозрители любительского фильма’, *конькобеж* ‘мужчина, занимающийся конькобежным спортом’.

Как отмечают В. К. Харченко и Е. Г. Озерова, «в группе существительных сращение с суффиксацией — явление сравнительно редкое» [13, с. 59]: *нехочухонеумейка* ‘тот, кто ничего не хочет и не умеет’, *никуданепускатель* ‘тот, кто никуда не пускает’, *ничегонезнайкин* ‘тот, кто ничего не знает и плохо учится в школе’, *ничегонеполучайка* ‘тот, кто ничего не получил’, *старьёберёмицик* ‘старьёвщик, который кричит *старьё берём*’.

Номинация *глухом* ‘тот, кто ест молча, не разговаривая’, как понятно, представляет собой дериват, семантически связанный с фразеологизмом *Когда я ем, я глух и нем* и является результатом сращения двух компонентов этого фразеологизма, сопровождаемого метатезой: «- *Не мешайте мне есть, я глухом!* [м., 2 г.8 м.]» [21, с. 93].

Существительные *вертиножка* ‘тот (та), кто вертит ножкой (ножками)’ и *вертишейка* ‘тот (та), кто вертит шейей’, очевидно, были образованы в детской речи по аналогии с существительным *вертихвостка* в значении ‘ветреная, легкомысленная, кокетливая женщина’, которое восходит к фразеологизму *вертеть хвостом*, т. е. вести себя легкомысленно, хитрить, лукавить. Однако в детской речи дериваты *вертиножка* и *вертишейка* лишены фразеологически связанного значения пейоративного характера, а представляют собой нейтральные номинации лица по выполняемому действию, направленному на объект, со свободными лексическими значениями: «- *Вертишейка, вертиножка!* (Настя; 2,11) (Услышав от взрослых слово *вертихвостка*)» [23, с. 22].

Аналогичная картина вырисовывается и при сопоставлении детской инновации *пенкоснимательница* ‘та, что снимает пенки с варенья’ и узуального деривата *пенкоснимательница неодобр.* ‘женск. к *пенкосниматель*’, при этом *пенкосниматель неодобр.* ‘тот, кто присваивает себе лучшее, наиболее выгодное, не участвуя в труде’. В узусе, в речи взрослых лексемы *пенкоснимательница* и *пенкосниматель*, обладая

сниженным эмоционально-стилистическим значением, семантически соотносятся с фразеологизмом *снимать пенки*. Другими словами, в языке взрослых существительное *пенкосниматель* представляет собой отфразеологический дериват, образованный на базе фразеологизма пейоративного характера *снимать пенки* ‘брать себе самое лучшее, наиболее выгодное, не прилагая собственного труда и не имея на это достаточного права’: *пенкоснимательница* < *пенкосниматель* < фразеологизм *снимать пенки*. В то время в речи ребёнка, как свидетельствует контекст, приведенный Т. А. Гридиной, дериват *пенкоснимательница* имеет свободное лексическое значение: «Жалуется на бабушку: - Бабушка сказала, что мне нельзя пенку с варенья снимать – обожгусь, а сама снимает, пенкоснимательница (Лена, 5,5 л)» [20, с. 158]. Дериват *пенкоснимательница* ‘та, что снимает пенки с варенья’ представляет собой контекстуальную нейтральную номинацию человека по выполняемому им действию в той ситуации, участником которой является ребёнок в качестве зрителя.

Формально к отглагольным дериватам в детской речи примыкает номинация *гомеопад* ‘тот, кто падает куда-то’, которая, по классификации С. Н. Цейтлин (см. [14]), представляет собой инновацию восприятия речи и является результатом проявления детской метаязыковой рефлексии: «– Папа, что такой «гомеопад»? Он куда-то падает? (Рома, 5 л.) (Услышал слово *гомеопат*)» [20, с. 108]. Как видим, в речи ребёнка происходит поиск мотивированности незнакомого ему слова через внешнее сходство с другой известной ему лексемой, в результате чего корень *пат*, восходящий к греческому *pathos* ‘страдание, болезнь’, осмысливается путём паронимической аттракции с глаголом *падать*. В итоге узуальный композит *гомеопат* ‘врач, лечащий методами гомеопатии’ получает неuzuальное толкование лексического значения: *гомеопад* ‘тот, кто падает куда-то’.

Анализируемые отсубстантивные сложные номинации лица (в том числе сложно-суффиксальные) входят в состав ЛСГ одноструктурных единиц с такими ономазиологическими базисами: 1) «**статус субъекта**», т. е. «положение субъекта в системе межличностных отношений, определяющее его права, обязанности и привилегии»; 2) «**профессия**», т. е. «род, характер трудовой деятельности, служащий источником существования»; 3) «**должность**», т. е. «служебное место в учреждении или предприятии, связанное с выполнением определённых обязанностей».

Данные ономазиологические базисы конкретизируются в рамках следующих ономазиологических моделей:

1. «**Статус + атрибутив**», где ономазиологический признак указывает на качественный признак лица: *белобровка* ‘девочка со светлыми бровями’, *дядемальчик* ‘карлик’, *культурист* ‘культурный турист’, *темнобровки* ‘люди с тёмными бровями’, *челопятки* ‘маленькие человечки’, *черновласка* ‘девушка с чёрными волосами’, *шкуроросоратник* ‘тот, кто схож по одежде, шкуре’, *псевдоучительница* ‘ненастоящая учительница’ и др.

2. «**Статус + локатив**», где ономазиологический признак указывает на местонахождение в пространстве как место деятельности (место реализации статуса субъекта): *другостранец* ‘иностранец’, *инопланетянец* ‘инопланетянин’, *первоэтажник* ‘житель первого этажа’, *двуклассник* ‘второклассник’, *стародворец* ‘тот, кто живёт в старом дворе (двор как часть города)’ и др.

3. «**Статус + интенсив**», где ономазиологический признак указывает на интенсивность реализации статуса: *быстролов* ‘тот, кто быстро говорит’ (ср. *острослов*).

4. «**Субъект + сфера его пристрастия**»: *мультиголик* ‘любитель мультфильмов’.

5. «**Статус + possessив**», где ономазиологический признак указывает на объект владения: *челопятки* ‘маленькие человечки, т. е. человечки с маленькими ножками = пяточками’. Как нами отмечалось ранее, «дериват *челопятки* ‘маленькие человечки’ в

силу своей семантики и структуры может быть одновременно отнесён к двум ономасиологическим моделям («статус + атрибутив» и «статус + поссессив»)» [19, с. 104].

6. «Профессия + отрасль»: *биологист* ‘специалист в области биологии’, *фотографист* ‘фотограф, т. е. специалист в области фотографии’, *волейбольник* ‘волейболист’.

7. «Профессия + объект деятельности»: *автоботаник* ‘тот, кто одновременно изучает цветы и ремонтирует автомобили’, *англопите́р* ‘репетитор по английскому языку’.

8. «Должность + локатив»: *аэрофлотчик* ‘тот, кто работает в Аэрофлоте’, *библиотечница* ‘работница библиотеки’, *гаист* ‘работник ГАИ’, *полечудесник* ‘ведущий телевикторины «Поле чудес»’, *обкомник* ‘работник обкома партии’, *паровозист* ‘машинист паровоза’, *пароходист* ‘тот, кто работает на пароходе’, *самолётчик* ‘тот, кто летает на самолёте; управляет самолётом; то же, что пилот’ и др.

Таким образом, сложные номинации лица, которые представлены в детской речи, в целом реализуют ономасиологические модели, которые типичны и для узуальных дериватов такого типа. Окказиональный характер таких наименований-инноваций, возникающих как при речепроизводстве, так и при восприятии речи, создаётся за счёт новых сочетаний производящих основ и формантов, неузуального толкования лексических значений, значительно реже — в результате образования нетрадиционным способом словообразования. Подавляющее большинство сложных номинаций лица, зафиксированных в словарях детской речи, иллюстрируют тезис о том, что появление детских инноваций продиктовано стремлением заполнить существующие в языке лакуны, т. е. такие инновации выполняют компенсирующую функцию. В связи с этим словообразовательные инновации, возникающие в детской речи, очевидно, следует разделять на окказионализмы и потенциализмы. Однако оба этих типа детских инноваций направлены на формирование языковой картины мира ребёнка и отражают как процесс оттогеноза, так и параллельно протекающий процесс приобретения ребёнком когнитивного опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гвоздев Н. А. Вопросы изучения детской речи / Н. А. Гвоздев. — СПб.: «ДЕТСТВО-ПРЕСС», 2007. — 472 с.
2. Гридина Т. А. «Своя игра»: ребенок в мире языка: Монография / Т. А. Гридина. — Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2015. — 177 с.
3. Доброва Г. Р. Вариативность речевого развития детей / Г. Р. Доброва. — М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2018. — 264 с.
4. Докулил М. Словообразование в чешском языке / М. Докулил // Теория словопроизводства: резюме (на русском языке). — Прага, 1962. — 114 с.
5. Елисеева М. Б. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста / М. Б. Елисеева. — СПб.: Изд-во РГПУ имени А. И. Герцена, 2008. — 172 с.
6. Кононова Ю. Н. Детские словообразовательные инновации: проблемы и перспективы исследования в лингвистике / Ю. Н. Кононова // Наука Кубани. — 2011. — № 3. — С. 69–72.
7. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова; Рос. академия наук. Ин-т языкознания. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
8. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — 160 с.
9. Седов К. Ф. Онтопсихоллингвистика: становление коммуникативной компетенции человека / К. Ф. Седов. — М.: Лабиринт, 2008. — 320 с.
10. Селиванова Е. А. Когнитивная ономасиология / Е. А. Селиванова. — К.: Фитосоциоцентр, 2000. — 248 с.
11. Теркулов В. И. Композиты русского языка в ономасиологическом аспекте: Дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.02 / Вячеслав Исаевич Теркулов. — Горловка, 2008. — 472 с.
12. Филлмор Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1981. — Вып. X. — С. 369–495.

13. Харченко В. К. Сложные слова в детской речи / В. К. Харченко, Е. Г. Озерова. — Белгород : Изд-во Белгородск. гос. ун-та, 1999. — 159 с.
14. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С. Н. Цейтлин. — М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. — 240 с.
15. Цейтлин С. Н. Направления и аспекты изучения детской речи / С. Н. Цейтлин // Детская речь как предмет лингвистического исследования / С. Н. Цейтлин. — СПб. : Наука, 2004. — С. 119–122.
16. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи / С. Н. Цейтлин. — М. : Знак, 2009. — 362 с.
17. Цейтлин С. Н. Онтолингвистика в пути / С. Н. Цейтлин // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2018. — № 189. — С. 12–22.
18. Ушакова Т. Н. Рождение слова: Проблемы психологии речи и психолингвистики / Т. Н. Ушакова. — М. : Издательство Института психологии РАН, 2011. — 524 с.
19. Ярошенко Н. А. Ономазиологические модели сложных номинаций лица в детской речи (на материале словаря Т. И. Гридиной) / Н. А. Ярошенко // Материалы Международной научно-практической конференции «Филологические чтения» (Оренбург, 13–14 декабря 2018 г.). — Оренбург : ООО ИПК «Университет», 2019. — С. 101–105.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

20. Гридина Т. А. Объяснительный словарь детских инноваций: монография и словарь / Т. А. Гридина. — Екатеринбург, 2012. — 202 с.
21. Харченко В. К. Словарь современного детского языка : В 2-х т. / В. К. Харченко. — Т. 1. А–О. — Белгород : Изд-во Белгородск. гос. ун-та, 2002. — 346 с.
22. Харченко В. К. Словарь современного детского языка : В 2-х т. / В. К. Харченко. — Т. 2. П–Я. — Белгород : Изд-во Белгородск. гос. ун-та, 2002. — 278 с.
23. Цейтлин С. Н. Словарь детских словообразовательных инноваций / С. Н. Цейтлин. — München : VERLAG OTTO SAGNER MÜNCHEN, 2001. — 202 с.

Поступила в редакцию 15.11.2019 г.

ONOMASIOLOGICAL MODELS OF COMPOUND NOMINATIONS OF PERSON IN CHILDREN'S SPEECH (on the material of lexicographic sources)

N. A. Yaroshenko

The article deals with structural and onomasiological types of compound nominations of person in children's speech. The structural and onomasiological types of the above-mentioned compound nominations of person are analyzed on the material of lexicographic sources. The onomasiological bases, onomasiological attributes as well as onomasiological models of the derived words under analysis are considered. Specific peculiarities of compound nominations of person in children's speech are identified.

Key words: nomination of person, compound nomination of person, ontolinguistics, children's speech, onomasiological model, onomasiological base, onomasiological attribute.

Ярошенко Наталья Александровна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Заведующий кафедрой общего языкознания и
истории языка имени Е. С. Отина.
E-mail: nyaroshenko@yandex.ru

Yaroshenko Natalya Alexandrovna.

Candidate of Philology, Docent.
Donetsk National University.
Head of General Linguistics and History of
Language Department named after E. S. Otin.
E-mail: nyaroshenko@yandex.ru

УДК 811.161.1'373.611

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

© 2019. *И.А. Сулова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматривается проблематика исследования окказионализмов в когнитивном аспекте. Раскрывается понятие концептосферы. Анализируется использование в литературе окказионализмов и их принадлежность определённой концептосфере. Дается определение концепта окказиональных единиц, схема анализа отдельного концепта.

Ключевые слова: окказионализм, концепт, концептосфера, неологизм, семантическая единица.

Категория окказиональности наиболее активно исследуется в языкознании с 60-х годов XX века. При этом новые явления в рамках данной категории рассматриваются в нескольких направлениях. Научные источники позволяют констатировать, что направления изучения окказиональности можно объединить в три основные группы (таксономический аспект, психолингвистический аспект, функционально-прагматический аспект).

Таксономический аспект в научной литературе разработан наиболее тщательно. В рамках названного аспекта можно выделить более частные подходы в зависимости от конкретных задач исследования окказиональности. Таковы, в частности, словообразовательный, ономаσιологический, лексикологический, лексикографический подходы.

Словообразовательный подход представлен в работах Е.А. Земской [15, с. 220]; О.А. Габинской [10, с. 153]; Р.Ю. Намитоковой [24, с. 156], О.И. Александровой [2, с. 145]; И.С. Улуханова [28 с. 224]; Эр. Ханпире [34, с. 123] и др. В этих работах учёными выявляются способы образования окказионализмов, словообразовательные модели, по которым они созданы, фиксируются некоторые окказиональные морфемы.

Ономаσιологический подход предполагает изучение новообразований, выявление причин образования новых лексем, причин лексической объективации. Данная проблема освещена в монографии О.А. Габинской «Типология причин словотворчества» [10]. Учёные, придерживающиеся данного подхода, рассматривают процесс образования слов как мыслительный или психоречевой процесс актуализации, материализации идеи, основанной на объединении понятий, существующих в сознании индивида с использованием существующих языковых средств, для описания этой идеи.

Лексикологический подход представлен во многих специальных работах А.А. Брагиной [8, с. 56]; А.Г. Лыкова [21, с. 119] и др., а также представлен в большинстве вузовских учебников А.В. Калинина [17, с. 232]; В.И. Кодухова [18, с. 351]; М.И. Фоминой [29, с. 130]; Д.Н. Шмельёва [31, с. 335] и др. В данном подходе неологизмы – это определённые единицы лексики, элементы её пассивного состава. Окказионализмы трактуются как особая разновидность неологизмов (речевые единицы), не соответствующая общепринятому употреблению [Кодухов, 1979; Стехин, 1980; Фельдман, 1957]. А.Г. Лыков предлагает иной подход, при котором окказионализмы лишь особые речевые образования, не соотносимые с неологизмами [22, с. 59].

Лексикографический подход обращает внимание на проблему кодификации новых слов и выражений. Составной частью общей теории и практики лексикографии является неография – теория и практика лексикографического описания лексико-фразеологических новаций языка. Лексикографический подход представлен в работах С.И. Алаторцевой [1, с. 40]; Л.В. Алешиной [5, с. 2], Н.З. Котеловой [19, с. 41], С.И. Тогоевой [25, с. 155], Н.И. Фельдман [28, с. 64].

Психолингвистический подход обращает внимание исследователя на проблемы психологии памяти, на моделирование процессов продуцирования и понимания речи, на необходимость выявления специфики процессов поиска и идентификации слова как достояния индивида. Анализ новообразований в рамках данного подхода достаточно ярко представлен в работах исследователей тверской школы психолингвистики, которая функционирует под руководством доктора филологических наук, профессора А.А. Залевской [12, с. 58].

Однако специальных исследований, посвященных семантико-структурно-функциональному описанию категории окказиональности с точки зрения её участия в формировании языковой картины мира, иными словами, исследования окказионализмов в когнитивном аспекте, в современной лингвистической литературе не представлено. А между тем изучение данной проблемы позволило бы обратить внимание лингвистов, студентов-филологов на истоки образования лексических единиц, понять первооснову, механизмы и потенциалы языковой системы.

Таким образом, **научная новизна** данной статьи заключается в том, что в ней впервые на фактическом материале осуществлен лингвокогнитивный анализ окказионализмов русского языка и анализ концептосферы окказионализмов вообще. Ведь окказионализм может стать концептом (пройти путь от авторского деривата до вербализованного концепта) только в том случае, когда выражаемое им понятие закрепится в сознании представителей определённого языкового сообщества в качестве общеупотребительного культурного элемента. Нерешёнными остаются вопросы комплексного исследования окказионализмов и соответствующих им концептосфер. Поэтому впервые был осуществлён структурно-семантический, когнитивный и лингвокультурологический анализ окказионализмов. Эти аспекты определяют новизну исследования нашей статьи.

Актуальность темы связана с необходимостью решения ряда проблем теории современной когнитологии.

Во-первых, развитие когнитивной лингвистики сейчас требует всё более разностороннего рассмотрения таких понятий, как «концепт» и «концептосфера» в их проекции на сугубо лингвистические реалии (в нашем случае в качестве таких реалий выступают окказионализмы произведений авторов XVIII–XX вв.). С другой стороны, окказионализмы как языковые единицы, входящие в лексический состав большинства языков, пока ещё не получили достаточного освещения, несмотря на то, что в последнее время они начали активно заполнять практически все сферы человеческой деятельности. Поэтому необходимым является определение причин возникновения окказионализмов, принципов формирования их концептосфер с точки зрения лингвокогнитологии.

Считаем актуальным определение окказионализма как языковой реалии и единицы речевой коммуникации с репрезентацией его структурно-семантических особенностей, стилистической типологии в лингвокогнитивном аспекте изучения окказионализмов.

Рассмотрение обозначенных аспектов поможет обратиться (гипотетически) к моменту возникновения языка, прояснить процессы формирования словаря языка;

доказать, что окказионализм как единица лексикологии и концепт как единица мышления являются первоосновами коммуникации. Объединяясь по определённым признакам, концепты нашли свою реализацию в рамках концептосфер. Концептосферы окказионализмов можно считать отражением тех когнитивных процессов, которые либо еще не реализовались в нормативном языке, либо только что вошли в его сферу. Изучение концептосфер окказионализмов определённых языков делает более полным анализ культурологических особенностей народов-носителей этих языков, что в условиях глобализации является крайне важным.

Концепт – это концентрат культуры и опыта народа, «сгустки культурного пространства в сознании человека» (Ю.М. Лотман). Однако, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и воздействует на нее (Ю.С. Степанов). Именно в русле двух основных трактовок возможно, на наш взгляд, исследование окказионализмов. Для нас определение Ю.С. Степанова приоритетно, поскольку посредством создания той или иной окказиональной единицы «человек входит в культуру», воздействует на неё именно созданием сначала имени концепта, а потом и непосредственно концепта. Следующая ступень концептуального развития видится уже в определении концепта как «сгустка культуры» в сознании группы людей или целого общества.

Цель статьи заключается в рассмотрении проблем исследования окказионализмов в когнитивном аспекте, раскрытии понятия «концептосферы». В статье ставится цель: проанализировать использование в литературе окказионализмов и их принадлежность определённой концептосфере.

Практическое значение статьи заключается в том, что она нацелена на решение важных проблем современной когнитологии. Результаты исследования могут быть использованы при преподавании курсов когнитивной лингвистики, лексикологии, словообразования, теории языка и общего языкознания на филологических факультетах высших учебных заведений.

Концепт – это ключевое понятие когнитивной лингвистики. Однако его суть существенно различается в концепциях отдельных учёных и разных научных школ. Эта разница связана с тем, что концепт – категория ментальная, неосознаваемая, и этот факт влечёт появление целого ряда мнений относительно её толкования. Этот термин в настоящее время используется в исследованиях философов, логиков, психологов, культурологов. Концепт как объект познания включает в себя элементы всех этих внелингвистических интерпретаций.

С.А. Аскольдов-Алексеев в 1928 г. впервые употребил в отечественной науке термин *концепт*. Учёный определил концепт как мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределённое множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода (концепты «растение», «справедливость», математические концепты).

Д.С. Лихачёв в то же время использовал понятие *концепт* в качестве обобщённой мыслительной единицы, отражающей и интерпретирующей явления действительности в зависимости от личного, профессионального и социального опыта личности, уровня образования, личного опыта, профессионального и социального опыта носителя языка. Являясь своеобразным обобщением различных лексических значений слова в индивидуальном сознании носителя языка, концепт позволяет коммуникантам преодолевать индивидуальные различия в понимании слов, существующие между ними. Концепт, по Д.С. Лихачёву, не возникает из значений слов, а является результатом столкновения усвоенного значения с личным жизненным опытом

говорящего. Концепт в этом плане выполняет заместительную функцию в языковом общении [Лихачев, 1993].

Е.С. Кубрякова считает, что «концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [21, с. 90].

В.И. Карасик характеризует концепты как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [20, с. 59], «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны» [20, с. 71], «фрагмент жизненного опыта человека» [20, с. 3], «переживаемая информация» [20, с. 128], «квант переживаемого знания» [20, с. 361].

А.А. Залевская определяет концепт как объективно существующее в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера в отличие от понятий и значений как продуктов научного описания (конструктов) [12, с. 39]. В одном из своих трудов А.А. Залевская раскрывает нейронную основу концепта как активизацию многих отдельных нейронных ансамблей, распределённых по разным участкам мозга, но которые входят в единый набор. Доступ ко всем этим участкам осуществляется одновременно благодаря слову либо какому-то другому знаку. С психолингвистической точки зрения А.А. Залевская подчёркивает индивидуальную природу концепта – «многомерной симультанной структуры. Концепт – это достояние индивида» [12, с. 25].

Все приведённые определения концепта объединены общей чертой – концепт определяется как дискретная, объёмная в смысловом отношении единица, концепт как единица мышления либо памяти, отражающая культуру народа. Концепт – минимальная единица мышления, своеобразный пиксель картины мира индивида, полученная человеком на генетическом уровне либо приобретённая в процессе его развития. Концепт – индивидуален и одновременно имеет общие социальные признаки. Окказионализм, в свою очередь, может стать концептом в том случае, когда выражаемое им понятие закрепится в сознании группы людей (это означает, что концепт, выражаемый окказионализмом, вначале является индивидуальным концептом) как «сгусток культуры ...; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», а также то, «посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [25, с. 40]. Таким образом, анализ окказионализма возможен также с концептуальной позиции – как языкового воплощения соответствующего концепта.

С концептом неразрывно связано понятие концептосферы как совокупности концептов. Признано, что концепты и концептосферы – это понятия неосозаемые, ненаблюдаемые, это сущности ментальной (мыслительной) сферы. Современные научные исследования убедительно подтверждают их существование, реальность процессов мышления, самого сознания. Эти категории формируются самостоятельно, не опираясь на слова (невербальное мышление). Концептосфера окказионализмов может трактоваться как синкретичная в зависимости от когнитивной базы носителей того или иного языка: она может рассматриваться и как групповая (в частности, профессиональная), и как индивидуальная.

Окказионализмы, или индивидуально-авторские образования, авторские неологизмы, обладают особой экспрессивностью и характером употребления в процессе коммуникации. Если для обычных слов основной является номинативная функция, то для окказионализмов основная функция – экспрессивно-изобразительная.

Разумеется, это не означает, что индивидуально-авторские образования лишены информации об объекте, соотнесенности с объектами внеязыковой действительности. Из-за своей уникальности, такое редкое явление речи, как окказионализм использовалось многими известными писателями и поэтами. Окказионализмы мы находим в произведениях А.С. Пушкина, С.А. Есенина, В.В. Маяковского, М.А. Шолохова, К.М. Симонова, Ю. Мориц и др.

Авторским неологизмом принято считать речевое образование системного и асистемного характера, которое возникло в процессе индивидуального творческого акта как результат сознательного нарушения автором языковой нормы. Подобные новообразования являются периферийными лексическими элементами, созданными, в основном, в стилистических целях и впервые засвидетельствованные в письменных текстах художественного, научного или публицистического стиля. Кроме того, они не зафиксированы в словарях национального языка соответствующего периода. Авторскому неологизму присущи признаки нестандартности и новизны, которые осознаются говорящим.

Принимая во внимание монофункциональность и моносемантическую данность термина, представляется, что термин **окказионализмы** наиболее точно раскрывает природу данных единиц речи, а потому является наиболее релевантным. Данный термин применим к любому слову, не являющемуся принадлежностью узуса: новообразованиям отдельных писателей, продуктам индивидуального словотворчества, устной речи.

Параметры определения окказионализмов, в сравнении с близкими по значению и сфере употребления единицами, можно представить следующим образом:

1. Возникновение окказионализмов, как правило, фиксируемо. Окказиональные слова чаще всего имеют вполне определённую историю или, по крайней мере, время своего возникновения. Диахронический аспект окказионализмов, то есть момент его возникновения, совпадает с его синхроническим аспектом, то есть моментом употребления. Например, в XVIII веке лексемы *промышленность* и *будущность* появились в качестве окказионализмов в работе Н.М. Карамзина. (Н.М. Карамзин): *Сии два открытия, обогатив Европу, распространив ее мореплавание, умножив промышленность, сведения, роскошь и приятности гражданской жизни, имели сильное влияние на судьбу держав.* (Н.М. Карамзин. История государства Российского: Том 6 (1811–1818); Национальный корпус русского языка);

2. Характерной особенностью окказионализмов, как отмечают многие лингвисты, является то, что они имеют автора. Наличие автора принципиально важно для окказионализма, поскольку окказионализм не воспроизводится, а создаётся вновь конкретным человеком. Конкретного автора имеют такие окказионализмы, как *злопахательство*, *чумазий*, *головотяп* (М.Е. Салтыков-Щедрин): *Но покуда злопахательство, даже в минуты своего поражения, умеет так ловко устроиться, что присутствие его всегда всеми чувствуется, тогда как благоволение в подобные минуты ступшевывается так, что об нем и слухом не слышать.* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Фантастическое отрезвление (1884); Национальный корпус русского языка);

3. Основопологающим критерием разделения различных типов новых лексических единиц на окказионализмы и неологизмы, базирующимся на сосюрговской дихотомии «язык-речь», является языковой статус неологизмов и речевой статус окказионализмов. Окказионализмы, как правило, лексикализованные и номинализованные – языковые единицы. Окказионализмы, как правило, контекстуальные – текстовые единицы, выступающие вербальным воплощением

авторского концепта – явления речи. Функционально одноразовые окказионализмы создаются и существуют только в строго определённом контексте и вне этого контекста не воспроизводятся. Например, в стихотворении В. Хлебникова «**О, достоевскиймо бегущей тучи!..**», *пушкиноты* (В. Хлебников «**О, достоевскиймо бегущей тучи!..**»), *молоткастый* (В. Маяковский «Паспорт»).

4. Окказионализмы, основным признаком которых является их функциональная одноразовость, создаваемые адресантом в потоке речи, отсутствуют в языковом сознании адресата. Окказиональные слова изначально рассчитаны на то, что они будут не вполне понятны получателю. Как и всякое отклонение от привычного, окказионализмы привлекают внимание реципиента, который квалифицирует их как нечто необычное, как некое новое слово. Окказионализмы в общем случае выключены из процесса исторического развития языка, а потому независимо от времени своего создания, они сохраняют свою новизну, воспринимаются носителями языка как новое. Функционально одноразовые окказионализмы создаются и существуют только в строго определённом контексте и вне этого контекста не воспроизводятся. Считается, что окказионализмы существуют ровно столько, сколько существует данный конкретный контекст. Уникальность и невозпроизводимость окказионализмов имеет следствием нефункционирование этих новообразований вне контекста и ситуации, в которых они были созданы. Принципиальное отличие неологизмов от окказионализмов проявляется в многократных актах воспроизведения и функционирования неологизмов в различных коммуникативных ситуациях носителями языка, а также функционированием неологизмов в различных контекстах и разных типах текстов.

Окказионализмы, являясь «чисто речевыми фактами» периферийной лексики, не входят в общее употребление, хотя потенциальное включение в пласт вышеуказанной лексики вполне возможно.

В каждом отдельно взятом окказионализме воплощается соответствующий концепт.

Проанализируем концепт «**Сумасшедшинка**». Его лингвальный маркер – окказионализм – выделяем из стихотворения Е. Евтушенко:

*Я лез из кожи вон в борьбе
со здоровым смыслом, как воитель,
но сумасшедшинки в себе
я с тайным ужасом не видел...*

Существительное **сумасшедшинка** обладает всеми чертами окказиональной единицы. Оно образовано при помощи традиционного словообразовательного средства – суффикса *-к-* со значением «нечто небольшое, маленькое» – по окказиональной словообразовательной модели – основа прилагательного + наращение *ин* + суффикс *-к-*.

Слово **сумасшедшинка**, являясь лингвальным маркером концепта, означает свойство человеческого характера. Структура слова (суффикс *-к-* со значением «нечто небольшое, маленькое») показывает, что данное свойство проявляется в небольшой степени, слабо выражено.

Концепт занимает одно из мест в архетипической модели мира, что воплощается в представлениях человека о самом себе и окружающем мире (связь с безумным, сумасшедшим началом характера славянина, в особенности личности, живущей в 60-е годы XX века, противостоящей закостенелости социалистического общества во всех сферах его существования; Евгений Евтушенко был поэтом-шестидесятником).

Концепт **сумасшедшинка** – это культурно маркированный вербализованный смысл, который представлен в плане выражения рядом языковых и речевых реализаций,

образующих соответствующие лексико-семантическую и когнитивную структуры. Лексические единицы и их сочетания, в которых реализуется концепт, объединяются общей фреймовой моделью, формируют субфреймы: атрибутивный субфрейм (например, *удивительная сумасшедшинка, убийственная сумасшедшинка, губительная сумасшедшинка, весёлая сумасшедшинка* и т.п.), глагольный субфрейм (например, *путь от сумасшедшинки, впасть в сумасшедшинку, поймать сумасшедшинку, обладать сумасшедшинкой* и т.п.). Кроме того, во фрейме представлены семантические маркёры, которые соответствуют номинативной единице; очень часто они воплощаются в языке / речи, основываясь на концептуальных оппозициях типа *светлый / темный, правильны / неправильный* и т.п. Заметим, что реализации данных концептуальных оппозиций непременно характеризуются коннотацией; это обусловлено семантической валентностью лингвального воплощения исследуемого концепта.

Например, в окказионализме В. Хлебникова *свиристели* находит отражение конкретный авторский концепт.

Комплекс окказионализмов конкретного автора представляет собой особую авторскую концептосферу или – более узко – концептосферу определенного литературного произведения. Например, концепты *свиристели, времири, поюны* и т.п. [31, с. 150] составляют концептосферу отдельного стихотворения «Там, где жили свиристели».

С другой стороны, неоднозначным является вопрос о принадлежности окказионализмов концептосфере конкретного языка. Это обусловлено особенностями указанных единиц: происхождением, употреблением, отсутствием в активном словаре говорящего и т.п.

Однако мы убеждены, что одновременно с актуализацией того или иного литературного произведения, изобилующего окказионализмами, посредством его популяризации актуализируется и его окказиональный аппарат, становясь достоянием культуры данного языка. А.С. Пушкин, обращаясь к своим друзьям, упоминает в эпиграмме товарища по лицу Кюхельбекера: «...Так было мне, мои друзья, и кюхельбекерно, и тошно» (Пушкин, 1819). В письме Лике Мизиновой А.П. Чехов писал: «У нас природа грустнее, лиричнее, *левитанистее*...» (Чехов, 1894). Носителю другого языка будет непонятен смысл этих фраз из-за отсутствия русского «культурного кода», отсутствия необходимой концептосферы, включающей все необходимые составляющие русского сознания.

Ещё один путь организации концептосферы окказионализмов мы видим в явлении лексикализации этих самых окказионализмов; решение проблемы лексикализации.

Таким образом, можно предположить, что комплекс окказионализмов, отражающих соответствующие концепты отдельно взятого языка, составляет концептосферу окказионализмов данного языка.

Изучение языка художников слова является перспективным направлением современной лингвистики. Теоретическая ценность исследования подобного рода заключается в разработке концептуального направления лингвистики применительно к авторскому языку художественной литературы определённого периода. Это предполагает разработку комплексной методики изучения концептосферы художественного текста, которая позволяет максимально полно очертить круг когнитивных элементов, а также максимально широко определить стоящие за ними семантико-структурные образования.

Предложенный подход позволит в дальнейшем продолжить изучать концептуальную структуру художественного текста. Теоретическая ценность

подобного исследования позволит разрабатывать в будущем новые подходы к изучению когнитивных основ творческого мышления, взаимодействия языка и культуры, а также более серьёзно подойти к описанию этнокультурных особенностей картины мира разных народов.

Можно выделить восемь направлений возможных лингвистических исследований рассматриваемого объекта:

- 1) язык отдельных произведений;
- 2) изучение словарного состава художественных текстов;
- 3) изучение средств художественной изобразительности (тропов и фигур);
- 4) анализ отдельных пластов лексики или групп слов;
- 5) описание специфики использования отдельных слов и сочетаний;
- 6) язык переводов;
- 7) лингвистический анализ иноязычного пласта;
- 8) сопоставительные описания.

Актуальность такого рода исследований обусловлена следующими тремя ведущими факторами:

1) лингвистическая концептология – это одно из наиболее интенсивно развивающихся направлений современного языкознания. Вместе с тем, многие вопросы этой области остаются дискуссионными. Это касается, в частности, определения базовых понятий этой области знания (в том числе «художественный концепт»), соотношения когнитивного и аксиологического подходов к моделированию концептов;

2) важностью изучения ментальных понятий индивидуума через языковые репрезентации;

3) необходимостью изучения художественной концептуализации – художественного мышления – вытекающей из мыслительного процесса особого типа. Этому вопросу в парадигме исследований современной лингвоконцептологии, как нам кажется, не уделяется достаточного внимания.

Естественно, любой концепт, выраженный окказионализмом, берёт своё начало в том или ином художественном произведении. Путь от авторского деривата к маркёру концепта окказионализм проходит благодаря читателям. Именно читатель затем в общении передаёт информацию о понятии, выражаемом окказионализмом, людям, совершенно не знакомым с данным произведением.

На наш взгляд, опираясь на выявленные особенности, целесообразно анализировать тот или иной концепт по следующей схеме.

1. Значение лингвального маркёра концепта–окказионализма.
2. Место концепта в культурном пространстве.
3. Единицы, в которых реализуется данный концепт.
4. Наличие концептуальной метафоры.
5. Этимологические особенности.

Когнитивная лингвистика одной из своих задач рассматривает построение иерархических связей концептов с целью моделирования концептосферы в когниции индивидуума для анализа и прогнозирования процессов, происходящих в сознании человека или общества в целом. При этом лингвисты-когнитологи не преследуют цели упрощения процесса интерпретации, его автоматизации, а рассматривают возможности новых интерпретаций смыслов концептов, их связей, новых способов выражения концептуального содержания, как в случае нашего исследования. Окказионализм как один из наиболее ёмких, точных, конкретных и образных способов реализации содержания концепта.

Учитывая, что природа концепта, выраженного окказиональной единицей, очень изменчива и не поддаётся непосредственному наблюдению, иерархия концептосферы, в которую включён данный концепт, может быть относительной. Концепты, находящиеся в такой иерархии, вступают в различные отношения, такие как: подчинённость, включённость, смежность, противоположность и пересечение. И в ходе детерминирования когнитивных признаков концепта они могут приобретать ещё и новые признаки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алаторцева С.И. Проблемы неологии и русская неография: автореф. дис. д-ра филолог. наук / С.И. Алаторцева. – СПб. : РА, Ин-т лингвист. исследований. – 1999. – 40 с.
2. Александрова О.И. Неологизмы и окказионализмы // Вопросы русского современного словообразования, лексики и стилистики / О. И. Александрова. – Куйбышев : Научн. тр. Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1974. – 145 с.
3. Александрова О.И. Поэтическое словотворчество: К проблеме единиц художественной речи / О.И. Александрова. – Л., 1973.
4. Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2-х т. / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 472 с.
5. Алешина Л.В. Функции и задачи словарей авторских новообразований / Л.В. Алешина // Учёные записки Орловского государственного университета. – 2014. – № 5 (61). – С. 166–168.
6. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С.37–67.
7. Бабенко Н.Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ : учебн. пособие / Н. Г. Бабенко. – Калининград: Калинингр. ун-т., 1997.
8. Брагина А.А. Неологизмы в русском языке. Пособие для студентов и учителей / А.А. Брагина. – М.: Просвещение, 1973.
9. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные труды по русскому языку / Г.О. Винокур. – М. : АН СССР, 1959. – С.107–119.
10. Габинская О.А. Типология причин словотворчества / О.А. Габинская. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. – 153 с.
11. Григорьев В.П. Поэтика слова : на материале русской советской поэзии / В.П. Григорьев. – М. : Наука, 1979. – 343 с.
12. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование / А.А. Залевская. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990.
13. Земская Е.А. Окказиональные и потенциальные слова в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования / Е.А. Земская. – Самарканд, 1972. – С. 19–28.
14. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь / Е.А. Земская. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 686 с.
15. Земская Е.А. Словообразование как деятельность / Е.А. Земская; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М : Наука, 1992. – 220 с.
16. Лопатин В.В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования / В.В. Лопатин. – М., 1973. – 152 с.
17. Калинин А.В. Лексика русского языка 3-е изд. учебник / А.В. Калинин. – М. : Московский университет, 1978. – 232 с.
18. Кодухов В.И. Введение в языкознание учебник для пед. ин-тов по спец. 2101 "Рус. яз. и лит." / В.И. Кодухов – М. : Просвещение, 1979. – 351 с.
19. Котелова Н.З. Предисловие. Новые слова и значения. Словарь / Н.З. Котелова. – Л. : Наука. – 1983.
20. Карасик В.И. Этноспецифические концепты / В.И. Карасик // Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово, 2004.
21. Кубрякова Е.С. Язык и знание. Рос. академия наук. Ин-т языкознания / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
22. Лыков А.Г. Современная русская лексикология. Русское окказиональное слово: Учебн. пособие для филол. факультетов ун-тов. / А.Г. Лыков. – М.: ВШ, 1976. – 119 с.
23. Лыков А.Г. Русское окказиональное слово. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. / А.Г. Лыков – М., 1972. – 59 с.

24. Намитокова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект / Р.Ю. Намитокова. – Ростов н/Д, Изд-во Ростовского ун-та, 1986. – 156 с.
25. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – С.40–76.
26. Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии. Монография / С.И. Тогоева. – Тверь : ТГУ, 2000. – 155 с.
27. Тогоева С.И. Новое слово: Подходы и проблемы / С.И. Тогоева // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека. – Тверь, 1999. – С. 75–101.
28. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М., 1996. – 224 с.
29. Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография / Н.И. Фельдман // Вопросы языкознания. – 1957. – № 4. – С. 64–73.
30. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. Учебник / М.И. Фомина Современный русский язык. Лексикология. Учебник. – М., 1972, 2009.
31. Хлебников В. Собрание произведений Велимира Хлебникова / В. Хлебников. – Л., 1930. – 1762 с..
32. Шмелёв Д.Н. Современный русский язык. Лексика. Учебник / Д.Н. Шмелёв Современный русский язык. Лексика. – М., 1977. – 335 с.
33. Ханпира Э. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы Э. Ханпира // Вопросы языкознания. – 1984. – № 1. – С. 47.
34. Ханпира Э. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании Э. Ханпира // Развитие словообразования современного русского языка. – М., 1966.

Поступила в редакцию 27.11.2019 г.

TO THE PROBLEM OF RESEARCH OF OCCASIONALISMS IN THE ASPECT OF COGNITION

I.A. Suslova

The article considers the problem of occasionalisms study through the aspect of cognition. The notion of the concept is disclosed. The usage of occasionalisms in the literature and their belongance to definite concept are analysed. The definition of occasionalisms units' concept and the scheme of the definite concept analysis are given.

Key words: occasionalism, concept, conceptosphere, neologism, semantic unit.

Суслова Ирина Александровна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Преподаватель кафедры лингводидактики международного факультета.
E-mail: irina.al.su@mail.ru.

Suslova Irina Alexandrovna.

Donetsk National University. Teacher of the Department of Linguodidactics of international faculty.
E-mail: irina.al.su@mail.ru.

УДК 81'42

ПРИЧИНА КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ АДРЕСАТОВ ТРОЛЛИНГОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В ВИРТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ НОВЫХ МЕДИА

© 2019. А.О. Якель

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье идет речь о специфике троллинговой коммуникации в виртуальном дискурсе новых медиа. Разработана схема коммуникативного взаимодействия тролля и адресатов троллингового сообщения. Определено, что причиной коммуникативных неудач адресатов троллинговой коммуникации является игнорирование иллокутивной стороны коммуникативных актов, порождаемых троллем. Защитить аудиторию СМИ, размещенного на площадке нового медиа, можно, учитывая коммуникативное намерение тролля.

Ключевые слова: троллинговый комментарий, новые медиа, информационное воздействие, виртуальный дискурс, социальные сети

В условиях информационной войны в виртуальном дискурсе новых медиа важную роль в формировании общественного мнения играет троллинговая коммуникация. Противодействие публикуемым троллями в формах обратной связи текстам требует не только размещения контраргументационных сообщений, опровергающих опубликованные вбросы и уводящие от темы троллинговые комментарии (УТТК), но и прямого коммуникативного взаимодействия с троллем.

Альтернативным способом информационного противодействия может служить строгая модерация, предполагающая удаление из сообществ фейковых аккаунтов, которые используют тролли для реализации своих прагматических задач. Однако данный вариант решения проблемы может быть малоэффективным по двум причинам:

1. Тролль не всегда использует «толстые», очевидные способы информационного воздействия (например, опубликование агрессивных троллинговых комментариев). Наоборот, применяет «тонкие», малоочевидные с позиции восприятия троллинга приемы (например, эльфинг или размещение уводящих от темы троллинговых комментариев). Удаление такого аккаунта администрацией соцсетевого сообщества-СМИ может рассматриваться как проявление цензуры, неприятие альтернативного мнения, что негативно скажется на имидже новостной площадки.

2. Борьба с троллингом может вестись на социально-сетевых новостных платформах, к модерации которых у противоборствующих сторон нет доступа.

Следовательно, **актуальностью данной статьи** является необходимость разработки эффективных методов противодействия спланированным троллинговым атакам на СМИ, осуществляющих свою деятельность в виртуальном дискурсе новых медиа. К тому же адресат троллинговой коммуникативной деятельности (а также администраторы сообществ в социальных сетях) не способен успешно противостоять информационной агрессии без понимания прагматических особенностей речи тролля.

Целью статьи являлось определение причин коммуникативных неудач адресатов троллинговых коммуникативных актов, реализуемых в виртуальном дискурсе новых медиа. Для разрешения указанной проблемы были выполнены следующие **задачи**: разработана и описана модель троллинговой коммуникации в дискурсе новых медиа, определен способ противодействия троллингу.

Для точного определения коммуникативной ситуации, в которой пользователь-провокатор реализует свою деятельность необходимо определить понятие «троллинг».

Современный интернет-дискурс поделен на ряд субдискурсов. Один из них – комментарии, оставленные в формах обратной связи в социальных сетях. В пределах обычного общения и реакции на посты существует также троллинговая коммуникация – намеренная провокация адресатов на агрессию, проявление сильных эмоций пользователями: «Глобальная виртуализация современных средств коммуникации приводит к тому, что Интернет становится наиболее привлекательным ресурсом для манипуляции большими сообществами. Троллинг в этой стратегеме рассматривается как пусковой механизм жесткой провокации, создания ситуации скандала» [5, с. 49].

Троллинговая коммуникация как объект исследования представлена в работах Л.Р. Абдуллиной, Е.В. Артамонова [1], Е.И. Булатовой [4], Р.А. Внебрачных [5], Т.А. Воронцовой [6], А.А. Коренной, В.А. Мазуровой и М.А. Стародубцевой [7], А.А. Немыки и А.А. Ушакова [8], Л.Н. Синельниковой [9], А.А. Шмакова [11] и многих других. Однако большое число работ не позволяет на сегодняшний день выработать единое мнение по поводу представленного явления.

Так, мы в своей работе не рассматриваем троллинг как получение «некоторой формы удовлетворения потребностей самореализации и признания» [5, с. 50]. Анализируемые нами примеры сетевого троллинга появились в рамках информационной войны и являются спланированными коммуникативными действиями, направленными на формирование общественного мнения. Также мы не будем воспринимать троллинг как сетевую коммуникативную практику, которая «продолжает традиции карнавальная смеховой культуры, описанной М.М. Бахтиным, закрепляя традиции пародирования, иронии, скоморошества и шутовства» [4, с. 78] Однако мы разделяем выводы, полученные Т.В. Алтуховой, что «использование различных языковых и графических средств для передачи эмоционального компонента имеет карнавальную сторону: оно является способом создания виртуальной личности, отличной от реального пользователя Сети» [3, с. 108]. То есть создание виртуальной личности не является формой развлечения, а выступает средством достижения троллем своих прагматических целей.

В условиях социально-политической напряженности, учитывая, что информационно-провокационные действия осуществляются в виртуальном дискурсе новых медиа с целью формирования общественного мнения, стоит принять, что троллинг (троллинговая коммуникация) является коммуникативной технологией и «был взят на вооружение гибридной войны как активный элемент пропаганды и контрпропаганды в области внутренней и внешней политики государств, а также экономической борьбы за рынки сбыта» [7, с. 233]. В данной статье мы будем придерживаться данного определения.

Материалом исследования стали троллинговые комментарии, а также ответы на них, размещенные в формах обратной связи к постам новостного сообщества «Типичный Донецк» в социальной сети «ВКонтакте». Выбор данной группы-СМИ обусловлен высокой коммуникативной активностью подписчиков, а также социально-политической направленностью сообщений, стимулирующей дискуссии среди пользователей.

В основе разработанной нами коммуникативной схемы взаимодействия тролля и адресатов троллингового сообщения лежит модель коммуникации в виртуальном пространстве (рис. 1) созданная И.С. Алексеенко и И.Г. Сидоровой.

Рис. 1. Модель коммуникации в виртуальном пространстве по И.С. Алексеенко и И.Г. Сидоровой

Сущность данной схемы состоит в том, что в виртуальном дискурсе адресат и адресант осуществляют свою речевую деятельность не прямо, а опосредованно. Для этого они создают виртуальные личности. В дальнейшем коммуникативное взаимодействие «происходит не между реальными личностями, а между виртуальными воображаемыми партнерами, т. е. виртуальными языковыми личностями» [2, с. 200].

Данная модель подтверждается в исследовании Т.В. Алтуховой и Н.Б. Лебедевой. Вследствие того, что между коммуникантами есть технические средства, воспроизводящие мультимедийный контент, на каждой отдельной площадке существуют свои правила и формы осуществления коммуникации, позволяющие отправлять и принимать данные в любом необходимом виде [3, с. 105]. В том числе для осуществления речевой деятельности необходимо создать аккаунт, который в дальнейшем будет отождествляться с личностью участника коммуникации.

Благодаря такому свойству как анонимность, виртуальный образ формируется на основе выборочных данных. Можно предположить, что часть или даже вся информация может быть вымышленной: «Специфический признак образа коммуниканта в виртуальной среде – физическая непредставленность, провоцирующая проявление анонимности и возможности формирования виртуального образа, отличного от реального человека, его создавшего» [3, с. 106]

Исходя из того, что тролль всегда использует вымышленную виртуальную личность, соответствующую потенциальным коммуникативным ситуациям, взаимодействие между троллем и обычными участниками полилога осуществляется по нижепредставленной схеме.

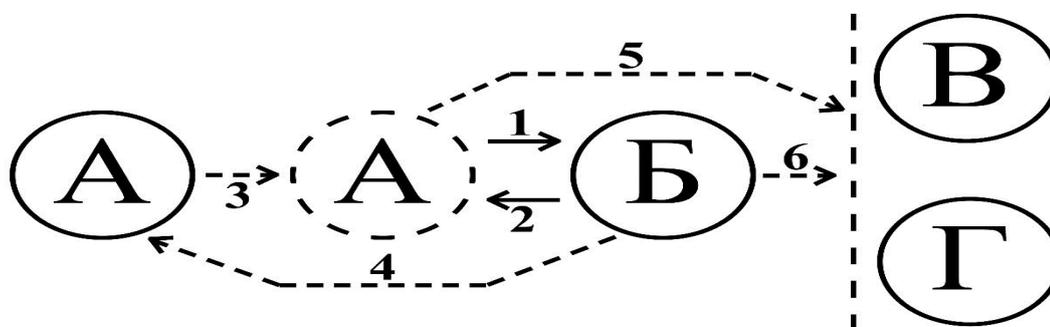

Рис. 2. Коммуникативная схема взаимодействия тролля и адресатов троллингового сообщения

В данной модели тролль обозначен литерой «А», адресат троллинговой коммуникации – литерой «Б». Под «Б» и «Г» подразумеваем условных наблюдателей (пассивных участников коммуникации, наблюдающих за взаимодействием «А» и «Б»). Стрелки указывают на осуществляемые коммуникативные акты (стрелки со сплошной линией – видимая сторона коммуникативного взаимодействия, локутив; пунктирные стрелки – реальное коммуникативное намерение участников троллинга, иллюкутив).

В рассмотренных нами примерах тролль идентифицировался по трем параметрам: публичность, анонимность, провокационность. Публичность предполагает, что тролль никогда не оставляет соответствующих комментариев в формах обратной связи к постам, где до него никто не разместил ни одного сообщения. Также остаются без внимания публикации, которые комментируются неактивно: между опубликованными сообщениями большая временная дистанция (более часа), общее число откликов не превышает 10 первичных комментариев.

Несмотря на то, что участник коммуникации в виртуальном дискурсе новых медиа создает виртуальную личность, за ней в любом случае стоит реальный человек. И если элементы образа или передаваемая информация могут быть вымышленными (ложными, фейковыми), то намерения всегда являются истинными, но не очевидны на первый взгляд.

Рассмотрим порядок троллинговой коммуникации. Тролль создает соответствующее сообщение (коммуникативный акт №1 на рис. 2) и локутивно позиционирует его либо как реакцию на опубликованный в сообществе пост, либо как ответ на сообщение другого пользователя. В любом случае провокационный характер представленного сообщения стимулирует ответ активного пользователя (коммуникативный акт №2). Зачастую тролль реализует свое коммуникативное намерение и получает реакцию, а адресат, вступивший в диалог, испытывает коммуникативную неудачу (вне зависимости от того, какой речевой жанр использует: агрессивный комментарий, троллинговый комментарий и т. д.).

Так происходит по причине того, что виртуальная личность (на схеме «А», обведенная пунктирной линией) является фейком реального адресанта коммуникации («А», обведенная сплошной линией). Тролль ретранслирует сообщения опосредованно. Между его реальной личностью и виртуальной существует разрыв (стрелка №3 на рис. 2).

Можно предположить, что противодействие троллю будет эффективно в том случае, когда ответный коммуникативный акт адресата будет направлен на реальную личность тролля. Однако учитывая виртуальность и анонимность дискурса, такое коммуникативное действие не представляется возможным.

Рассмотрим пример. Под публикацией «В ДНР планируют ввести новую платежную систему» размещен следующий полилог (прим. – тут и далее сохранены авторская орфография, грамматика, лексика, синтаксис и пунктуация): Сергей Николаевич: «В США за сожжение Корана священнослужитель получил штраф в \$270, а защитник традиционных ценностей за сожжение флага ЛГБТ – 15 лет лишения свободы. Це американские ценности»; Алексей Стафиевский: «Сергей, пруф можно?»; Сергей Николаевич ответил Алексею «Алексей, шо за слабоумие просить пруф находясь в интернете?»; Денис Деревянко ответил Алексею: «Алексей, откуда у свинособак то пруфы»; Аня Ликова: «Сергей, ну да, вторая новость чувак зашёл на частную территорию, сжѐг чужую вещь, а на суде говорил что если его отпустить он и церковь сожжѐт где и сорвал тот флаг. И он к тому же рецедивист, он уже два раза что-то поджыгал. Я бы тоже хотела что бы таких ненормальных саджали подальше от нормального общества»; Сергей Николаевич ответил Ане: «Аня, надо брать пример с Украины. В ней людей сжигают и это их веселит. При этом остаются на свободе. Это третья новость».

В данном полилоге комментатор, предположительно являющийся троллем, опубликовал УТТК, ответ на встречный коммуникативный акт не дал. После появления в ветке комментариев нескольких участников снова опубликовал УТТК, дополнив предыдущее сообщение. Троллинговая цель достигнута.

Еще один пример несколько иного диалога, соответствующего разработанной нами схеме, можно найти под постом «Пушкин посмертно наградил российских журналистов знаком отличия „Георгиевский крест“ IV степени»: Капитан Смоллетт: «Весенний призыв 2019 года на Украине оказался скандальным. В разных городах страны – Киеве, Одессе, Харькове, Черкассах – военкоматы, чтобы выполнить план, хватали юношей призывного возраста прямо на улицах. Военком Херсона Александр Зиньковский рассказывал в начале июня, что в их городе счет уклонистов идет на тысячи. А заместитель председателя райгосадминистрации Дрогобычского района Львовской области Руслан Щерба 31 мая требовал привлечь полицию к отлову уклонистов. От агрессора кто будет защищаться?))))»; Андрей Фермер: «Капитан, жертва пропаганды, призывников в зону боевых действий не отправляют»; Капитан Смоллетт ответил Андрею: «Пха пхаха, срочную пройди и вред, че от военкомата прячешься, жертвы мокрых шаровар))»; Андрей Фермер ответил Капитану: «Капитан, д***л, я свою срочную прошел 36 лет назад. А что там в твоих галлюцинациях происходит иди доктору расскажи, может поможет»; Капитан Смоллетт ответил Андрею: «Пха ха ха ха, так че не идешь в вуз, в донецкие пенсионеры в окопах сидят, на неньку напали российские оккупанты, да и речь не о тебе, а о всех призывниках, или у вас там все 36 лет назад проходили срочную?))) в Ивано Франковске даже 460 человек набрать не могут, не отправляют на Донбасс, но все боятся, странно да, что же им угрожает интересно))»; Андрей Фермер ответил Капитану: «Капитан, ты просто тупой, поэтому размышлять не в состоянии. Не видит молодежь смысла тратить свое время на протирание штанов в армии, когда современный мир полон соблазнов».

В данном примере автор первого сообщения, предположительно являющийся троллем, разместил УТТП провокационного содержания, а далее последовательно размещал сообщения, которые вывели из эмоционального равновесия адресата, первого отреагировавшего на первый комментарий. Учитывая специфику аудитории сообщества «Типичный Донецк» в социальной сети «ВКонтакте», где представители нескольких групп, разделенных по политическим взглядам, быстро реагируют на информационные выпады в свою сторону, тролль предположительно пытался спровоцировать конфликтный полилог – основу для дальнейшего размещения сообщений с заведомо ложным содержанием.

Получается, в двух приведенных примерах тролли направляли локутивно свои комментарии по коммуникативному вектору от одного к одному, иллюкутивно пытаясь зацепить пассивных наблюдателей и активных участников обсуждения публикации (стрелка № 5 на рис. 2), размещенной выше. Следовательно, мы можем заключить, что наиболее эффективным действием будет при внешней направленности на тролля адресовать ответные сообщения пассивным участникам ветки обсуждения (стрелка № 6 на рис. 2).

Таким образом, причиной коммуникативных неудач адресатов троллинговой коммуникации является игнорирование иллюкутивной стороны коммуникативных актов, реализуемых троллем. Чтобы создать эффективные методы противодействия троллинговой агрессии, необходимо учитывать не только виртуальность образа тролля, но и его коммуникативные намерения. Удаление аккаунтов троллей не будет эффективной мерой при слабой модерации, а также отсутствии доступа к администрированию сообщества. Однако троллингу можно противодействовать,

защищая свою аудиторию, направляя в ее сторону свои сообщения. Так, тролль, который пытается вывести из эмоционального равновесия аудиторию, спровоцировать конфликт, не сможет вбросить негативную информацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллина Л.Р. Особенности троллинга в интернет-комментариях к новостной статье (на материале французского языка) / Л.Р. Абдуллина, Е.В. Артамонова // Вестник ВятГУ. – 2017. – №11. – С. 185–188.
2. Алексеенко И.С. Специфика интернет-опосредованной коммуникации и феномен виртуальной языковой личности / И.С. Алексеенко, О.Ю. Гукосьянц // Политическая лингвистика. – 2014. – №4. – С. 193–202.
3. Алтухова Т.В. Виртуальное общение: новый этап развития письменной коммуникации / Т.В. Алтухова, Н.Б. Лебедева // Вестник КемГУ. – 2012. – №1. – С. 105–111.
4. Булатова Е.И. Сетевые коммуникативные стратегии: троллинг // Вестник СПбГУК. – 2017. – №2 (31). – С. 75–78.
5. Внебрачных Р.А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах / Р.А. Внебрачных // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2012. – №1. – С. 36–39.
6. Воронцова Т.А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации / Т.А. Воронцова // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2016. – №2. – С. 109–116.
7. Коренная А.А. Гибридный троллинг как метод ведения информационной войны и техника борьбы с ним / А.А. Коренная, В.А. Мазуров, М.А. Стародубцева // Известия АлтГУ. – 2018. – №6 (104). – С. 232–237.
8. Немыка А.А. Дискурсивное пространство текста: троллинг как элемент некооперативной речевой стратегии современной интернет-коммуникации / А.А. Немыка, А.А. Ушаков // Полилингвистичность и транскультурные практики. – 2012. – №4. – С. 68–71.
9. Синельникова Л.Н. Дискурс троллинга / Л.Н. Синельникова // Дискурс-Пи. – 2016. – №3–4. – С. 271–279.
10. Широких Е.А. Причины коммуникативных неудач в интернет-дискурсе / Е.А. Широких // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2016. – №3. – С. 86–92.
11. Шмаков А.А. Речевые тактики девиантного коммуникативного поведения пользователей сети Интернет / А.А. Шмаков // Экология языка и коммуникативная практика. – 2015. – №1. – С. 293–305.

Поступила в редакцию 02.12.2019 г.

REASON OF COMMUNICATIVE FAILURES OF TROLLING COMMUNICATION ADDRESSEES IN THE VIRTUAL DISCOURSE OF NEW MEDIA

A.O. Iakel

The article deals with the specifics of trolling communication in the virtual discourse of new media. The scheme of communicative interaction between the troll and the trolling message recipients is worked out. It is determined that the cause of communicative failures of trolling communication recipients is ignoring the illocutionary aspect of communicative acts generated by the troll. It is possible to protect the audience of the media placed on the site of the new media, taking into account the communicative intention of the troll.

Key words: trolling comment, new media, information influence, virtual discourse, social networks.

Якель Алексей Олегович.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Старший преподаватель кафедры журналистики.
E-mail: ayakel@narod.ru

Iakel Aleksey Olegovich.

Donetsk National University.
Senior lecturer of the Journalism Department.
E-mail: ayakel@narod.ru

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ АФФЕКТИВНО-ОЦЕНОЧНОГО КОМПОНЕНТА Я-КОНЦЕПЦИИ СТУДЕНТОВ С ОВЗ

© 2019. *А.А. Кацера*

ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет им. Л.Н. Толстого»

В статье рассматриваются особенности аффективно-оценочного компонента Я-концепции студентов с ограниченными возможностями здоровья; обсуждается вопрос развития этой составляющей личности; уделяется внимание необходимости психологического сопровождения на этапе первичной профессионализации, частью которого является комплексная работа, направленная на позитивизацию системы самооценок молодых людей с ОВЗ.

Ключевые слова: Я-концепция, студенты с ограниченными возможностями здоровья, самооценка, психологическое сопровождение.

Переход к новой парадигме высшего образования, где особое место отводится созданию среды для получения необходимых профессиональных знаний, умений, навыков людьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), предполагает обновление не только содержания, форм организации, способов обучения, но и работу по развитию социально-профессионального аспекта Я-концепции студента. При погружении молодого человека с ОВЗ в образовательную среду вуза, сопровождении, адаптации к ней, необходимо учитывать специфические особенности формирования и развития его личности. Так как наличие хронических заболеваний связано с серьезными функциональными ограничениями возможностей адаптироваться к изменяющимся условиям, ролям, кругу общения, строить нормальные взаимоотношения с окружающими, это приводит к вторичным изменениям личности (Я-концепции, самоотношения, ... ?).

Одной из ведущих функций учебного процесса в высшем учебном заведении является развитие будущего профессионала как личности. При этом, в центре внимания находится позитивная Я-концепция. Она определяется такими эмпирическими показателями как высокая когнитивная сложность, дифференцированность образов Я, профессионально-ролевая идентификация (Я – будущий специалист в области..., Я – педагог-психолог, Я – профессионал), относительная устойчивость, внутренняя целостность, согласованность Я-реального с Я-зеркальным и Я-идеальным. Аффективную составляющую Я-концепции по своей сути выполняет самооценка. Самооценка является результатом проекции Я-реального на Я-идеальное. Аффективно-оценочный компонент отражает отношение человека к себе в целом или к отдельным сторонам своей личности и проявляется в системе оценок своих возможностей, качеств, поступков, жизненных целей и места среди других людей, формируя уникальный «набор самооценок».

Особенности Я-концепции студентов с ОВЗ связаны с низким уровнем самоуважения, самоинтереса. Причиной часто является влияние переживания

физического дефекта, ограничений функциональных возможностей на самооценку личности, восприятие этого дефекта как дефекта собственного Я.

Анализ исследований, направленных на изучение источников формирования и развития самооценки показал, что они изменяют свой вес на разных этапах становления личности: оценка Других; референтная группа или круг значимых Других; актуальное сравнение с другими; сравнение Я-реального с Я-идеальным [2, 8]. Сам процесс развития самооценки проходит два этапа (П.Р. Чамата): на первом этапе человек, оценивая себя, как правило удовлетворяется оценкой своих действий и поступков; на втором этапе в область самооценки личностью вносятся внутренние состояния, моральные качества личности. Формирование второго этапа (или высшего уровня самооценки) начинается в юношеском возрасте и продолжается по мере накопления социального опыта, умственного совершенствования, развития самосознания [4]. Инструментом развития самооценки в период взросления сначала выступает идентификация себя с Другими, потом – способность оперировать собственными оценками. Процесс такого становления во времени не имеет заданных границ, поскольку личность постоянно развивается. В результате изменяются способы образования самооценки, содержание, степень её участия в регуляции поведения в различных жизненных ситуациях и профессиональной деятельности.

По мере взросления, профессионального становления оценочные процессы все больше помогают молодым людям, обучающимся в вузе, в самоактуализации. Ведь самооценка напрямую связана с потребностью в самоутверждении (В.В. Столин), что определяется отношением реальных достижений личности к тому, на что она претендует [7]. Естественным для учебно-профессиональной деятельности является стремление к таким результатам, которые согласуются с самооценкой. Регуляционная роль самооценки проявляется в выборе целей в процессе обучения профессии. Если по мнению молодого человека его особенности и качества способствуют достижению мечты, то «Я» оценивается позитивно, если нет – негативно. Самооценка повышается, когда притязания реализуются, и наоборот. Поэтому для личности так важно достижение актуальных целей, исполнение мечтаний на этапе вступления во взрослость [5]. Учебно-профессиональная деятельность детерминирует развитие у личности нового уровня отношения к себе, меняет критерии и основания для самооценки [3]. С точки зрения феноменологического подхода Я-концепция отражает то, каким человек видит себя в связи с разными ролями, играемыми в жизни. Эти ролевые образы и их оценка формируются в результате усложняющихся транзакций.

Постепенный рост осознанного самовосприятия в студенческие годы ведет к тому, что представления о самом себе и оценки себя становятся относительно устойчивыми в структуре целостной личности – социализированной, и, в тоже время, отличной от других людей (Э.М. Калюжная) [4]. Как показало исследование с применением методики В. Стефансона «Q-сортировка», для такого развития характерно:

- усиление тенденции к независимости – у студентов снижается внутреннее стремление к принятию групповых стандартов и ценностей;
- снижение тенденции к контактности, стремление создавать широкие эмоциональные связи в группе и за ее пределами;
- снижение тенденции к «борьбе» – больший вес приобретает нейтралитет в ситуации споров и групповых конфликтов, появляется склонность к компромиссным решениям, уменьшается степень активного участия в групповой жизни; повышается уровень самоуважения благодаря эмоциональному и содержательному объединению

веры в себя, умению видеть собственные сильные и слабые стороны, оценке своих возможностей контролировать собственную жизнь, быть последовательным.

Студенты с позитивной Я-концепцией отличаются адекватной актуальной и парциальной самооценкой. Сюда входит и оценка своих профессиональных способностей, возможностей, достижений в овладении профессией [6]. В аффективно-оценочном компоненте Я-концепции присутствует высокий уровень самоуважения, развита самокритичность (но без излишней критики и самобичевания). Студенты с такой Я-концепцией эмоционально устойчивы и ожидают позитивного отношения к ним со стороны авторитетных, значимых для них людей. Для них характерны мотивы личностного и учебно-профессионального самосовершенствования.

Для позитивизации аффективно-оценочного компонента Я-концепции студентов с ОВЗ, переживающих трудности в коммуникации, затруднения в построении межличностного взаимодействия, у которых существует риск нарушения социально-психологической адаптации (как правило, связанный с нарушением самопознания, восприятия окружающих, самовосприятия) необходимо построение психологического сопровождения в начале профессиональной социализации [1]. Такая работа строится не только на диагностической и психокоррекционной деятельности. В комплексе с психокоррекцией выступает психопрофилактика, психологическое просвещение профессорско-педагогического состава, единая стратегия по обеспечению благоприятных условий для лиц с ОВЗ на этапе обучения в вузе. Развитие возможно при условии обеспечения студентов средствами самопознания, повышении представлений студентов о собственной значимости, укреплении чувства собственного достоинства, развитии навыков и умений (с учетом их функциональных ограничений), необходимых для предупреждения и преодоления затруднений в учебе, общении, формирование мотивации ответственности за себя, самовоспитания и саморазвития. Такие условия будут способствовать совершенствованию инструментально-экспрессивного механизма личностной саморегуляции. Пути достижения поставленной цели (позитивизация аффективно-оценочного компонента Я-концепции обучающихся с ОВЗ):

- целесообразное насыщение информацией;
- организация конструктивной обратной связи;
- вовлечение в организованную учебную, исследовательскую и общественную деятельность;
- работа с ценностями и смыслами, благодаря которым существует определенная свобода личности от внешних детерминаций, и которыми студент руководствуется в своем выборе,
- снижение влияния таких факторов социальной среды как гиперпротекция, стигматизация, маргинализация.

Таким образом, обсуждая вопрос развития аффективно-оценочного компонента Я-концепции студентов с ограниченными возможностями здоровья, нельзя не отметить, что от его содержания, уровня сформированности, гармоничности, позитивности, от оценки и переживания собственно адаптации молодыми людьми с ОВЗ нового аспекта их бытия – студенчества – зависит восстановление, степень успешности в социальной коммуникации и интеграции, дальнейшее становление личности, т.е. их реабилитационный потенциал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева О.С. Методические основы профориентации инвалидов молодого возраста / О.С. Андреева, Т.А. Знакова, Д.В. Андреев. – Москва : Пилигрим, 2013. – С. 89.

2. Бернс Р. Что такое Я-концепция / Р. Бернс // Психология самосознания: Хрест. / Ред. Д.Я. Райгородский. – Самара : Бахрах-М, 2003. – С.333–393.
3. Залученова Е.А. Самооценка в деятельности студентов. Содержание, формы и методы обучения в высшей школе: Обзор, информ. / Е.А. Залученова. – Москва, 1992. – № 1. – С. 52–58.
4. Калюжна Є.М. Я-концепція як ресурс досягнення цілісності та зрілості особистості / Є.М. Калюжна // Психологія: Вісник ХНПУ ім. Г.С. Сковороди. – Харків : ХНПУ, 2014. – С. 102–112.
5. Кацero А.А. Основные направления и подходы в исследовании самоотношения как личностного образования / А.А. Кацero // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2008. – № 2. – С. 259–266.
6. Павлова А.М. Субъективные особенности студентов с ограниченными возможностями здоровья, препятствующие их успешной адаптации / А.М. Павлова // Молодой ученый. – 2016. – №18. – С. 193–196. – Режим доступа: URL <https://moluch.ru/archive/122/33614/>
7. Столин В.В. Самосознание личности / В.В. Столин. – Москва : Изд-во МГУ, 2004. – 284 с.
8. Шибутани Т. Я-концепция и чувство собственного достоинства. Самосознание и защитные механизмы личности / Т. Шибутани. – Самара : Изд. Дом «Бахрах», 2003. – 650 с.

Поступила в редакцию 02.12.2019 г.

TO THE QUESTION OF DEVELOPMENT OF EFFECTIVELY-ASSESSING COMPONENT OF I-CONCEPT OF STUDENTS WITH HIA

A.A. Katsero

The article discusses the features of the affective-evaluative component of the self-concept of students with disabilities. The question of the development of this component of personality is discussed. A special attention is paid to the need for psychological support at the stage of primary professionalization, part of which is a comprehensive work aimed at positivizing the self-assessment system of young people with disabilities.

Key words: self-concept, students with disabilities, self-esteem, psychological support.

Кацero Анжелика Александровна.

Кандидат психологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого».
Доцент кафедры специальной психологии.
E-mail: katsero@list.ru

Katsero Angelika Aleksandrovna.

Candidate of psychological sciences, docent.
Tula State University named after L.N. Tolstoy.
Associate Professor of the Department of Special
Psychology.
E-mail: katsero@list.ru

УДК 37.013.77

ВОЗМОЖНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ В РАЗВИТИИ ПРАВОПОЛУШАРНОЙ АКТИВНОСТИ И ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ

© 2019. Т.А. Челнокова

ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова»

В статье даётся теоретическое осмысление практического опыта применения психотехник в работе с обучающимися, анализируется возможность повышения качества образования на основе стимулирования правополушарной активности ребенка. В ней представлены некоторые выводы, полученные автором в процессе экспериментального исследования.

Ключевые слова: правополушарная активность, нейропсихология, эйдетические способности, метапредметные и личностные результаты образования.

Проблема качества образования – одна из актуальных проблем, активно развиваемых в научных исследованиях (В.П. Беспалько, И.А. Зимняя, В.В. Краевский, М.Н. Скаткин и др.). Не останавливаясь на самой проблеме и научных дискуссиях вокруг неё, сделаем акцент на позиции ряда авторов, в понимании которых качество есть соотношение цели и результата образования (Б.С. Гершунский, В.И. Загвязинский, М.М. Поташник и др.). Целевые ориентиры современного образования охватывают предметные, метапредметные и личностные результаты, которые должны быть достигнуты обучающимся в процессе освоения образовательной программы. Согласно отмеченной выше точки зрения, показателем качества образования будет приближение предметных, метапредметных и личностных достижений каждого обучающегося к соответствующим показателям результативности. Такое сближение целей и достижений предполагает поиск новых форм и методов педагогической деятельности, анализ действия психологических механизмов взаимодействия человека с информацией и с другими людьми.

Осмысляя и оценивая современную систему образования, нельзя не отметить, что образовательные отношения в ней строятся через активизацию левополушарной активности ребенка, что потенциал правого полушария в обучении и личностном развитии человека оказывается задействован крайне мало. Тем не менее, собственный опыт автора статьи, анализ научных источников позволяют утверждать огромные возможности правополушарной активности, стимулирование которой в процессе обучения будет способствовать повышению общей результативности образования. *Целью исследования*, представленного в настоящей статье, является теоретическое осмысление практического опыта по использованию психологического инструментария в образовательном процессе школы. В течение десяти лет автор статьи, работая в общеобразовательной школе, использовала разнообразный психологический инструментарий в рамках курсов «Человековедение», «Эйдос, история в образах и чувствах», на уроках истории и обществознания. Сегодня пришло время осмысления практического опыта и результатов его реализации с опорой на идеи нейропсихологии и нейропедагогики. Активное развитие нейронауки формирует новую базу для оценки имеющегося опыта, что способствует формированию на его основе новых технологий обучения, которые хорошо вписываются и в требования Федеральных государственных образовательных стандартов общего образования.

Методологической основой исследования являются работы А.Р. Лурия, который считается одним из основоположников нейропсихологии, его идеи о мозговой организации психических процессов (восприятия, движения, памяти, внимания, речи, мышления), о роли полушарий в их организации [1] приобретают особую значимость в попытке спроектировать новые подходы в преподавании школьных предметов. Бесспорную методологическую ценность для нашего исследования имеют выводы о познавательных функциях правого полушария, полученные нобелевским лауреатом Р.У. Сперри. Он и его сотрудники доказали, что правое и левое полушария выполняют различные познавательные функции. Среди полученных ими выводов о роли правого полушария в познании отмечено не только то, что оно способно обрабатывать информацию интуитивно, но и то, что оно лучше справляется с задачами интерпретации зрительных и звуковых образов. Исследования Р.У. Сперри и его коллег доказывают роль обоих полушарий в развитии способности к сознанию и самосознанию, развитию социальных взаимоотношений. Данный факт представляет особую ценность с точки зрения того, что Федеральный государственный образовательный стандарт общего образования, как уже указывалось, выдвигает требования не только к предметным, но и к личностным и метапредметным результатам образования. Среди требований результатов образования – креативность, готовность и способность к саморазвитию, чувство причастности к историко-культурной общности и т.д.(личностные), умение оценивать и интерпретировать информацию с разных позиций и т.д. (метапредметные).

Внедренный в практику экспериментальной работы с обучающимися курс «Эйдос, история в образах и чувствах» был построен на основе применения разнообразных тренинговых техник, среди которых сеансы, психотехнические упражнения, игры. Содержание деятельности формировалось на основе исторических фактов или событий (например, сеанс «Путешествие в античный мир» или игра «Скульптурный памятник строителям пирамид, египетским крестьянам и т.п.»). Таким образом, задания через спонтанно рождающиеся зрительные образы актуализировали учебный материал курса «История», затрагивая и область чувствования. В процессе применения психотехнических упражнений активизировалась работа правого полушария, которое, как пишет Т.Г. Визель, «функционирует по принципу непосредственного чувственного и целостного отражения действительности» [2, с. 45]. В чувственном отражении исторического прошлого нашей Родины на основе психотехник заключен огромный ресурс для пробуждения у обучающихся «причастности к историко-культурной общности российского народа и судьбе России» [3].

Исследования Т.Г. Визель представляют *теоретическую* значимость для проводимого нами исследования. Некоторые из сделанных ею выводов (например, о свойстве правого полушария отражать мир индивидуально) позволяют понять удивительное многообразие образов, рождаемых у обучающихся в процессе сеансов на тренинговых занятиях человековедения или «Эйдос, история в образах и чувствах».

Значимой *теоретической* базой в реализации цели исследования являются и работы по проблемам межполушарной асимметрии (Е.Д. Хомская, В.А. Москвин, Н.В. Москвина и др.). Анализ данных работ позволяет осмыслить возрастные изменения активности полушарий и оценить актуальность педагогических действий по развитию правополушарной активности человека. Используемые в процессе экспериментального исследования учебные задания, в том числе и включенные в ход традиционного урока, строились на основе методов обучения, стимулирующих правополушарную активность:

- метод свободных ассоциаций (напишите ассоциации, которые вызывают у вас следующие понятия: «история», «18 век», «русское общество» и т.п.);

- метод незаконченного предложения: «если бы я был военачальником, то...»; «если бы я был жителем средневекового города, то...», «Я как А.С. Пушкин (А. Македонский, И.Д. Менделеев) ...»;

- эмпатийный метод (эмпатия – умение чувствовать переживания другого человека): «закройте глаза, прочувствуйте свое дыхание...представьте себя в образе ..., прочувствуйте как меняется Ваш облик...»; «...представьте, что у Вас на голове шапка Мономаха, проследите свои ощущения...»;

- метод синектики (сравнение несравнимого): провести сравнение между автомобилем и государством, растением в горшке и обществом и т.п.

Выполнение заданий на основе метода синектики предполагает следование следующему алгоритму: 1. Выделить элементы, образующие целое у известного всем объекта (у автомобиля есть колеса, руль, мотор, двигатель и т.д.). 2. Провести сравнение объектов, используя метод аналогии (что в государстве может выступать в роли колес, руля и т.п.). 3. Социализация результатов индивидуальной, парной или групповой работы над заданием (возможны разные организационные варианты). 4. Работа учителя, который может представить свой вариант или довести до логического обоснования аналогий в сравнении не сравнимого (на данном этапе возможны монологическая и диалоговая формы общения). Включение данного метода в учебную деятельность может способствовать психологической активации у обучающихся творческого процесса, развитию интуиции.

Метод синектики делает возможным совместное проведение уроков, казалось бы, несовместимых предметов, например, химии и истории. В содержание интегрированного урока может быть заложен не только материал об известном химике и его открытии в привязке к определенному историческому промежутку. Важнейшая категория химии «реакция» может стать основой интеграции двух школьных предметов. Наглядность химических реакций может быть использована для аналогии с историческими фактами и событиями. (Реакция замещения – смена династий, правителей периода Смутного времени, реакция соединения – объединение усилий казачества, купечества, крестьянства и т.д. в борьбе против польских шляхтичей...). Благодаря отсутствию каких-либо канонов и свободе ассоциаций создаются условия для развития интуитивного мышления, творческого воображения.

Все вышеназванные методы построены на активности правого полушария, однако выполнение заданий предполагает и активацию левого полушария для рефлексии процесса и результата решения учебных задач.

Название экспериментального курса («Эйдос, история в образах и чувствах») указывает на актуальность обращения к исследованиям, в которых затрагиваются эйдетические способности человека (в отечественной науке В.А. Артемов, П.П. Блонский, Л.С. Выготский и др.). *Теория эйдетических способностей*, которая зарождалась и активно развивалась в трудах Э. Йенши и его сотрудников в 20–40-ые гг. прошлого столетия представляет безусловный интерес в понимании механизмов познания, задействованных в процессе тренинговых занятий. Среди упражнений, применяемых в ходе данных занятий, есть упражнения на развитие образно-чувственного мышления. Представим одно из них: «Закройте глаза, прочувствуйте в себе способность создавать яркие зрительные, слуховые, тактильные образы называемых мною понятий (например, амфора, глиняные таблички, триеры, корона Российской империи...). По завершению – обсуждение. Степень эмоциональности

рассказа о виденных образах свидетельствует о степени развитости эйдетических способностей. При этом опытное исследование автора статьи позволяет утверждать, что данные способности развиваются. Одним из доказательств может служить ситуация, сложившаяся в работе с одним из классов, включенным в эксперимент, когда в рамках открытого занятия в присутствии посторонних автор статьи вынуждена была включить фрагмент сеанса в ход урока, учащиеся легко окунулись в мир образов Англии XVIII века, эмоциональность их воспроизведения виденного стала подтверждением данного выше утверждения. Благодаря активации работы правого полушария изучаемый фрагмент исторического прошлого стал более понятен обучающимся.

Проведенный эксперимент по реализации курса «Эйдос, история в образах и чувствах» в работе с учащимися 5–8-х классов обусловил необходимость анализа исследований относительно эйдетических способностей, эйдетизма, эйдетиков. Нельзя сказать, что данная проблема и названные понятия часто встречаемы в современных психологических или педагогических исследованиях, хотя эти термины есть в работах классиков отечественной психологии (одна из статей А.Р. Лурия называлась «Эйдетизм», эйдетика упоминается в «Педологии» П.П. Блонского). В настоящее время эйдетика больше всего связана с именем И.Ю. Матюгина, основателем школы Эйдетики в Москве, подготовившим большое количество пособий по тренингу эйдетической памяти, воображения и т.д. [4, 5]. Предлагаемые им варианты упражнений можно наполнить содержанием любого учебного предмета, что будет способствовать качеству овладения учебным материалом. Данное утверждение автор статьи делает на основе собственного опыта работа.

В свете целевых ориентиров нашего исследования и на основе анализа научных источников можно выделить ряд понятий, выраженных словосочетанием, образуемых термином, обозначающим психические познавательные процессы, и прилагательным эйдетический (-ая, -ое). Это – «эйдетическая память», «эйдетическое мышление», «эйдетическое воображение», «эйдетический образ». Адаптация идей школы Эйдетики к современным требованиям, к ситуации развития образования открывает новые возможности достижений его качества. Включение упражнений на развитие эйдетических способностей будет способствовать познавательному развитию обучающегося. Модифицируя предлагаемые основателями школы Эйдетики упражнения под учебные задачи своего предмета, педагог сумеет придать изучаемому материалу более яркую окраску, повысить степень успешности обучения за счет включения в учебную деятельность правого полушария.

Проводимое автором статьи эмпирическое исследование носило лонгитюдный характер, охватывая большой временной период. В его процессе

- имел место эксперимент, направленный на повышение качества знаний по истории, за счет внедрения авторского курса «Эйдос, история в образах и чувствах» и применения на уроках истории и обществознания технологий обучения, построенных на основе правополушарной активности;

- осуществлялась диагностика уровня готовности обучающихся к созданию эйдетических образов, наглядно-образному мышлению, релаксации;

- проводились тренинговые занятия личностного роста.

Огромное методическое значения для проведения перечисленных выше учебных мероприятий имели идеи А.А. Вострикова. Разработанные и описанные им методики работы с обучающимися [6, 7] представляют бесспорную ценность для современного образования, которое предполагает применение интерактивных технологий обучения.

Методические разработки автора получили практическое воплощение в работе педагогов, в том числе работающих в начальной школе.

Хочется отметить, что большинство психотехнических упражнений методики А.А. Вострикова ориентированы на эмоционально-волевое развитие, которое лежит в основе саморегуляции, одного из показателей метапредметных результатов освоения образовательной программы ребенком.

Рассматривая возможности применения психологического инструментария для активизации работы правого полушария и повышения качества образования нельзя не вспомнить фразу, произнесенную Роджером Сперри, о том, что «мир внутренних переживаний, который столь долго отвергался материалистической наукой XX века, оказался наконец признанным ею и вошёл в сферу научных исследований» [8]. Психотехнические упражнения, сеансы, игры обеспечивают современному педагогу возможность включить в мир внутренних переживаний ребенка учебную информацию, погрузить его в мир знаний, активировать процесс эмоционально-волевого развития. Стимулирование правополушарной активности, эйдетического восприятия будет способствовать преобразению образовательного взаимодействия, окружающий мир учения может предстать в ярких запоминающихся образах, что сделает учение более успешным. А богатство психотехник обеспечивает большой успех и для приближения реальных школьников к идеально обозначенным метапредметным и личностным показателям результативности освоения образовательных программ.

В ходе проводимого многолетнего экспериментального исследования, которым было охвачено более тысячи обучающихся в возрасте от 9 до 18 лет, были получены некоторые выводы, которые можно представить в качестве основных и дополнительных результатов эксперимента. К основным результатам исследования относятся выводы о том, что

- психологический инструментарий может быть активно использован в процессе обучения, психотехнические игры, упражнения, сеансы способны стимулировать интерес к предмету, включить в познавательные процессы область чувств и эмоций, зрительного восприятия, что повышает качество учения;

- тренинговые занятия, психотехнические приёмы и методики способствуют развитию творческого потенциала, коммуникативности, регулятивных механизмов.

В процессе проводимого эксперимента получены дополнительные выводы, которые нуждаются в дальнейшем исследовании:

- учащиеся последнего десятилетия прошлого столетия и начала этого века демонстрировали способность образно-чувственного мышления, задаваемые зрительные, слуховые, тактильные образы возникали, фактически, с первых словесных погружений в них, исключение составляли обучающиеся с диагнозом задержка психического развития (ЗПР), в группах данных учащихся образы не возникали или были крайне слабыми, одна из причин этого нам видится в нарушениях развития эмоционально-волевой сферы данной категории детей;

- нынешним учащимся погружение в образы дается сложнее, самые простые упражнения («закройте глаза, представьте, что перед вами здесь и сейчас из пола прорастает цветущее растение, оно становится все больше и больше, оно расцветает...»), которые легко выполнялись еще лет пять назад, с первого раза получаются не у всех, возможно, это следствие того, что наряду с реальной действительностью выстроилась и прочно вошла в жизнь современных школьников виртуальная реальность, которая внесла коррективы в процесс формирования эйдетических образов. Возможное объяснение сложности зрительного погружения в

словесные образы сегодняшних школьников можно найти во фразе Т.Г. Визель: «Дети явно предпочитают зрительно-виртуальный мир миру звучащей речи. Очевидно, эта тенденция получит в будущем более полное выражение, т.е. ее следует признать закономерной» [2, с. 15]. Зрительно-виртуальный мир интернета сыграл определенную роль в готовности ребенка погружаться в мир образов, хранящихся в памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений / А.Р. Лурия. – Москва: Издательский центр «Академия», 2003. – 384 с.
2. Визель Т.Г. Основы нейропсихологии: учеб. для студентов вузов / Т.Г. Визель. – Москва: АСТ Астрель Транзиткнига. 2005. – 384 с.
3. Примерная основная общеобразовательная программа среднего общего образования. (Электронный ресурс) // Режим доступа: <https://mosmetod.ru/files/dokumenty/Primernaya-osnovnaya-obrazovatel'naya-programma-srednego-obshhego-obrazovaniya.pdf>
4. Матюгин И.Ю. Школа Эйдетики. Развитие памяти, образного мышления, воображения. Том 1. Запоминание цифр, телефонов, исторических дат / И.Ю. Матюгин, Е.И. Чакаберия, Т.Б. Слоненко. – Москва: Эйдос. – 1994. – Режим доступа: <https://www.livelib.ru/pubseries/722451-shkola-ejdetiki> (Дата обращения 10.12.19).
5. Матюгин И.Ю. Запоминание лиц и имён / И.Ю. Матюгин, Е.И. Чакаберия. – Москва : Эйдос. 1993 – 176 с.
6. Востриков А.А. Культура мышления. Учебное пособие для педагогических вузов / А.А. Вострикова. – Томск – Одесса: Психопедагогика, 1995. – 371 с.
7. Востриков А.А. Педагогическая психотерапия. Книга 1. Теоретические положения и концепции. Монография / А.А. Вострикова. – Томск: Продуктивная педагогика, 2007. – 260 с.
8. Лауреаты Нобелевской премии: Энциклопедия: М–Я. – Москва: Прогресс, 1992. – С. 434–435. Режим доступа: <https://vikent.ru/author/856/> (Дата обращения 10.12.19).

Поступила в редакцию 12.12.2019 г.

POSSIBILITIES OF PSYCHOLOGICAL INSTRUMENTARIUM IN DEVELOPMENT OF DEXTROCEREBRAL ACTIVITY AND IN INCREASE OF QUALITY OF STUDENTS' EDUCATION

T.A. Chelnokova

The article gives a theoretical conceptualization of practical experience in application of psychotechnics when working with students. A possibility of increasing the quality of education based on stimulation of the dextrocerebral activity of children is analyzed. Some findings received by the author in the course of experimental research are presented.

Key words: dextrocerebral activity, neuropsychology, eidetic abilities, metadisciplinary and personalized results of education.

Челнокова Татьяна Александровна.

Доктор педагогических наук, доцент.

ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова».

Профессор кафедры.

E-mail: nauka@zel.ieml.ru

Chelnokova Tatjana Aleksandrovna.

Doctor of Pedagogy, Docent.

Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasov.

Professor of the Department.

E-mail: nauka@zel.ieml.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований в области филологии и психологии. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре, напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать диапазона **4–8** страниц, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с предоставлением рукописи на адреса редколлегии (terkulov@rambler.ru, korobova.lat@gmail.com) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD или RTF, Office 97-2010) (название файла «(Фамилия автора)_статья», например, «Петров_статья»). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. **Поля зеркальные:** верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе **воздвиг** *нерукотворный**; слова категории состояния: *хорошо, **можно**, пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;
8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «...""...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пушица и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии) автора (авторов): выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсив).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведённого исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова:** (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016 А. В. Петров

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи по алфавиту на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник даётся в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

В тексте работы **не допускаются** пристрастные и концевые сноски. Ссылка на источник в библиографии оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).

4. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.

5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М.: Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
- через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание *Key words*: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION 'UNDER' IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– После аннотации курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.*

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Петров Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики. E-mail: liza_nada@mail.ru.	Petrov Alexandr Vladimirovich. Doctor of Philology, Professor. Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department. E-mail: liza_nada@mail.ru.
---	---

4. Отдельным файлом подаётся анкета автора для индексирования и для авторской картотеки «Вестника» (название файла «(Фамилия автора)_сведения», например, «Петров_сведения»):

Для индексирования

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Учёные степень и звание		

(если имеются)		
Должность		
Организация, в которой работал автор на момент выхода в свет (или написания) статьи		
Подразделение организации		
Город		
Страна		
Адрес организации		
e-mail		
SPIN-код каждого автора, зарегистрированного в РИНЦ (написан в регистрационной анкете автора на сайте www.elibrary.ru)		
Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации (www.grnti.ru)		
Название статьи		
Аннотация (до 300 печатных знаков)		
Ключевые слова (3–5 слов/словосочетаний)		

Для авторской картотеки

ФИО	
Учёная степень	
Звание	
Место работы	
Должность	
Электронная почта	
Мобильный телефон	

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом «под» со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета (E-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ДонНУ (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Технический секретарь: **Коробова-Латынцева Виктория Сергеевна**, преподаватель кафедры русского языка ДонНУ (korobova.lat@gmail.com).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2019. – № 4

На русском, украинском и английском языках

Технические редакторы: М.В. Фоменко, В.С. Коробова-Латынцева

Подписано в печать 27.12.2019 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 14,2
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.